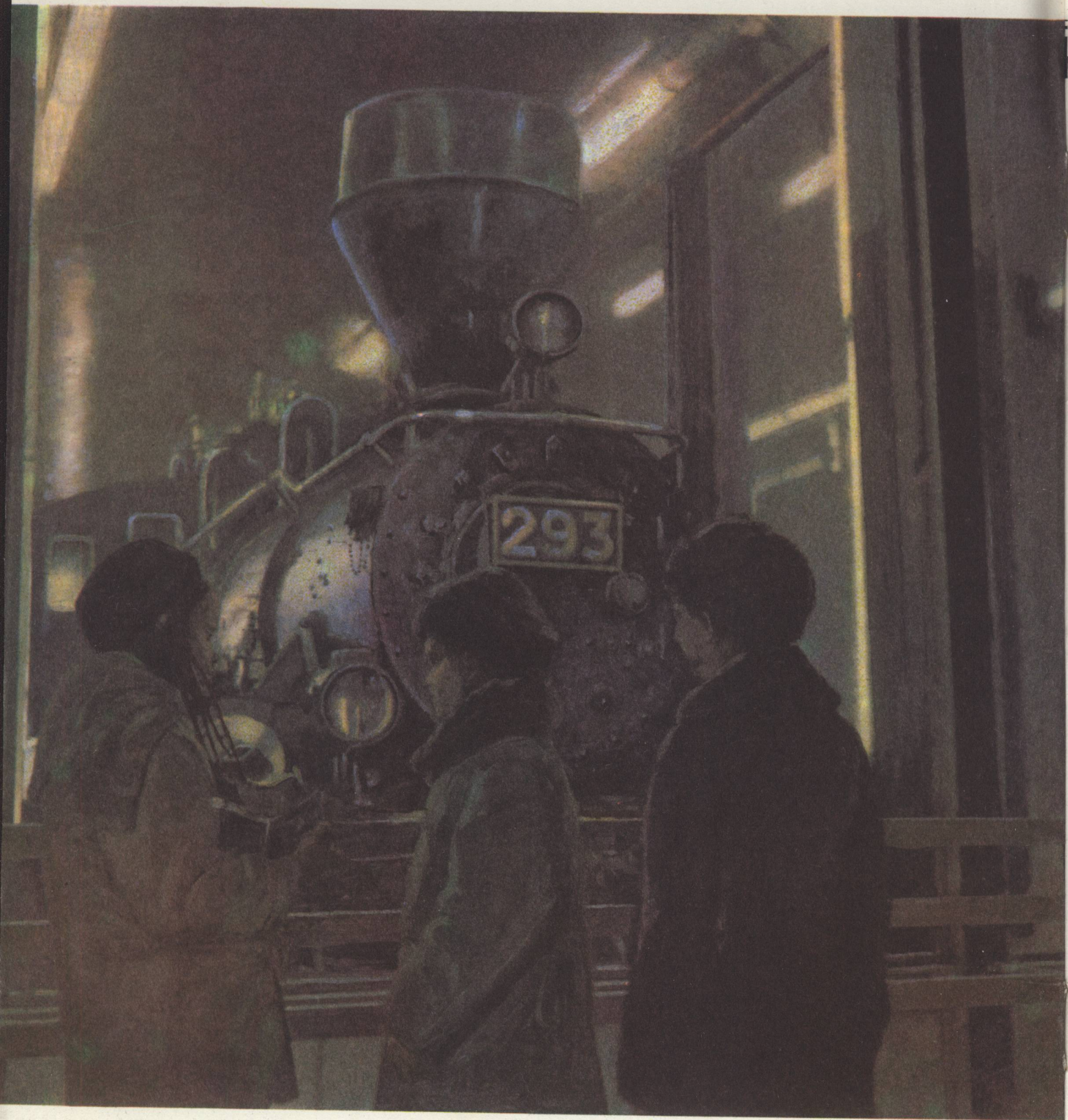
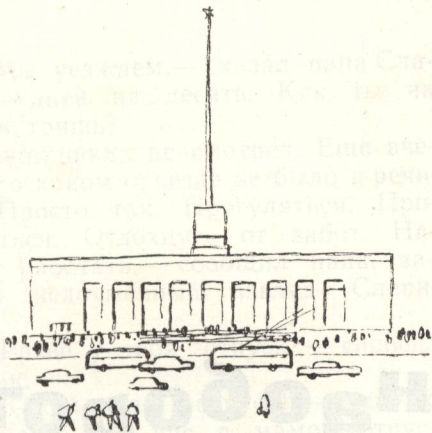

Космос
4
АПРЕЛЬ
1968

ПЕСНЯ О ЛЕНИНСКОМ ПАРОВОЗЕ

Музыка В. Запольского
Слова В. Шумилина

И опять на Финляндский вокзал я иду,
Где спешат электрички, трубя на ходу.
И стоит небольшой паровоз в стороне,
Все, как другу, он снова поведает мне.
Это он, это он торопился в пути,
Чтоб вождя в боевой Петроград привезти.

ПРИПЕВ:

И почудится стук колес,
И сквозь годы, легендой овеванный,
Ты опять меня, паровоз,
Увезешь в Революцию,
К Ленину.

Я стою, замечтавшись, и кажется мне,
Что я тоже на той, на гражданской войне;
Задышается ночь, помрачнел небосвод,
И свинцовую песню строчит пулемет.
Годы, годы шагают шеренгой бойцов,
Годы юности дедов и наших отцов.

ПРИПЕВ

Время наше летит на больших скоростях.
Нам с тобой побывать у вселенной в гостях,
Собирайтесь в дорогу, готовьтесь

в полет.

К самым дальним мирам полетит

звездолет.

И вдали от земли, средь пылающих звезд,
Будет в сердце моем паровоз, паровоз.

ПРИПЕВ

На этом паровозе 9 августа 1917 года в качестве кочегара тайно выехал в Финляндию В. И. Ленин. А 7 октября на том же паровозе Владимир Ильич вернулся в Петроград.

Теперь паровоз № 293 стоит на Финляндском вокзале в Ленинграде.

Ноты к „Песне о ленинском паровозе“ — на стр. 58.

Колос

4
АПРЕЛЬ
1968

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации
им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Нынче все наоборот

повесть Ю. ТОМИНА 2

„Нет, мы не пойдем!“ 17

Стихи

Н. АЛТУХОВА 20

Любимая песня Ильича

очерк Э. ЗВОНИЦКОГО 22

Побег

повесть ОТЫ ГОФМАНА 25

Стихи

А. СМОЛЬНИКОВА, Л. АГЕЕВА 33

Султан Меджинун и его кошка

сказка А. ГАРФ 34

Санька — лесная душа

беседа К. ВАЛЕРОВА 36

Инструмент инструментов

репортаж Н. СЕМАШКОВОЙ 41

Валерий Иванович, начальник экспедиции

очерк ЛЬВА СТЕКОЛЬНИКОВА 43

Фитюк

рассказ СЕРГЕЯ ВОРОНИНА 46

Стихи Саши Шамарина 49

Капитан Майн Рид

к столетию со дня рождения 50

В саду дяди Андрея 52

Уголёк 53

Бионика и спорт

заметки А. СВЕТОВА 55

Морская газета 56

Что? Где? Когда? Почему? 59

Школа „Спринт“ 61

Уголок веселого архивариуса 63

Арчебек на марше 64

Ильиче всё наоборот

ПОВЕСТЬ

Юрий Томиш

Рисунки М. Беломлинского

Но Серега ничуть не смутился.
— В походе надо самим готовить — раз! Дрова для костра собирать — два! Помогать друг другу — три! А если кто ногу сломает, его, может, на руках придется нести... А вы для этого дела не годитесь. Понял? В школе — одно дело, а там другое...

— А ты годишься? — ехидно спросил Славик.

— А я гожусь, — уверенно ответил Серега. — Я ни от чего не отказываюсь. А вы, может, и там будете отказываться. За вас работать — дураков нет. Кто-нибудь тонуть будет, а вы и спасать не пойдете.

— Да мы бы еще скорей тебя спасли!

— Докажи!

— Тут и доказывать нечего, и так ясно, что ты двоечник!

— Я двсечник, — согласился Серега. — Только меня взяли, а вас нет.

— Да нас еще вперед тебя возьмут! Только мы сами не хотим!

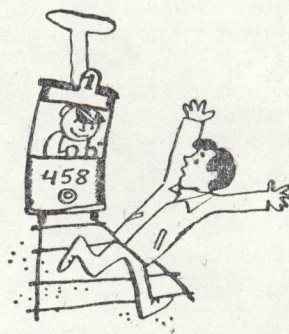
Серега только ухмыльнулся в ответ на эти слова. По лицам Юрки и Галки было видно, что им не очень-то нравится вся эта история.

— Тогда чего разговаривать, — сказал Серега, злорадно улыбаясь. — Все ясно. Мы так и знали, что вы не захотите. Привет.

Серега отодвинул Славика рукой и направился к двери, нахально раскачиваясь на ходу. Славик, зло стиснув зубы, смотрел ему вслед. Потом Славик схватил автомат и длинной очередью прошелся поперек Серегоиной спины. Серега упал. Славик отшвырнул автомат и, не глядя на остоленевших ребят, спокойно прошел мимо неподвижного Сереги и скрылся за дверью. Так поступил Славик мысленно. На самом же деле он остался на

месте и услышал огорченный вздох Юрки и слова Галки Сафоновой.

— Ну и не надо, — сказала Галка, но в голосе ее почему-то слышались слезы.

11.

**А ЕСЛИ
НАМ
ТАК
ХОЧЕТСЯ**

Возвращаясь домой из школы, Славик готовился к бою. Он не знал, о чем Майя Владимировна говорила с его родителями, но, конечно, ничего хорошего о Славике она не сказала. Теперь к домашним провинностям прибавятся еще и школьные. Дома разразится настоящая буря. Снова будет рычать папа. Снова мама размеренным и спокойным голосом будет вбивать в голову Славика правила поведения. На этот раз придется потруднее. Но он выдержит все и не отступит. Героями не рождаются. Ими становятся в борьбе.

Так думал Славик.

Но ничего этого не случилось.

— Пришел? — сказала мама. — Вот и хорошо, мы тебя давно уже ждем.

«Сейчас начнется», — подумал Славик и взглянул на папу, потому что тот всегда начинал рычать первым. Но вид у папы был не сердитый, а скорее озабоченный.

— Давай поторапливаться, — сказал папа маме.

Окончание. См. „Костер“ №№ 1—3, 1968 г.

— Мы уезжаем,— сказал папа Славику,— дней на десять. Как ты на это смотришь?

Славик никак не смотрел. Еще вчера ни о каком отъезде не было и речи.

— Просто так. Прогуляться. Проветриться. Отдохнуть от забот. Надоело работать,— сообщил папа, заметив недоуменный взгляд Славику.

— Разве у тебя отпуск? — спросил Славик.

— Какой там отпуск! — воскликнул папа. — У нас с мамой отпуск летом. Мы уезжаем потому, что нам так захотелось. Разве не могут люди поступать так, как им хочется? Захотел — и поехал. Это прекрасно! А если будут звонить маме из школы и спрашивать, почему она не приходит, скажи: она уехала. А если спросят, почему она бросила своих учеников в середине года, скажи — так ей захотелось.

Только сейчас Славик заметил два чемодана, стоящие на полу в передней.

Папа подхватил чемоданы и, кивнув Славику, вышел на лестницу.

— Поторопись, пожалуйста, — крикнул он маме. — У нас еще столько дел до отъезда.

Мама позвала Славику на кухню.

— Вот тебе деньги, — сказала она, раскладывая на столе рублевки. — Мы оставляем тебе двадцать рублей — по два рубля на день. Можешь ходить в столовую в нашем доме, а можешь в любую другую, — как хочешь. Можешь купить на все деньги мороженого, можешь папирос — твое дело...

— А я никогда не курю, — мрачно сказал Славик.

— Это тоже твое дело. Поступай как знаешь. До свидания, — сказала мама и ушла.

Все произошло так быстро, что Славик так и не понял, куда они уезжают, зачем уезжают и что вообще все это значит. С одной стороны, иметь двадцать рублей и полную свободу не так уж и плохо. С другой — родители не имеют права бросать своих детей и уезжать так внезапно. Двадцать рублей это одно дело, а живой человек — совсем другое.

Размышления Славику прервал телефонный звонок. Спрашивали маму.

— Ничего я передавать не буду

— Она уехала, — ответил Славик.

— Как уехала? У нее сегодня родительское собрание.

— Она уехала, — повторил Славик. — На десять дней.

— Куда?
— Не знаю.
— Простите, с кем я говорю?
— Это ее сын.
— Как же ты не знаешь, куда уехала твоя мама! Может быть, ты вовсе не сын, а посторонний?
— Я не посторонний, — обиделся Славик.
— Тогда ты должен знать, почему твоя мама уехала.
— Ей так захотелось, — сказал Славик, вспомнив папины наставления.
— Что значит захотелось?! У нее же уроки!
— Я ничего не знаю — сказал Славик.
— Да, это чувствуется, — сказали на другом конце провода и повесили трубку.
Не успел Славик отойти от телефона, как тот зазвонил снова.

— Слава, это ты? — услышал Славик папин голос. — Понимаешь, в чем дело, мы забыли билеты...

— Тут маме звонили, — сказал Славик. — У нее сегодня родительское собрание.

— Это неважно, — отмахнулся папа. — Маме давно уже надоели эти собрания, она не хочет на них ходить. Ты лучше поищи билеты, я обожду у телефона.

Славик положил трубку на стол и направился на кухню. Деньги лежали на прежнем месте, билетов не было. Не оказалось их и в комнате на письменном столе, и в другой комнате — на обеденном. Славик вернулся к телефону.

— Нигде нет.

— Посмотри как следует.

Славик осмотрел подоконники, буфет, залез под кровать, под тахту, обшарил ванную.

— Не нашел.

— Вспомнил, — радостно сказал папа. — Я засунул их в духовку. Они в газовой плите.

Славик достал из духовки два картонных прямоугольничка.

— Нашел, — сказал он в трубку. — Кто их туда положил?

— Я, конечно, — сказал папа. — Разве я не имею права класть билеты куда мне хочется. Но дело не в этом... Ты понимаешь, у нас еще столько дел... Мы не успеем заехать домой. Привези билеты в телецентр, я сейчас там. Поезжай на метро до площади, дальше — на автобусе. Да ты знаешь. Только поторопись.

Папа повесил трубку.

Телецентр находился в другом конце города. Славик добрался туда только через час. Он думал, что папа будет ждать его на улице, но перед зданием телецентра никого не было. С трудом Славик открыл тяжелую

дверь. Он протиснулся в щель, дверь поддала его сзади, и Славик очутился перед столом вахтера.

— Ты к кому, мальчик? — спросил вахтер.

— Я к папе.

— Пропуск есть?

— Нету.

— Без пропуска не разрешается.

— Но мне очень нужно. Папа забыл билеты на поезд, он просил привезти.

— Это не мое дело, кто что забыл, — строго сказал вахтер. — Без пропуска нельзя.

— Да вы, наверное, знаете моего папу. Он здесь работает, он диктор.

— Фамилия?

— Барышев.

— Товарища Барышева я знаю. А тебя не знаю и не пушу.

— Он же опоздает на поезд.

— А мне какое дело, — сказал вахтер и отвернулся.

Славик, насупившись, смотрел на вахтера. В эту минуту Славик проклинал его и удивлялся тому, как такие бессовестные люди могут жить на земле. Неужели непонятно, что из-за глупого упрямства пропадут билеты и папа с мамой никуда не смогут уехать!

Но вахтеру, кажется, было ничего не понятно. Он стоял, отвернувшись, не желая ничего ни слушать, ни отвечать, ни вникать в чужие заботы.

— Тогда вы передайте ему билеты, — попросил Славик, стараясь говорить самым вежливым голосом, на который был способен.

— Ничего я передавать не буду.

— Разве вам трудно передать? — спросил Славик, растрчивая последние крупички вежливости.

— Не трудно, — равнодушно сказал вахтер. — Просто не хочу.

Терпение Славика кончилось. Мгновенным и точным движением он выхватил из кобуры вахтера пистолет и крикнул:

— Руки вверх!

Вахтер побледнел и медленно поднял руки, с ужасом тараща глаза на Славика.

— В угол! — приказал Славик.

Вахтер попятился и забился в дальний от Славика угол.

— С места не сходить! — сказал Славик и бросился наверх по широкой лестнице. За спиной он услышал крик вахтера и еще какие-то крики. Славик бежал по длинному коридору, а из боковых дверей выскакивали люди, пытаясь преградить ему дорогу. Славик направлял на них пистолет, и люди исчезали мгновенно, словно куклы за ширмой.

В конце коридора Славик увидел папу.

Славик отдал ему билеты, развернулся, проделал тот же путь и, швырнув пистолет вахтеру, выскочил на улицу.

Но это все было мысленно. А на самом деле Славик потоптался на месте, повернулся и протиснулся в дверь, которая тут же захлопнулась.

В растерянности стоял Славик на широкой площадке перед дверью, зажав в кулаке билеты. Поведение вахтера было непонятно и мерзко. Вахтер был враг, и с ним следовало поступить как с врагом, но Славик понимал, что это ему не по силам, и ему было горько от своей беспомощности.

В эту минуту распахнулась дверь и враг появился на площадке.

— А вообще-то Барышев уже уехал, — сказал он. — Был и уехал. Велел тебе записку передать, если придешь.

На бумажке, которую враг протянул Славiku, было написано:

«Славик, мы с мамой не могли тебя дожидаться, времени мало, а нам еще надо захватить к дяде Мише. Привези билеты к дяде Мише. Папа».

— Чего же вы сразу не сказали?!

— А не хотел, — равнодушно ответил вахтер. — Хочу — говорю, не хочу — не говорю. Ясно?

Славiku ясно было только одно: времени терять нельзя. Он бросился вниз по ступеням. Всю дорогу до автобусной остановки Славик бежал и на бегу придумывал, как он пожалуется на вахтера папе, а тот выгонит вахтера с работы.

Дядя Миша жил довольно далеко от телецентра. Два автобуса, метро и трамвай — вот сколько было до дяди Миши. Славик не знал, сколько времени оставалось до отхода поезда, и потому торопился изо всех сил.

После звонка дверь долго не открывалась. Кто-то копошился за ней, кашлял, гремел замками. Наконец дверь отворилась и дядя Миша возник на пороге.

— Папа у вас? — отдуваясь, спросил Славик.

— Здравствуй, Слава, — сказал дядя Миша, давая тем самым понять, что люди сначала здороваются, а уж потом задают вопросы.

— Здравствуйте. Папа здесь? — повторил Славик, нетерпеливо переступая с ноги на ногу.

— Да ты заходи, заходи, — пригласил дядя Миша. — Раздевайся, поговорим.

— Мне некогда. Папа у вас?

— А зачем тебе папа?

— Он забыл билеты.

— Какие билеты?

— На поезд.

— На какой поезд?

Славик протянул дяде Мише билеты.

— Действительно, билеты... — задумчиво сказал дядя Миша, разглядывая картонные прямоугольники. — И действительно на поезд...

— Действительно, билеты, — задумчиво протянул дядя Миша

— Так папа у вас? — в четвертый раз спросил Славик, нетерпеливо переступая с ноги на ногу.

— У кого, у меня? — переспросил дядя Миша.

— Ну да, у вас? — нервничая все больше, сказал Славик.

— Да как сказать... — задумчиво протянул дядя Миша. — Он здесь был, но ушел.

— Тогда зачем вы меня все время спрашиваете? — разозлился Славик. — Сказали бы сразу!

— Такой уж у меня характер, — вздохнул дядя Миша. — Привык жить не торопясь. Врачам, Слава, торопиться нельзя. А я врач, и тебе это известно...

Да, Славику было известно, что дядя Миша врач. Сейчас Славику нужно было узнать совсем другое.

— Куда они поехали?

— Кто?

— Папа и мама.

— Ах, так, значит, мама еще с папой? — удивился дядя Миша.

— С папой... — сквозь зубы сказал Славик.

— С чьим папой?

— С моим, — ответил Славик, схватил дядю Мишу за ноги и выбросил его через окно прямо на асфальтовую мостовую.

Но, упав с четвертого этажа, дядя Миша не получил даже маленькой царапины. Он по-прежнему стоял перед Славиком и улыбался ему вполне добродушно, как старому знакомому.

— Да, они действительно были вместе, — сообщил дядя Миша. — Очень жалко, что ты их не застал. Что же теперь делать?

— Вы знаете, куда они поехали?

— Я? — спросил дядя Миша.

После этого вопроса Славику снова захотелось выбросить дядю Мишу в окно. Он никак не мог понять, почему тот упрямится и не хочет просто и ясно ответить, куда уехали папа с мамой. Ведь время идет. Поезд ждать не будет.

— Куда они поехали? — повторил Славик.

— Куда поехали... — раздумывая, повторил дядя Миша. — Так... Значит, они просили тебе передать, что поехали к Майе Владимировне... Значит... Они поехали к Майе Владимировне! — радостно сообщил дядя Миша. — Мне, конечно, нужно было бы тебе сказать об этом сразу, но я не люблю торопиться. Так мне больше нравится. А я привык жить так, как мне нравится.

— А теперь они из-за вас опоздают!

— Ну, это уже не важно. Важно то, что я поступаю, как мне нравится.

Выйдя от дяди Миши, Славик остановился возле парадной, раздумывая, как ему теперь добираться до Майи Владимировны. Вся эта история с билетами начинала казаться ему подозрительной. Зачем родителям ехать к Майе Владимировне, если она только сегодня была у них? Почему маме и папе понадобилось срочно уехать? Нет, все это неспроста. Меньше всего Славику хотелось видеть

сейчас Майю Владимировну. Может быть, он и не поехал бы к ней, если бы не билеты. Но к билетам Славик, как и все остальные люди, относился с большим почтением. Эти маленькие кусочки картона имеют над людьми непонятную и великую власть. Люди уважают их и боятся. «А мы не забыли билеты?» — это дома. «А ты не оставил билеты?» — это на вокзале. «Граждане провожающие, проверьте, не остались ли у вас билеты отъезжающих!» — это голос из репродуктора на перроне. Билеты... Билеты! БИЛЕТЫ!!! Можно потерять чемодан, шляпу или даже штаны... Билеты терять нельзя! Это же БИЛЕТЫ! У оставившего дома билет обязательного спросят, не оставил ли он также и голову. Без головы ехать можно, без билета — нет! И глубоко ошибаются те, кто думает, что билеты служат людям. Нет, все как раз наоборот. Билет и без пассажира — билет, но пассажир без билета уже не пассажир, он неведомо что. Потому-то и относятся к билетам так бережно и почитительно. Потому и хранят их, как Кашееву смерть, за семью замками: кладут билеты в паспорт, а паспорт — во внутренний карман, а карман застегивают на пуговицу и зашлифовывают булавкой. Ведь это же БИЛЕТ!

А билеты были у Славика.

И Славик направился к Майе Владимировне.

— А-а, Барышев, — сказала Майя Владимировна, открывая дверь, — я догадываюсь, зачем ты пришел. Ты ищешь родителей?

Славик вздохнул с облегчением. Наконец-то встретился человек, который понял все сразу и не стал задавать ненужных вопросов. Майя Владимировна оказалась лучше, чем думал Славик.

— Ага, — ответил Славик, — они забыли билеты. Они у вас?

— Нет. Они только что были и ушли.

— Опять ушли! — возмутился Славик. — Что они — нарочно? Не буду я их больше искать.

— Это твое дело, — сказала Майя Владимировна. — Ты ведь теперь поступаешь только так, как тебе хочется.

Только сейчас почувствовал Славик, как он устал. Устал не от того, что много ходил и ездил, а от бесполезности всех его стараний. Ему захотелось бросить все и уйти. Но билеты... Билеты шевелились в его кармане, они требовали, они просто кричали о том, что их ждут сейчас на каком-то вокзале. Славик не боялся ни отца, ни матери, не боялся даже Майи Владимировны, но билеты оказались сильнее его.

— А вы не знаете, куда они поехали? — спросил Славик.

— Знаю.

— Скажите, пожалуйста.

— Не скажу.

Славик даже попятился от удивления. Что это еще за фокусы? Если бы так ответила какая-нибудь девчонка, тогда понятно: девчонки любят иногда покапризничать. Особенно, если от них зависишь. Но какие капризы могут быть у учителей? Учителя должны быть выдержанными. Они как раз и созданы для того, чтобы спокойно переносить чужие капризы. Они не имеют права злиться, обижаться, кричать на детей. Их дело — железная выдержка и справедливость. За это им дано право ставить двойки и выгонять из класса. Хватит с них и этого. А слова «не скажу», «не могу», «не хочу» — слова совсем не учительские. Майя Владимировна не имеет права на такие слова.

— Да, да, не скажу, — повторила Майя Владимировна, заметив удивление Славика. — Не хочу говорить и не буду. Ты уж меня лучше не спрашивай.

— А вам что, трудно сказать?

— Конечно, не трудно. Но я не хочу. Ты ведь знаешь такое слово — «не хочу». По-моему, это твое любимое слово. Ну так вот, мне оно тоже нравится.

И снова — в четвертый раз за сегодняшний день — Славик почувствовал, что не может простить такого к себе отношения. Он вынул из кармана небольшую мину и положил ее на столик, стоявший в передней. Майя Владимировна побледнела. Ноги ее подкосились, и она села на пол. Дрожащим голосом она стала лепетать какие-то извинения, но Славик ее не слушал. Мина должна была взорваться через десять секунд. У Славика только-только хватало времени, чтобы выйти из квартиры.

И он вышел. И Майя Владимировна закрыла за ним дверь, сказав ему вслед «до свидания». Тем самым она давала понять, что люди сначала прощаются, а потом уже уходят. Несмотря на мину, Славик не хотел ссориться до конца, потому что с Майей Владимировной ему придется встретиться еще не один раз. Он тоже сказал «до свидания».

Снова Славик стоял у парадной, снова думал, что же он еще может сделать, но на этот раз ничто не могло помочь, потому что след родителей оборвался в квартире Майи Владимировны.

Славик перешел на другую сторону улицы и побрел к дому.

Прежде чем зайти в парадную, Славик посмотрел на окна своей квартиры. Там горел свет.

— Вот он! — зарычал папа, открывая дверь. — Из-за него мы не смогли уехать. Ты где пропадал?

Папины слова были по меньшей мере несправедливы. Не для того Славик носился по городу как угорелый и выслушивал всякие глупости, чтобы его еще за это ругали. Славик старался честно. Он не виноват, что ему все время мешали.

— Они все с ума, наверное, сошли, а я виноват, да? Не знаешь ничего, а кричишь... — сказал Славик.

— Кто с ума сошел?

— Вахтер, которому ты записку оставил.

— По-моему, он вполне нормальный, я давно его знаю.

— Ничего ты не знаешь, — сказал Славик. — Он мне даже не сказал сразу, что вы уехали. И записку отдал, может, через полчаса.

— Чепуха какая-то! — Папа пожал плечами. — Почему же он сразу не сказал?

— Он говорит: не хотел — и все.

— А-а-а... — протянул папа. — Тогда понятно. Раз не хотел, тогда ничего не поделаешь. Он у нас такой: хочет — сделает, не хочет — нет. По-моему, это нормально, как ты считаешь? — папа повернулся к маме.

— Совершенно справедливо, — подтвердила мама. — Как раз тебе, Вячеслав, это должно быть понятно. Ты ведь и сам так поступаешь.

— Но ты все же прочитал записку? — спросил папа.

— Прочитал.

— Почему же ты не приехал к дяде Мише?

— Я приехал, а вы уже уехали.

— Мы уехали потому, что не могли тебя дожидаться. А нам еще надо было повидать Майю Владимировну. Почему ты сразу же не поехал за нами?

— Он меня все время спрашивал: «Чей папа? Чья мама?» А сам не говорил, куда вы уехали.

— Да, дядя Миша тоже любит поступать по-своему. Это вполне могло случиться. Выходит, ты и не виноват? Ты старался, а тебе мешали? Но ведь никто не хотел тебе повредить. Просто люди поступали так, как им больше нравится. Ты ведь тоже так делаешь.

То, о чем Славик начал догадываться после разговора с дядей Мишей, стало теперь для него совершенно ясно: никуда родители уезжать не собирались. Все это было придумано.

мано для воспитания. Все отвечали Славику так, как отвечал он папе и маме.

— Ты думаешь, я не понимаю? — сказал Славик. — Я понимаю — вы все нарочно придумали. Вы просто договорились. Я знаю: раньше Майя Владимировна мне бы никогда так отвечать не стала.

— Когда «раньше», Слава? — спросила мама.

— Ну, раньше...

— Раньше чего?

— Ты сама знаешь.

— Гм, — сказал папа. — У нашего сына есть, по крайней мере, одно положительное качество: он не дурак. Это обнадеживает.

— И билеты в духовку ты положил специально! — торжествуя, сказал Славик.

— Гм, — опять сказал папа, — тебе, кажется, понравилась эта игра? Не беспокойся, теперь мы каждый день будем играть в такие игры. Посмотрим, кому раньше надоест. Если уж хочешь знать до конца, то знай, что билеты эти никуда не годятся. Они старые. Но это еще цветочки. Ягодки будут дальше. Мы с мамой еще не такие штуки начнем выкидывать.

— А я теперь билеты не повезу, — сказал Славик.

— При чем тут билеты! — воскликнул папа. — Можно придумать что-нибудь поинтереснее.

— По-моему, с него на сегодня достаточно, — сказала мама. — Иди спать, Вячеслав.

Славик собирался было по привычке сказать «не пойду», но спать ему так хотелось, что сопротивляться было бы просто глупо. Он добрал до кровати, разделся, залез под одеяло и сразу комната затуманилась и начала плавно кружиться перед его глазами. Последнее, что еще успел услышать Славик, были слова, донесшиеся из коридора.

— Кажется, мы что-то недодумали, — сказал папа.

— Можешь меня не примешивать, — ответила мама. — Это все твои выдумки.

— Ничего, я еще кое-что придумал, — сказал папа. — Пойдем на кухню.

Славик сонно подумал, что надо бы встать и подслушать, о чем они будут разговаривать на кухне, но он был не в силах не только встать, но даже пошевелиться. В следующую секунду перед его глазами почему-то возник трамвай, который бесшумно катился по рельсам прямо на него. Славик пытался бежать, но ноги его скользили по земле, не находя опоры, а водитель, похожий на дядю Мишу, кричал «не хочу!» и направлял трамвай прямо на Славика.

12.

ПУСТЬ БЕЖИТ

После разговора с Сергеем Кабановым, Галка на следующий урок не пошла. Еще до звонка она собрала свои вещи и ушла из школы, ничего не сказав ни Юрке, ни Славику. Она обиделась. Но виноват был вовсе не Серега. Он двоечник и нахал — с него спросу нет. Галка обиделась на всех остальных ребят. Ведь это они втихомолку, за ее спиной исключили ее из похода. Возмутительней всего было то, что исключили ее как раз те, кто восхищался ее, Юркиной и Славикуной храбростью, кто охотно хихикал и тем самым подзадоривал их на дальнейшие подвиги. Правда, исключили ее не совсем втихомолку — на собрание она сама не осталась, но все остальное было просто нечестно. Ведь не в походе даже и дело. Получалось так, будто она хуже всех и даже Серега — двоечник и нахал — имеет право над ней смеяться.

Галка брела по залитой солнцем улице, навстречу ей шли веселые, беззаботные люди, но это все были чужие люди, а Галке сейчас нужен был друг.

Друг это человек, который всегда с тобой заодно. Он поступает так же, как ты, и потому ты всегда можешь считать себя правым в своих поступках. Такого человека у Галки не было. Славик и Юрка в счет не шли, они были не друзья, а сообщники. Оставалась мама. Но мама сейчас никак не годилась Галке в друзья.

Как и положено в таких случаях, Галка подумала о том, что неплохо было бы уехать на край света и там как-нибудь прославиться. Она представляла себе, что вернется через год и пройдет по улицам в унтах и меховой летней куртке, как у папы. Почему в унтах и куртке — она и сама не знала. Как-то уж так повелось, что в меховых одеяниях есть что-то героическое. Но, кроме унтов, Галка ничего не смогла придумать и, вместо того чтобы мчаться на край света, медленно приближалась к дому.

Галка подошла к двери, достала ключ и вдруг совершенно отчетливо представила себе,

что сейчас навстречу ей, как и раньше, выйдет в коридор мама, возьмет у нее портфель, улыбнется, и от этого все станет по-прежнему. Галка нарочно долго клацала ключом в скважине, но когда она открыла дверь, в коридоре никого не было.

Мама лежала в постели в своей комнате. Она не повернула головы к дочери, только покосилась в ее сторону.

— Ты заболела?

— Немного, — сказала мама. — Доктор велел лежать.

— У тебя даже доктор был?

— Был.

— А что он сказал?

— То, что обычно, — с неохотой сказала мама. — Пирамидон, цитрамон от головной боли; аспирин, аскофен от всего прочего.

— А где папа?

— Его вызвали. Возможно, ему сегодня придется лететь.

Галка переступила с ноги на ногу. Она не знала, как ей себя вести. Больше всего ей хотелось присесть к маме на кровать. Но она боялась, что мама этого не хочет.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросила Галка.

— Нет, спасибо, — мамино «спасибо» прозвучало так, будто Галка уступила место в трамвае.

— Может быть, сходить за лекарством?

— У меня все есть, — сказала мама. — Если ты хочешь кушать, посмотри на кухне. Сегодня я не смогла ничего приготовить.

Мамины слова звучали спокойно и ровно, будто говорящие часы. Она лежала неподвижно и смотрела не на Галку, а в потолок. Мама была как кукла, и это мешало Галке подойти к ней.

Галка повернулась и пошла к двери. Сама того не замечая, она шла на цыпочках.

— Галя... — позвала мама.

Галка с готовностью обернулась.

— У нас сегодня была Майя Владимировна...

— Я знаю, она мне говорила.

— Ну и прекрасно, — сказала мама и закрыла глаза.

Галка постояла немного и вышла, прикрыв за собой дверь неплотно, чтобы было слышно, если позовет мама. На кухне стояли остатки вчерашнего ужина. Галка поковырялась вилкой в салате. Есть ей не хотелось.

В квартире стояла недобрая тишина. За стеной глухо бубнило что-то соседское радио. На подоконник шлепнулся и засеменил лапками по железу жирный голубь. Он был откровенно беззаботен, и Галка посмотрела

на него с неприязнью. Все было сейчас плохо.

Галка потихоньку подошла к маминей двери и заглянула в щелку. Мама лежала в той же позе и смотрела в потолок. Губы ее шевелились, будто она подсчитывала что-то про себя.

Галка не решилась войти к ней и снова ушла на кухню. Она постаралась придумать, что бы такое сделать для мамы, отчего она улыбнется и заговорит своим голосом, но в голову Галке почему-то лезли всякие дурацкие мысли, вроде, надеть новогоднюю маску или подползти к кровати на четвереньках, а ничего толкового не придумывалось.

Взгляд Галки остановился на банке с кофе, стоявшей на столе. Пожалуй, это было то, что нужно. Она сварит маме кофе, принесет и поставит на стул перед кроватью. Она делает это молча, как будто ничего не случилось, а просто она ухаживает за больным человеком. И если больной человек примет кофе, то это будет означать, что в эту минуту начнется мир.

Все произошло так быстро, словно в кастрюле было не молоко, а порох

Галка налила воды в кофейник, насыпала туда кофе и поставила на огонь. Затем она достала чистый стакан, положила в него сахар и принялась ждать, когда кофе вскипит. Тут же она вспомнила, что если делать все по правилам, то надо вскипятить и молоко.

Она налила молоко в кастрюлю и включила вторую горелку. К тому времени кофейник начал тихо потрескивать, и Галка встала возле него в полной боевой готовности. Кофейник разговаривал все громче. Галка не спускала с него глаз, зная вздорный характер кофе.

Но первым все же взбунтовалось молоко. Оно вымахнуло из кастрюли белой пузырящейся шапкой. Все произошло так быстро, словно в кастрюле было не молоко, а порох. Услышав шипенье, Галка быстро повернулась к кастрюле и стала дуть на молоко, но шапка росла все быстрее и, прежде чем Галка догадалась выключить горелку, вокруг кастрюли образовалось роскошное белое облако. Галка повернула кран, и облако медленно стало оседать на плиту, вновь превращаясь в обыкновенное молоко. Сладко запахло горелым. Галка оглянулась в поисках тряпки. Но кофе тоже не дремал. Из кофейника, подняв крышку, выплеснулось коричневое облако. Галка бросилась к кофейнику. Она хотела снять его с плиты, но ручка оказалась горячей. Галка отдернула руку. Кофейник повалился набок. На полу рядом с белой лужей образовалась черная. Одной ногой Галка стояла в белой луже, другой — в черной, и слезы, накопленные за день, текли по ее лицу.

— Галя, — послышался мамин голос.

Галка медленно пошла в мамину комнату. Она остановилась на пороге.

— Что там происходит? — спросила мама.

— Я хотела... хотела... — проговорила Галка, — хотела тебе кофе...

— Иди сюда. Садись, — сказала мама.

Галка присела на край кровати.

— Убежал? — спросила мама.

— Д-да... — всхлипывая, ответила Галка.

— Ну и пусть бежит, — сказала мама, улыбнулась и тоже заплакала.

13.

СПАСЕНИЕ ПОГИБАЮЩИХ

Юрка пришел в садик задолго до пяти часов. Вячеслава Андреевича еще не было. Юрка посидел на скамейке минут пять, но ему показалось, что прошел целый час. Он побежал к выходу — взглянуть на часы, ви-

севшие на другой стороне улицы. Одна сторона часов показывала четыре, другая — пять. Конечно, Юрка немедленно решил, что правильная сторона вторая. Он помчался обратно. У скамьи по-прежнему никого не было. Юрка уселся на нее с твердым намерением не сходить с места, чтобы не пропустить Вячеслава Андреевича. Но сидеть спокойно было просто невозможно. Через несколько минут Юрка снова был у выхода.

Так он бегал почти целый час. Это было для него не трудно. Он привык бегать. Ноги не раз выручали Юрку из беды.

Вячеслав Андреевич пришел ровно в пять. — Ну, как дела? — спросил Вячеслав Андреевич. — Опять дома не ночевал?

— Опять. Я уже думал, что вы не придете.

— Напрасно думал.

— Я очень боялся, что вы не придете. Теперь только вы можете меня спасти.

— Спасают погибающих, — улыбнулся Вячеслав Андреевич. — А ты еще не совсем погиб. Я договорился насчет приемника и пылесоса. Часы, извини, починить они не берутся.

— Да часы и не надо, — сказал Юрка, холодеет от счастья.

— Ну что ж, тогда пойдем забирать твои игрушки.

Радость Юркина сразу уменьшилась наполовину. Он помрачнел.

— Ты чего? — спросил Вячеслав Андреевич.

— Домой идти боюсь. Там мама.

— Так ведь все равно придется.

— Придется... — вздохнул Юрка. — Я даже не знаю, что мне теперь будет.

— Идем, идем, со мной тебе полегче будет, все-таки — посторонний человек...

— Нет, не легче. Она не любит, когда посторонние вмешиваются. Еще, может, и вам попадет...

— Ну что ж, — сказал Вячеслав Андреевич, — будем бороться до конца. Вперед!

Мать открыла дверь. Увидев Вячеслава Андреевича, молча посторонилась. Юрка боком прошел в переднюю. Вслед за ним вошел Вячеслав Андреевич, с видом смущенным, как будто и он был в чем-то виноват.

— Здравствуйтесь, — сказал Вячеслав Андреевич.

— Здравсте, — сказала мама, искоса оглядела гостя и тут же на ум ей пришло вполне законное подозрение.

— Жаловаться пришли? — спросила она. — Жалуйтесь. Только я ничего слушать не хочу. Забирайте его! Делайте с ним что хотите! У меня больше на него сил нет.

— Мама, — сказал Юрка голосом самым тонким, каким только мог. — Это Вячеслав Андреевич. Он приемник починит...

Мать повернулась к Юрке и закричала:

— Так ты еще мастера привел! Ты зачем мастера привел! Где я тебе деньги возьму на мастера!

— Я не мастер, — сказал Вячеслав Андреевич, — я учитель. Вернее, почти учитель.

На слово «почти» мать не обратила внимания. Она твердо знала, что учитель напрасно в дом не придет. Еще ни один учитель не принес в ее дом доброго известия. Все приходили жаловаться на Юрку и просили «принять меры».

— Все равно, хоть и учитель, — заявила мать, — я больше с ним никаких дел иметь не хочу. Пусть идет куда хочет, делает что хочет! Или забирайте его в интернат или в тюрьму — куда хотите. Мне до него дела нет.

— Я вас понимаю, — сказал Вячеслав Андреевич. — Вы сейчас расстроены и говорите сгоряча. Не думаю, чтобы вы на самом деле хотели отдать его в интернат.

— А хоть бы и сгоряча! — вскинулась мать. — Вам что за дело! Вы их учите, а меня уже выучили!

Юрка видел, что мать находится в состоянии мало пригодном для мирных переговоров. Сейчас она была словно бомба со вставленным детонатором. Одно прикосновение — и бомба может взорваться. Осколки полетят во все стороны, вонзаясь в виновных и невиновных. Мать начнет кричать про свою жизнь, про негодяя-отца, который их бросил, про сына, который не имеет к ней ни капли сочувствия. Она будет кричать, что ей все равно — пусть хоть земля пополам лопнет, а вечером будет плакать, жалея себя и людей, которых напрасно обидела.

Юрка боялся, что Вячеслав Андреевич повернется и уйдет. Раз он пришел помочь, то вовсе не обязан выслушивать всякие лишние слова. Он уйдет, и вместе с ним уйдет правильная мирная жизнь, которую Юрка твердо решил начать с сегодняшнего дня.

А мать продолжала атаковать Вячеслава Андреевича.

— Если вы учитель, то учите его, чтобы он мать слушал! По чужим домам не ночевал! Жаловаться все могут, а что с этого толку! Вы на него мне жалуетесь, а я кому буду — господу богу?

Вид у Вячеслава Андреевича становился понемногу все более унылым. Так же, как и в классе, он ждал, казалось, звонка, чтобы отступить с честью. Мать заметила его смущение. Это смягчило ее. Голос ее зазвучал

потиху. Вместо того чтобы ударить напоследок изо всех орудий, она сказала с некоторым даже удовлетворением:

— Вот так-то! А вы говорите...

Вячеслав Андреевич стоял оглушенный.

— Да я ничего и не говорю, — сказал он наконец, — я тут ни при чем. Вы меня не так поняли. Мы с вашим сыном встретились случайно. Он мне рассказал, что у вас тут несчастье случилось: приемник сломался и прочее. Вот я и решил помочь.

— Чего-то мне непонятно, — мама подозрительно взглянула на Вячеслава Андреевича. — Вы учитель или просто подработать пришли?

— Мама, ты ничего не понимаешь! — завопил Юрка. — Он все бесплатно починит!

Юрка думал, что теперь-то мама все поймет и обрадуется. Но ведь известно: никогда нельзя знать, что ждать от родителей. Все вышло как раз наоборот. Мать насупилась, лицо ее стало отчужденным.

— С чего это — бесплатно? — сухо спросила она. — За какие такие наши заслуги? Вроде милостыни, что ли? Нам милостыней не надо.

Вячеслав Андреевич беспомощно взглянул на Юрку. Юрка страдальчески сморщил лицо. Всем видом своим он умолял Вячеслава Андреевича потерпеть еще немного. Мать заметила этот молчаливый разговор. Наверное, она поняла, что между гостем и ее сыном есть что-то такое, чего она еще не знает.

— Да вы проходите в комнату, — неожиданно сказала она. — Чего в коридоре стоять. Извините только — у нас не прибрано.

— Ничего, ничего, это неважно, — торопливо ответил Вячеслав Андреевич.

Мама усадила гостя за стол и сама села напротив. Юрка на всякий случай устроился поближе к двери.

— Вы извините, — сказала мама, все более успокаиваясь, — у нас только две женщины живут — я да соседка. А тут, бывает, всякие ходят. Так мы не каждому открываем.

Вячеслав Андреевич заерзал на стуле.

— Мама! — трагическим шепотом зашипел из своего угла Юрка.

— Да я не про него, — сказала мама.

Наступило молчание. Искусством беседы с гостями Юркина мама не владела. Она ждала, что ей скажут.

— Видите ли, — проговорил, наконец, Вячеслав Андреевич, — мы с вашим сыном знакомы недавно. Я еще не учитель, я сам учусь на пятом курсе. Но я был у них в классе на практике. А потом мы с ним случайно встретились на улице и он мне рассказал, что у вас кое-что поломалось.

— Надо же человека как-то отблагодарить

— Ничего себе кое-что! — сказала мама, грозно глядя на Юрку. — И как понимать — поломалось? Само, что ли? Об этом он говорил?

— Да, да, — торопливо сказал Вячеслав Андреевич, — он сказал, что сам и все прочее... Он своей вины не скрывал, хотя и говорил, что не нарочно.

— У них нарочно от нечаянно не отличишь!

— Пожалуй, — согласился Вячеслав Андреевич, понимая, что чем меньше он будет спорить с Юркиной мамой, тем лучше будет для их общего дела.

— Так вы, значит, решили за него заступиться?

— Не совсем так. Просто я имею возможность отремонтировать эти вещи.

— Я понимаю, — вздохнула мама. — На учебу тоже деньги нужны. Днем небось учитесь, а вечером подрабатываете? Только у меня сейчас денег нет.

— Мне денег не нужно.

— А мне бесплатно не нужно, — лицо матери приняло обиженное выражение. — За всякий труд нужно платить.

С какой стати вы будете себя обижать. — Я не сам, знакомые сделают.

— А хоть и знакомые, — упорствовала мама. — Они-то с какой стати будут надсаживаться?

— Они не будут надсаживаться, — терпеливо разъяснил Вячеслав Андреевич, удивляясь, что нужно затратить столько усилий, чтобы сделать добро людям. — Я попрошу, и они сделают для меня.

— Они — для вас, а вы почему?

— Да просто так, — сказал Вячеслав Андреевич с легким раздражением. — Разве вы никому не помогаете? Например, своим товарищам по работе?

— Конечно, — согласилась мама. — И подменяю, если нужно, и еще... Только мы ведь вместе работаем... А вам чем же мы так уж понравились?

— Да просто так, — сказал Вячеслав Андреевич с еще большим раздражением. — Мы поговорили с Юрой, по моему, он неплохой парень. Только ему не везет. Почему же не помочь человеку, если можно?

— Да уж мой Юра не хуже других, неожиданно согласилась мама. — Хоть и одна его воспитывала. У него ведь отец умер...

«Зачем она врет? — с тоской подумал Юрка. — При чем тут отец? Ведь Вячеслав Андреевич все знает!» Юрка взглядом попросил Вячеслава Андреевича, чтобы тот не выдавал его. Но Вячеслав Андреевич понял все и так. Он сделал вид, что ничего нового не услышал.

— Да, мне Юра говорил, — сказал он.

Мать строго взглянула на Юрку.

— Да уж, врать он не мастер, — сказала она. — Хотя и рано еще ему понимать об таких делах.

— Так как же? — деловым тоном спросил Вячеслав Андреевич. — Можно забирать вещи?

— Да уж не знаю, — сказала мама. — Как-то все это вдруг получилось. Даже не знаю. Пылесос, конечно, хорошо бы починить, он соседский... Да не знаю...

Но, видно, деловой тон гостя кое в чем убедил ее. Кое в чем... А кое в чем она еще сомневалась.

— Чайку не выпьете? — предложила она. — У меня варенье есть алычевое, сестра из Донбасса прислала.

— Спасибо. Я сладкого не люблю.

— Это, конечно, кто что любит... — согласилась мать. — А вы, значит, в институте учитесь? Трудно небось?

— Как и всем, — сказал Вячеслав Андреевич.

— В каком же институте?

— В педагогическом.

Юрка краснел в своем углу, понимая нехитрые материнские ходы. Мать боялась доверить вещи незнакомому человеку. Она и хотела поверить и не могла. Она вела себя так, словно ее каждый день обворовывали, и Юрке было за нее стыдно.

— Так... — задумчиво протянула мама. — Значит, в педагогическом. Учителем будешь... — неожиданно мама повернулась к Юрке и воскликнула: — Господи, на кухне-то у меня чайник! Юра, беги, выключи!

Юрка исчез за дверью. Мать тут же поднялась со стула и сказала гостю извиняющимся тоном:

— Пойду сама посмотрю. Знаете, как им доверять, вместо выключить еще включить чего-нибудь.

Юрка стоял перед газовой плитой, на которой не было никакого чайника. Мама торопливо вошла в кухню, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

— Ну, что ты еще придумал на мою голову! — сказала она тоном скорее жалобным, чем сердитым. — А если он унесет и не принесет? Откуда ты его знаешь?!

— Что ты говоришь! — зашипел Юрка. — Он же учитель!

— Так он и сам говорит, что еще не учитель. Он у вас что, на уроках был?

— Был, — зашипел Юрка еще громче. — Его Майя Владимировна знает! Тебе бы только бы всех подозревать!

— Чего особенного? — мама возразила без всякой, впрочем, уверенности. — Разве спросить нельзя?

— Эх ты, и не стыдно тебе! — сказал Юрка.

— Чего же мне стыдно, — вяло возразила мама и неожиданно рассердилась. — Ты еще меня будешь стыдить! Сам стыдись, идиот! Из-за тебя ведь все! Я еще с тобой разделаюсь! Будешь у меня по бабушкам бегать!

Но Юрка понимал уже, что никто с ним не разделается, что все налаживается. Мамин гнев, как угасающий костер, пыхал последними огоньками, да и то не потому, что ей хотелось сердиться, а просто потому, что неприлично было успокаиваться вот так сразу.

Через десять минут Юрка и Вячеслав Андреевич уже стояли на лестничной площадке.

Юрка держал пылесос, Вячеслав Андреевич — приемник. Мать стояла на пороге — успокоенная и почти счастливая.

— Большое вам спасибо! — говорила она. — Не знаю, как вас благодарить!

— Пока не за что, — ответил Вячеслав Андреевич.

— Да уж нет! Извините, есть за что, — сказала мать, и вдруг, словно вспомнив что-то, всплеснула руками и скрылась.

— Юра, иди на минуточку, чего скажу, — послышался ее голос из глубины квартиры.

Юрка взглянул на Вячеслава Андреевича, пожал плечами: сами, мол, понимаете — разные капризы бывают у женщин. Он поставил пылесос на площадку и снова вошел в квартиру.

— На, возьми, отдай ему, может быть, человеку выпить хочется, пол-литра купит, — зашептала мама, сунув Юрке скомканную трешку. — Мне самой неудобно.

— Мама, ты понимаешь, что говоришь?! Он же учитель!

Мать сразу сникла, застыдилась и неловко отступила назад.

Юрка держал пылесос, Вячеслав Андреевич — приемник

— Тогда скажи ему, пускай ко мне в парикмахерскую приходит. Я его обслуживать буду бесплатно. Надо же человека как-то отблагодарить.

— Да ничего ему не надо! — возмутился Юрка.

— Много ты понимаешь, — сказала мама. — Иди, не задерживай человека.

14.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

В воскресенье Славик долго не хотел просыпаться. Он несколько раз открывал глаза, но тут же засыпал снова, всем телом ощущая, как это хорошо: лежать, отдыхать, не двигаться. После вчерашней беготни болели мускулы, но боль эта была приятна тем, что, повернувшись на другой бок, можно было ее успокоить, и тогда телу становилось легко, словно оно совсем ничего не весило.

Солнечные лучи путешествовали по комнате: они медленно ползли по обоям, и даже сквозь веки он ощущал свет и тепло солнечных пятен на стене.

Славик дремал и сонно думал, что вот сейчас его придут будить, но он даже не пошевелится и притворится, что ничего не слышит. Папа, конечно, церемониться не станет. Он сдернет одеяло. Но если подтянуть колени к груди, сжаться в комок, то будет совсем не холодно и можно поспать еще несколько минут без одеяла.

Но никто не приходил будить Славика. В квартире стояла полная тишина. Спать можно было совершенно спокойно. Когда Славик это понял, то сон у него почему-то быстро прошел и он встал.

Залитая солнцем комната казалась особенно нарядной. Славик стоял посреди комнаты в трусах, потягивался, ощущая, как уходит из него сон и на смену ему приходит светлое утреннее настроение, как у человека, с которым накануне случилось что-то хорошее.

Да и на самом деле, вчерашний день вышел довольно удачным. Конечно, пришлось побегать с ненужными никому билетами. Но зато победа над родителями не вызвала сомнений. Они так ничего и не смогли сделать со Славиком. Больше им не удастся разыгрывать эти истории с билетами.

Правда, борьба с родителями требовала довольно много усилий. За последние три

дня и в школе и дома Славика пришлось порядочно потрудиться, чтобы делать все по своему. Не делать дело оказалось труднее, чем делать его. Но зато — победа! Это тоже кое-что стоит.

Славик вышел в коридор, заглянул в другую комнату, на кухню. Никого не было. «Опять они что-то затеяли», — подумал Славик и тут же услышал звонок телефона. Славик снял трубку.

— Ты уже встал? — спросил папин голос.

— Встал, — сказал Славик.

— Ну и хорошо. Я звоню с вокзала. Мы уезжаем.

— Понятно, — сказал Славик и дрыгнул ногой от восторга. — Вы забыли билеты?

— Нет, — сухо сказал папа. — Билеты у нас. Мы уезжаем на дачу к дяде Мише. Вернемся вечером.

— А что мне делать? — спросил Славик, ожидая, что сейчас ему дадут какое-нибудь поручение вроде вчерашнего.

— Что хочешь, — сказал папа.

В трубке раздались гудки отбоя. Славик повертел в руках трубку, оглядел ее, словно в ней должен был скрываться секрет очередной родительской хитрости, пока еще непонятной.

Раздумьям Славика помешал новый звонок, на этот раз в передней. Славик заметался по комнате в поисках штанов. Их не было ни на стуле, где он вчера их оставил, ни в шкафу. Снова раздался звонок. Славик на цыпочках подошел к двери.

— Кто там?

— Это я, — послышался Юркин голос.

Славик открыл дверь. На площадке стоял Юрка. Вид у него был какой-то виноватый. Но Славика сейчас было не до Юркиного вида.

— Здорово! — сказал Славик. — У меня штаны куда-то пропали. Помогай искать.

Вдвоем они обшарили обе комнаты и кухню, но ничего не нашли. Юрка старался даже больше Славика. Он ползал по полу на животе, вытирая пыль и заглядывая во все щели. Когда он попытался залезть на шкаф, Славик остановил его.

— Брось ты, они же сами убежать не могли. Я знаю, их в письменном столе заперли.

— Так ты надень другие, — посоветовал Юрка.

— Другие тоже заперли. Это они нарочно, чтобы я гулять не ходил. А сами в гости уехали.

— А я думал, мы с тобой гулять пойдем, — с сожалением сказал Юрка.

— ...У меня штаны куда-то пропали

— А вот возьму и без штанов пойду! Им назло! — рассердился Славик.

— В милицию заберут, — вздохнул Юрка.

— Пускай забирают!

— Вообще-то, конечно...

— Что «конечно»? Тебе интересно, чтобы меня в милицию забрали?!

— Да нет, — сказал Юрка. — Это я так. Ты сам смотри. Сегодня они штаны заперли, а завтра еще что-нибудь придумают.

— Они вчера придумали, да ничего не получилось, — с гордостью сказал Славик. — Рассказать?

— Давай, — согласился Юрка.

Юрка слушал без всякого интереса. Кажется, он не слушал, а думал в это время о чем-то важном, что было гораздо главнее истории Славика.

— Вообще-то здорово... — вяло сказал Юрка, когда Славик кончил. — Значит, ты с ними еще не помирился?

— Ни за что! — заявил Славик. — Они у меня узнают, как штаны прятать!

— А хочешь, я тебе свои принесу? — предложил Юрка.

Славик обрадовался.

— Ты молодец! — сказал он. — Давай носи. Назло им гулять пойдем!

Юрка вернулся через десять минут. Он протянул Славiku газетный сверток, аккуратно обмотанный бечевкой. Славик бросил сверток

на пол, наступил на него ногой и разорвал бечевку.

— А у тебя что, мамы дома нет? — спросил Славик, натягивая первую штанину.

— Дома... — смущенно ответил Юрка.

— Как же она тебе штаны дала? — спросил Славик, натягивая вторую штанину.

— Дала... и все.

Славик застыл на месте. Только сейчас он понял, что означал этот аккуратный сверток. Самому Юрке ни за что бы так не заввернуть. Значит...

— Ты — помирился! — сказал Славик таким тоном, каким человеку говорят: «Ты — предатель!»

— Я? — спросил Юрка. — Почему? Что, она мне штаны дать не может?

— Не может, — твердо сказал Славик. — Я знаю: ты помирился.

— А что, я с ней все время должен ссориться? — буркнул Юрка. — Она что, фашист какой-нибудь?

— А уговор? — грозно спросил Славик.

Юрка промолчал, хотя мог бы сказать, что уговора этого ему не очень-то и хотелось.

— Ах, так? — сказал Славик зловещим голосом. — Тогда не нужны мне твои штаны! Держи!

Славик стянул штаны и швырнул их Юрке. Юрка молча повернулся и пошел к двери. Но Славик в ту же секунду понял, что он не хочет отпустить Юрку просто так. Нужно, чтобы Юрка полностью рассчитался за свое предательство. Юрку следовало казнить, и Славик уже придумал, как это сделать.

— Стой! — приказал он. — Давай штаны. Ты сейчас пойдешь со мной.

Юрка послушно вернулся. Вид у него был такой, будто он сильно провинился перед Славиком и теперь должен был во всем ему подчиняться.

По улице Славик шел молча. Само собой разумелось, что Юрка должен был идти за ним. Они подошли к дому Галки.

— Обожди тут, — сказал Славик.

И снова Юрка его послушался.

Через несколько минут Славик вернулся с Галкой.

— Вот, видала предателя? — сказал Славик, указывая на Юрку. — Думает, наверное, пускай они одни стараются. И даже нас не предупредил! Я предлагаю его исключить или пускай прощения просит.

— Откуда исключить? — спросила Галка.

— Из нашего уговора. Нам изменников не нужно!

Галка ничего не сказала. Казалось, она не слишком сердилась на Юрку.

— Он же предатель, — повторил Славик, удивляясь, что Галка не возмущается вместе с ним.

Юрка стерпел и на этот раз. Он был рад, что все наладилось у него дома. Он хотел, чтобы так же было дома и у Славика. Но у Славика было не так, Славик стоял перед ним в чужих штанах и почему-то Юрка чувствовал себя виноватым.

— Славик, — задумчиво сказала Галка, — а ты еще долго будешь... ну, как мы уговаривались?

— Сколько нужно, столько и буду!

— А сколько нужно? Я вот сама придумала, а не знаю, сколько нужно?

— До победы!

— А когда будет победа?

— Когда ему штаны отдадут, — не выдержал Юрка.

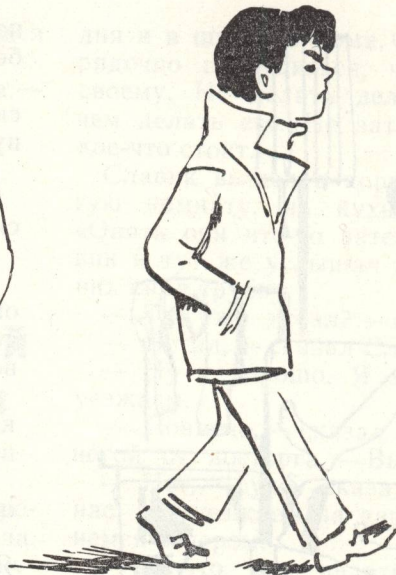
— Молчи, предатель! — сказал Славик.

Юрка снова стерпел. Он привык, что Славик всегда оказывался правым в их спорах. Они считались друзьями. Но Славик умел посягать над Юркой, а Юрке это никогда не удавалось. Возможно, Славик был умнее его. Возможно, так и должно быть: из двух друзей один всегда умнее и имеет право смеяться. И обижаться нельзя. Нужно уметь понимать шутки.

— А когда будет победа? — повторила Галка.

— Когда ты всех перестанешь бояться, как я, — твердо сказал Славик.

— Моя мама уже два раза плакала, — сказала Галка. — А сейчас она болеет. Это — победа?

Гордо, не оборачиваясь, уходил от них Славик

— Понятно! Ты тоже струсил! Испугалась, что в поход не возьмут?

— Я бы пошла в поход. Верно, Юрка?

— Верно, — сказал Юрка и сам удивился тому, что голос его звучал почти так же твердо, как у Славика.

— Значит, вы оба предатели, — спокойно сказал Славик. — Только ты — больше, потому что сама придумала и сама струсил.

— Да я не струсил. Совсем не потому...

— Молчи, предательница, — сказал Славик и выстрелил в Галку. Галка упала, как подкошенная. И на этот раз Юрка, хоть он и не заметил Галкиной смерти, не вытерпел. За себя он сражаться не мог. Но заступиться за Галку имел право.

— Ты чего всех обзываешь! Мало того, что надо мной смеешься, еще и к другим лезешь! А ну, снимай штаны! Сейчас снимай! — заорал Юрка так, что прохожие обернулись на его крик.

— Юрка, ты чего? — испуганно сказала Галка, думая, что Юрка сошел с ума.

— А ничего! — заорал Юрка еще громче. — Потому что он в моих штанах ходит. Пускай сейчас отдаст!

На несколько секунд Славик растерялся. Но только на несколько секунд. Он усмехнулся, презрительно сплюнул под ноги Юрке и Галке, повернулся и пошел прочь.

Юрка и Галка смотрели ему вслед. Гордо, не оборачиваясь, уходил от них Славик. Чужие штаны были ему как раз впору.

Галка и Юрка молчали. Уходил друг. И они не знали, хорошо это или плохо.

Конец

«ЕСЛИ МЫ БУДЕМ ВМЕСТЕ,
ОНИ СКОРЕЕ ПОВЕРЯТ НАМ,
КОГДА МЫ СКАЖЕМ:

„НЕТ,
МЫ
НЕ ПОЙДЕМ!!“

IF WE ARE TOGETHER—THEN
THEY'D BETTER BELIEVE US
WHEN WE SAY

“HELL
NO,
WE
WON'T
GO!!”

6 марта 1966 года в два часа сорок пять минут утра здание национальной конторы Клубов Дюбуа было разрушено взрывом.

Взрыв выбил почти все окна в квартале, пробил дыру в бетоне и только случайно не ранил никого. Полиция подсчитала: для такого эффекта нужно было заложить не меньше тридцати шашек динамита.

Кому это понадобилось? Что это такое — американские Дюбуа-Клубы?

Это молодежная прогрессивная организация. Она носит имя известного деятеля Америки, борца за мир, лауреата Международной Ленинской премии, доктора Дюбуа.

Члены организации — белые, черные, пуэрториканцы — юноши и девушки чуть старше твоих лет. Они не желают видеть свое государство расистским и полицейским.

Членов Дюбуа-Клубов избивают на улицах. Их сажают под арест. Травят в газетах. Но они продолжают борьбу.

Вот сокращенный перевод брошюры, изданной совсем недавно Клубами Дюбуа:

Так выглядит штаб Дюбуа-Клубов в Сан-Франциско после взрыва. Фото из журнала „Инсургент“

«15 сентября 1967 года Рональд Локман, солдат-негр, отказался подчиниться приказу ехать во Вьетнам. ...Почему он решил не ехать во Вьетнам?»

— Еще до того, как я был призван в армию, я был против войны. Чем больше я читал, тем больше и больше был против нее. Пятеро моих друзей были убиты на этой войне, и многие вернулись инвалидами. Я должен был спросить себя, — ради чего?

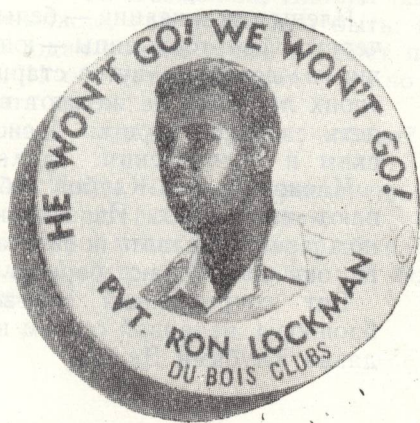
Решение Рональда отказаться воевать не было поспешным и легким. Перспектива провести пять лет в тюрьме, — с ней трудно смириться. Бежать за границу, сменить подданство и жить в Канаде, — вот о чем Локман сперва думал. Но многие друзья советовали ему отказаться от призыва публично.

Так Рональд и сделал.

Отчим Рональда, Даллас Вильямс, в течение семнадцати лет был рабочим-сталелитейщиком, членом Союза сталелитейщиков Америки. Он поддерживает своего сына.

Мать Рональда — официантка. Она гордится сыном. Она уверена, что все матери, у которых сыновья призывного возраста, должны объединиться для борьбы против войны во Вьетнаме.

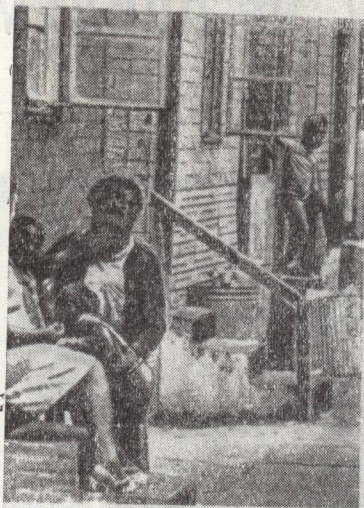
Рональд не боится идти в тюрьму за свои убеждения. Он не против

Члены Дюбуа-Клубов распространяют нагрудные значки с портретом Рональда Локмана. На значке написано: „Он не пойдет! Мы не пойдем!“

"MY FIGHT IS IN THE GHETTOS OF PHILADELPHIA—

NOT IN VIETNAM!"

Pvt.
Ronald
Lockman

Price: 10¢

„Моя война в гетто Филадельфии, а не во Вьетнаме!“
Обложка брошюры о Рональде Локмане

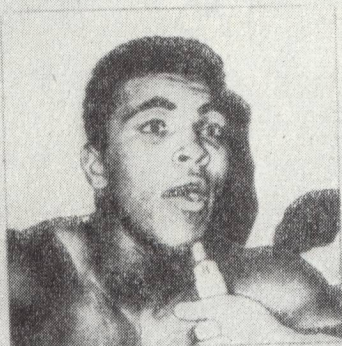
войны вообще, но он не понимает, почему мы сражаемся во Вьетнаме.

— Из Вьетнама извлекают пользу только правительство и богатые капиталисты, а народу какая выгода? Рабочим мало платят, цены высокие, людей обманывают, уверяют, что все идет хорошо, но когда приходит срок платежа (если только вам повезло и у вас есть день платежа), вы убеждаетесь, что платить вам нечем.

Когда Рональда спросили, социалист ли он, он ответил:

— Я уверен, что я не капиталист. Я не знаю всех «за» и «против» социализма, но думаю, что всякий, кто борется против капитализма, в какой-то степени социалист.

“we
won't
go!”

Mohammed Ali, World Heavyweight Boxing Champion, refused to go!

Dennis Mora, Puerto Rican GI, graduate of City College, refused to go!

ARE YOU OVER 18 ?

Then you've got a draft card and when the military machine is ready, they will pick you up and march you into the barracks with a million other guys — train you to kill! and ship you out! — If you ask where or why, they'll tell you to shut up 'cause they're running the show! ! !

Рональд вступил в Дюбуа-Клубы в 1964 году. Он — национальный почетный председатель Клубов. Он понимает, что его война — дома, в гетто Филадельфии, и враги его — не вьетнамцы, а расизм, полицейский террор, трущобы негритянских кварталов, бедность, угнетение, которому подвергаются в Америке люди с черной кожей.

Его ждут пять лет тюрьмы. Его рады были бы упрятать навсегда, но ничего не выходит — слишком многие в стране выступают против войны и слишком многие поддерживают Рональда».

На последней странице брошюры сделана приписка от руки:

«Рональда приговорили к двум с половиной годам каторжных работ в военных казармах форта Левенворт».

Антивоенная листовка Дюбуа-Клубов. Текст под фото гласит: „Мохаммед Али, чемпион мира, боксер-тяжеловес, отказался идти. Деннис Мора, „джи-ай“-пуэрторинец, отказался идти. А ты — тебе уже больше восемнадцати? Тогда ты уже получил повестку, и когда военная машина заработает, они заберут тебя и отправят в казармы вместе с миллионом других парней — чтобы научить убивать, погрузить на корабль и везти! А если ты спросишь, куда и зачем, они прикажут тебе заткнуться, потому что это они, а не ты, „ведут дело“!“

Ну, что ж, — два с половиной вместо пяти — это уже победа. И то, что Локмана не держали до суда в следственной тюрьме, — тоже было победой, пусть маленькой. И то, что его арест

всколыхнул молодежь Америки и привлек в ряды борцов за мир новых сторонников, — победа тоже.

Приписку к брошюре сделали наши друзья, активисты Дюбуа-Клубов. Они гостили недавно в Советском Союзе, посетили Ленинград и побывали в «Костре».

Журнал «Инсургент», фотографию из которого мы помещаем, издается Дюбуа-Клубами. «Инсургент» значит «повстанец». Против чего поднимают восстание юноши и девушки Америки?

Вот как они говорят об этом сами:

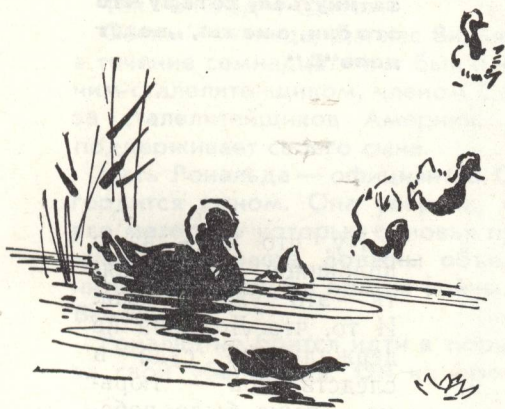
«Мы стремимся приобщить молодежь к поддержке движения рабочего класса и борьбы за социалистическую Америку.

Наше поколение решительно заявляет: положим конец бедности, дискриминации и войне».

Николай Алтухов
Рисунки В. Звонцова

Утром

Утята утром к реке сбегаются,
Чтобы умыться
Перед едой,
И даже кот-землекоп старается
Вымыть росой
Полшубок свой.
Давно умылась лиса-красавица,
Птенцы умылись в своем гнезде.
Одни только рыбы
Не умываются,
И то потому,
Что живут в воде.

Один день

Я как-то видел
насекомых,
Живущих только
день один
Над ручейком,
Им незнакомым,
В тени орешин и крушин.
Один денек!
Обидно мало.
Считай,
козявкам повезло,
Когда им
солнышко сияло
И было звонко и тепло.
А если нет?
А если мрачен
День от рассвета
дотемна,
И небо
И рычит, и плачет,
Земля сыра и холодна?
Заря вдали запылывает,
И, что положено, отжив,
Козявки
Так и не узнают,
Как мир уютен и красив.

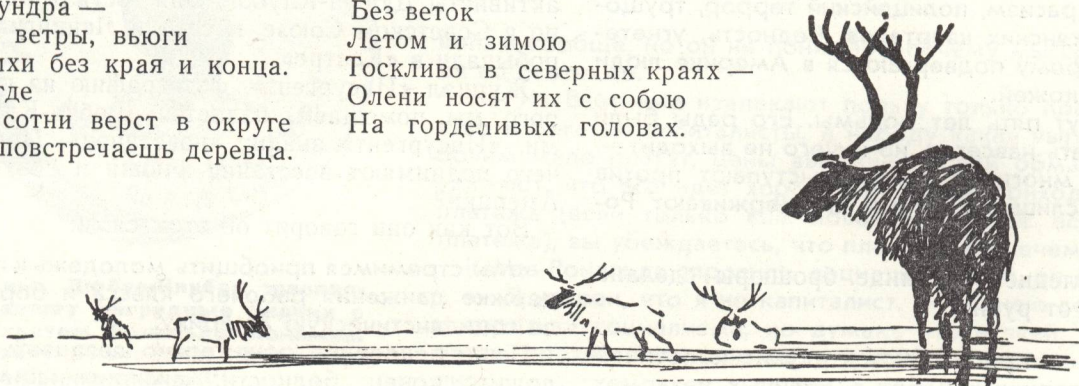
Синева

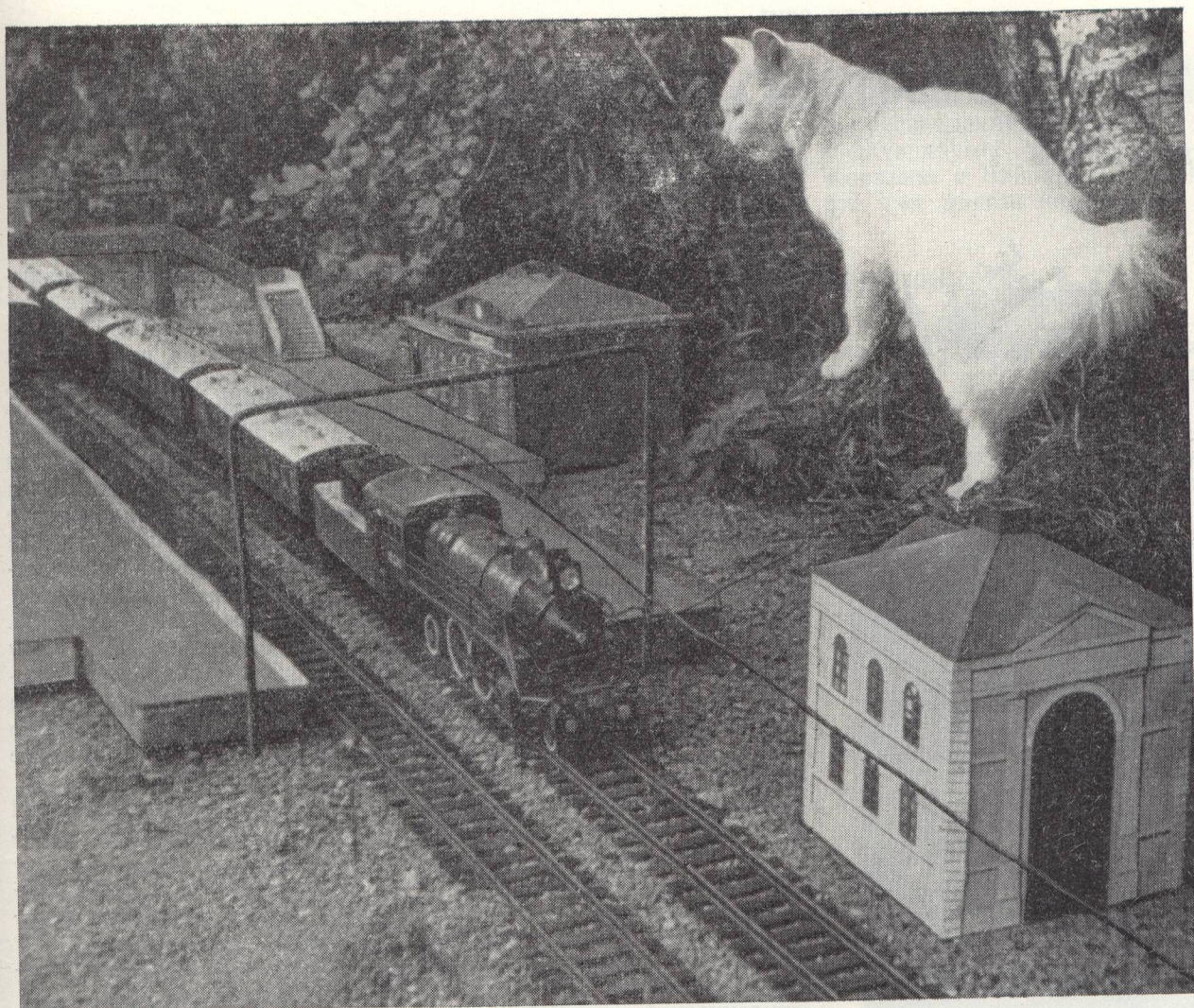
Такая синяя река!
Платок белее ваты.
Ты в воду
Окуни слегка —
Он станет синеватым.
Вода синее неба тут,
Чуть-чуть светлее синьки.
А все же
Белые растут,
Не синие кувшинки.

Олени

А тундра —
Это ветры, вьюги
И мхи без края и конца.
Нигде
За сотни верст в округе
Не повстречаешь деревца.

Без веток
Летом и зимою
Тоскливо в северных краях —
Олени носят их с собою
На горделивых головах.

ВНИМАНИЕ!

**ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ ГРОЗИТ
НАПАДЕНИЕ ГИГАНТСКОГО
ХИЩНИКА**

**СНИМОК СДЕЛАН
НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ
НЕ БЕЗ РИСКА ДЛЯ ЖИЗНИ**

**Подробности происшествия
на 52-ой странице**

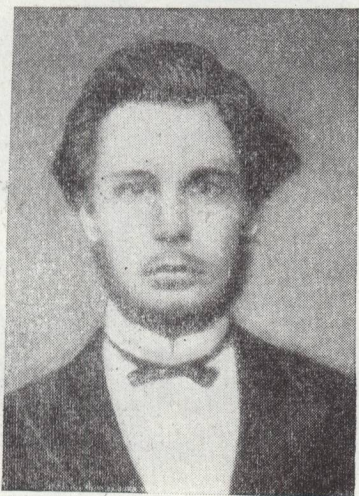
ЛЮБИМАЯ ПЕСНЯ ИЛЬИЧА

Э. Звоницкий

Рисунки В. Орлова

В двенадцать часов дня траурная процессия отправилась по Петербургу. Несмотря на

П. Чернышов

ЗА НАРОДНОЕ ДЕЛО

дождливую погоду, собралось около двух тысяч человек. Возле Воскресенского моста толпа уже заполнила всю улицу.

Медленно, торжественно двигались люди. Прохожие почтительно расступались, снимали шапки, крестились и осведомлялись, кого это хоронят. Их любознательность охотно удовлетворяли.

На Шпалерной, возле ворот дома предварительного заключения, гроб подняли высоко вверх, так, чтобы его могли получше рассмотреть выглядывавшие из окна судейские чиновники. Священник отслужил здесь поминальную молитву-литу. То же самое хотели сделать и у здания окружного суда, но поп, поняв, что похороны вырастают в политическую демонстрацию, просто-напросто сбежал.

Гроб на руках донесли до Волкова кладбища. Начались речи. Голубоглазый юноша в студенческой тужурке говорил:

— Мы провожаем в послед-

ний путь нашего друга, нашего брата по борьбе Павла Чернышова. В Самарской губернии он выступил на борьбу с тиранами. Ходил по деревням, рассказывал крестьянам о иной, лучшей жизни, раздавал им книги. Чернышова кинули в тюрьму, но он не отказался от своих идей. Просидев почти два года в крепости, он был выпущен с кавернами в легких, когда палачи убедились, что жить ему осталось лишь немного. Вечная память Павлу Чернышову! Поклянемся многострадальной России, что мы выполним заветы славного патриота, борца за народное дело!

— Клянемся! Клянемся! Клянемся! — слышалось в ответ.

— Долой царя и да здравствует русский народ! — крикнул кто-то.

— Ура! Ура! Ура! — подхватили вокруг.

По узкой тропинке гроб понесли в глубь кладбища.

ТАЙНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ СООБЩАЕТ

Хмурым апрельским утром, когда за окном шел дождь, в маленькую редакционную комнату двухнедельного обозрения «Вперед» — оно издава-

лось на русском языке в Лондоне — принесли толстый пакет. Редактор П. Л. Лавров, мужчина средних лет с окладистой черной бородой, посмотрел на штемпель. Письмо было из Петербурга, без подписи. Незвестный корреспондент рассказывал о последних событиях в столице.

Выправив несколько фраз, редактор сам спустился в типографию, чтобы отдать мате-

риал для набора в первую очередь.

15 мая 1876 года, в тридцать третьем номере газеты, статья «Из Петербурга» была опубликована. Она заканчивалась словами: «При этом прилагаю стихотворение на смерть Чернышова.

*Замучен тяжелой неволей,
Ты славною смертью почил,
В борьбе за народное дело
Ты голову честно сложил...*

КТО ОН?

Кто автор стихотворения?
Он, несомненно, присутство-

вал на похоронах Чернышова; но ведь там были тысячи людей — который же из них?..

Возможно, это навсегда осталось бы загадкой, если бы в корреспонденции безымянного

автора рассказывалось только о Чернышове. Но в той же корреспонденции говорилось и о двух других заключенных — Ковалике и Войнаральском. И это уже другая история.

ЗАДЕРЖАНЫ ПРИ ПОБЕГЕ

На квартире руководителя народнического кружка Ореста Габеля собрались товарищи, чтобы обсудить важный вопрос. Требовалось организовать побег политических заключенных Ковалика и Войнаральского из дома предварительного заключения.

— Ваши предложения? — обратился Габель к присутствующим.

— Нужны деньги, — заговорил молодой писатель Григорий Мачтет, — тогда можно будет подкупить надзирателей. Есть у меня один на примете.

— Хорошо, деньги достанем, — заверил Габель. — А теперь перейдем к практической разработке плана. Прежде всего надо достать карету и иметь надежного кучера...

Медленно тянулись ночные часы. Карета остановилась против тюрьмы. Габель и Мач-

тет напряженно всматривались в тихое, молчаливое здание. Часы пробили четыре. В эти минуты Ковалик ключом, который ему дал надзиратель, открыл дверь своей камеры, освободил Войнаральского. Теперь предстояло пройти ко внешней части тюрьмы. Она была без ограды и выходила на пустынную Захарьевскую улицу. Осторожно пробрались туда крытой галереей. Вербки для спуска заранее были приготовлены из простыни.

— Глядите! — Мачтет указал на две фигуры, которые спускались из открытого окна на втором этаже по наклонной стене тюрьмы.

Оставалось совсем немного до земли, когда один из беглецов сорвался и упал на землю: это был Ковалик. Он встал и пошел хромая, — верно, сильно ударился. Вот он присел на землю. Войнаральский склонился над ним. Скорее, скорее! Габель нервно покусывал губы. Что они там задерживаются?

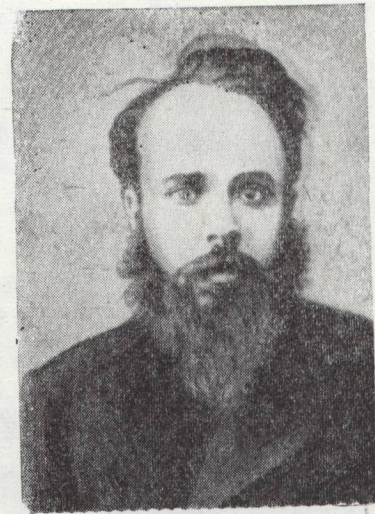
Войнаральский уже вел то-

варища через улицу к экипажу. Вдруг послышались крики:

— Стой! Стой! Держи их!

Беглецов схватили и повезли в участок. Начались допросы. Их вел сам начальник тайной полиции.

В тот же день Орест Мартынович Габель был арестован. Мачтету удалось спрятаться у друзей.

Г. Мачтет

Сцена побега в корреспонденции нарисована так ярко, как мог ее описать человек, являвшийся свидетелем этого события. А видели ее, как вы

уже знаете и как написано в книге Сергея Филипповича Ковалика «Революционное движение 70-х годов и процесс 193-х», только два человека: Мачтет и Габель.

В книге Ковалика сообщается также, что Габель был арестован вечером в день по-

беге — восьмого апреля. А описание побега в корреспонденции помечено двенадцатым апреля, то есть четырьмя днями позже. Значит, Габель отпадает, он не мог бы написать эти строки в тюрьме и переправить их в Лондон. К тому же он не мог знать и о даль-

ИТАК, КТО ЖЕ ОН

нейшем ходе событий на воле, а ведь об этом тоже идет речь в корреспонденции. Значит, остается Григорий Александрович Мачтет. Он прислал в редакцию «Вперед» заметку о событиях в Петербурге. Он сочинил и «Последнее прости».

Он тоже вскоре был арестован, долгие годы провел в ссылке в далекой Сибири. Только на закате жизни ему разрешили вернуться сперва на Украину, а затем в Петербург. 14 августа 1901 года Гри-

горий Александрович Мачтет скончался от паралича сердца. Последние строки его завещания были: «А детям своим, Тарасу и Тане, завещаю трудиться и любить людей».

Таков краткий очерк жизни писателя-революционера, автора слов знаменитой революционной песни.

А как родилась ее мелодия? Советские музыковеды считают, что она ведет свое начало от старинной русской песни на слова А. Мерзлякова

«Среди долины ровныя», которая в свою очередь тесно связана с еще более старинным романсом О. А. Козловского «Лети к моей возлюбленной, ты, песенка моя».

№ 33. „FORWARD!“ May 15, 1878.

ВПЕРЕДЪ!

Гос. Публичная Библиотека

ОБОЗРЕНІЕ
(ГОДЪ ВТОРОЙ)
15 (3) МАЯ 1876 Г.

Номера газеты можно заказать. Во всяком случае заказывать ее приходится между прочим.

Вексл: Struck'sche Buchhandlung, 61, Unter den Linden, N. W.
B. Baum, 37, Unter den Linden.
СЕРНОВИЦ: H. FAKSIN.
ДРЕЗДЕН: L. WOLFF'S Buchhandlung.
ГЕНЕВ: H. GELBER.
КАПЕНГАГЕН: H. P. A. HANSEN.
ЛОНДОН: F. A. HOOKER.
LONDON: 37-38, Ludgate Hill.

Paris: A. FRANK, 67, Rue Richelieu.
Paris: Dr. GARDON and DARTRE, Aitstadt.
Paris: R. BELLA.
Roma: L'Espresso, C. A. 346/347, Via del Corso, Palazzo Ferrajoli.
Wien: F. ESTL und F. ESTL, 78, Graben.
Zürich: Schwabe'sche Buchhandlung, Communikat-Verlag.
STUNTSCHЕ BUCHHANDLUNG in Berlin 61, Unter den Linden, N. W.

Price (with Supplement) non-repense.
Registered for transmission abroad.

СОДЕРЖАНИЕ. Три неволь. — Последнее прости! (Стихотворение). — ЧТО ДѢЛАЕТСЯ НА РОДИНѢ? Изъ Петербурга (Три корреспонденции). — Изъ Москвы. — Очерки азиатской петербургской биржевой торговли. — Изъ разнака пропаганды. — Стихотворения рабочих. — Изъ Парижа. — Изъ заметныхъ книжекъ разныхъ сочинителей. — Новые литературныя сочинения Кавцова и Кривошана. — Да здравъ народъ. — ЛЕТОИШЕ РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ. Изъ Голландии. — Изъ Константина Грознова. — Хроника борьбы Турция — Австрія. — Политическія перемены въ Англіи.

Первая публикация стихотворения „Последнее прости“ в лондонском обозрении „Вперед“

Спустя год после смерти студента Чернышова, похороны которого послужили толчком к созданию стихотворения «Последнее прости», песню уже пели во время похорон студента Подлевского, погибшего в Петербурге при аналогичных обстоятельствах.

Наиболее раннее издание этой песни с нотами появилось в сборнике «Песни великой российской революции», предисловие к которому заканчивается такими словами: «Иркутск, 3 месяц революции, 1917, книгоиздательство «Свободная Россия».

Известно, что «Замучен тяжелой неволей» любил Александр Ульянов. Анна Ильинична Ульянова-Елизарова в своих воспоминаниях пишет: «... Помню, на последней вечеринке, на которой мы были с ним вместе... кажется, уже в январе 1887 года он просил спеть этот гимн...» — «Да ведь это похоронный», — возра-

зил хозяин. — «Да, похоронный», — с ударением и как бы с некоторым вызовом ответил Саша. Запели песню... Помню, что такое скорбное, почти мученическое выражение было у него при этом, что у меня заскребло на сердце».

После казни старшего брата Ленин твердо решил вступить на путь революционной борьбы, чтобы отдать свою жизнь делу освобождения трудящихся. Навсегда полюбил он песни, которые зовут к борьбе, песни революционного подполья.

Старая большевичка М. Эссен рассказывает о жизни в эмиграции:

«Вспоминаются вечера, которые мы проводили у Ленина. Ильич очень любил попеть в хоре, послушать песни. Начинали всегда с революционных песен... с большим чувством пели «Замучен тяжелой неволей»...

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОСТИ..

(Замученному въ острогахъ Чернышеву, борцу за народное дѣло).

Замученный тяжкой неволей,
Ты славною смертью почил....
Въ борьбѣ за народное дѣло
Ты буйныя кости сложил....

Служилъ ты немного, — но честно
Для блага родимой земли....
И мы, — твои братья по духу, —
Тебя на кладбище снесли....

Нашъ врагъ надъ тобой не глумился...
Кругомъ тебя были — свои...
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиныя очи твои....

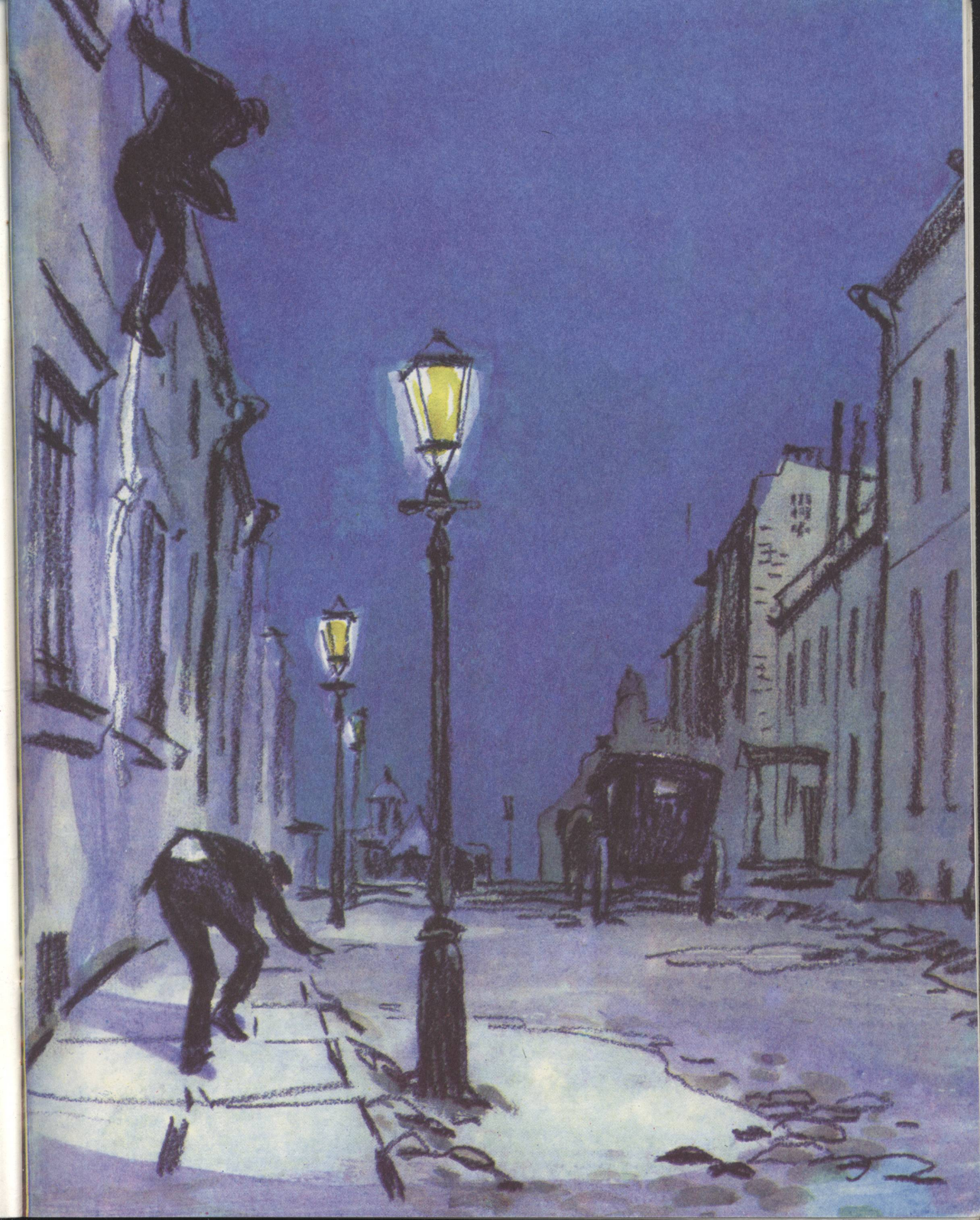
Не горе намъ душу давило, —
Не слезы блистали въ очагахъ,
Когда мы, прощаясь съ тобою,
Землей засыпали твой прахъ; —

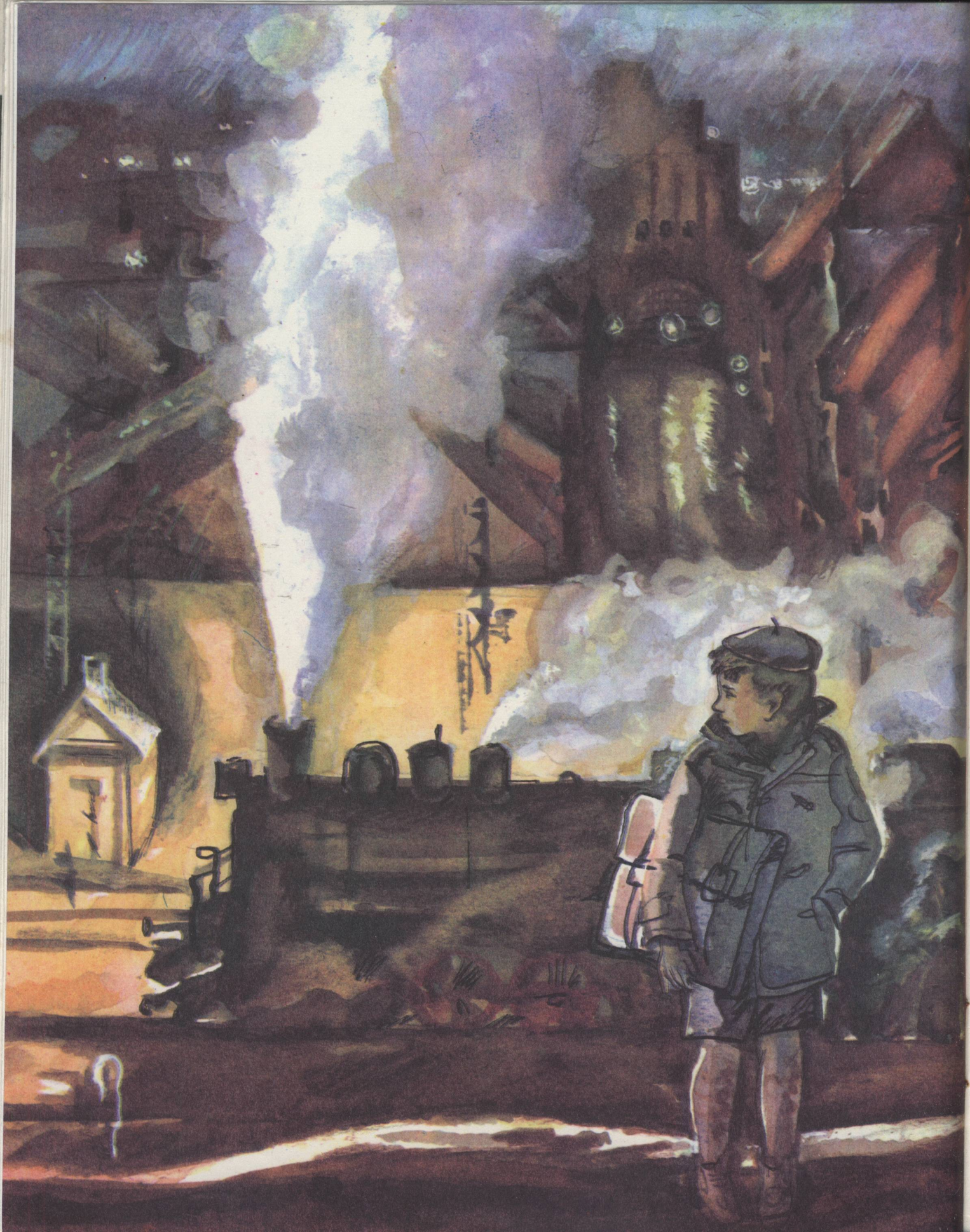
Нѣтъ, — злоба насъ только душила!
Мы къ битвѣ съ врагами рвались
И мстить за тебя беспощадно
Надъ прахомъ твоимъ поклялись!...

Съ тобою одна намъ дорога:
Какъ ты — мы въ острогахъ сгнемъ...
Какъ ты, — для народного дѣла
Мы головы наши снесемъ;

Какъ ты, — мы быть можемъ послушимъ
Лишь почвой для новыхъ людей,
Лишь грознымъ пророчествомъ новыхъ
Грядущихъ и доблестныхъ дней....

Но знаемъ, какъ зналъ ты, родимый
Что скоро изъ нашихъ костей
Подымется мститель суровый,
И будетъ онъ насъ посылить!...

Эта повесть чешского писателя Оты Гофмана получила первую премию на международном литературном конкурсе «Для молодежи атомного века».

Любел

ПОВЕСТЬ

Ота Гофман

Рисунки Ю. Шабанова

ЕГО ЗВАЛИ „ЮНЫЙ БИЗОН“

или «Паровоз», потому что, возвращаясь с улицы, он пыхтел за четверых и сразу заполнял собой весь дом. Свистнет напоследок внизу мальчишкам — потом пыхтенье и топот по лестнице, точно подымается стадо слонов. И вот уже звонок в передней.

— Привет, мам!

Влетает, запыхавшись — и сразу на кухню.

— Саша!

Оглядывается: за ним по всему полу ошметки спрессовавшейся на подошвах грязи.

— Ботинки!

Вечно он забывает переобуться в передней. Так бы сам себе и двинул по уху. Ведь заранее известно, что будет дальше, некоторые фразы он помнит наизубок, как стихотворение: «Если еще хоть раз я увижу тебя с этими Соммом и Слипешем, можешь больше домой не показываться! Ты только взгляни на себя!»

Какой у него вид, он отлично знает. Потому-то и хотел через кухню прошмыгнуть в ванную. Но теперь покорно возвращается, снимает башмаки, подбирает с линолеума грязь (только пусти этого мальчишку на улицу, он за час перемажется по уши!) и обещает:

— Я отмоюсь.

Запирается в ванной и откручивает кран так, что водогрей с шумом вспыхивает (чтобы мать слышала). А брызги разлетаются во все стороны. Из-за двери сквозь плеск льющейся воды доносится приказ:

— Ноги тоже!

— Хорошо, мам.

Осмотрев прожженную майку, он сует ее в корзину с грязным бельем, на самое дно.

— И уши!

— Ладно!

Включает душ. Струйкой воды подталкивает лежащую на дне ванны пластмассовую лодочку. Другой рукой размазывает на груди и животе боевую индейскую татуировку.

— Саша!

Вздрагивает. Голос с другой стороны, не из кухни.

— Сейчас, пап!

Еще раз пускает по воде лодочку. Вытирается, половину грязи оставляя на полотенце. Снова натягивает трусы. Из кармана брюк выуживает спичечный коробок. Прячет его. Проводит по зубам щеткой с пастой «Жемчужина». У пасты привкус апельсина. Полминуты сплевывает белую сладкую пену. Потом отпирает дверь и выходит.

АЛЕКСАНДР ТИХИЙ, 3 „Б“

Обычно ему удавалось оттянуть расплату, но в конце концов она настигала его с железной закономерностью. Духи на меня. Ты курил? Нет, чистил зубы. Головоломка за прожженную майку, запихнутую на дно корзины, откладывалась на завтра. Это уж как пить дать. Но комната, куда он вошел после ванной, грозила головоломкой СЕЙЧАС. Он понял это, едва ступил босиком на ковер. У окна светился экран телевизора. Передавали последние известия, но никого не интересовало наводнение в Италии. И визиты иностранных министров тоже. Отец изучал содержимое Сашиного портфеля. Тетради. Растрепанный дневник. Играл на уроке. Арифметика — стр. 27. Забывает дома учебные принадлежности. Принес в школу иголки. Но это все старое, тут уже стоит подпись родителей. Прилеплял к парте жевательные резинки. Ого, кажется, будет гроза.

Отец спрашивает:

— Ты почему не выучил стихотворение?

— Какое? — Он пытается оттянуть время. — Про пса?

Хотя проще сразу сознаться: забыл... Но, очевидно, это еще не все. Взгляд отца становится строже, потому что строчкой ниже он читает:

При выходе из школы подставлял товарищам ножку. Выкрикивал неприличные слова.

Саша пробует защищаться:

— Да, а зачем Шалкова мне листьев за шиворот напихала? Пап...

— Какие слова ты выкрикивал?

Бац.

От второго подзатыльника Саша увернулся.

На экране готовятся к старту гоночные машины. Какие слова ты выкрикивал? Машины мчатся по асфальту, перегоняя друг дружку. Я исправлюсь. Вот увидишь. С завтрашнего дня. На крутом повороте две машины сшиблись. Увидишь, пап... Саша страшно медленно собирает портфель, запикивает в него дневник и пятится к двери, не отрывая глаз от экрана, чтобы не упустить финиш. В дверях не выдерживает — останавливается.

— Пап, можно я посмотрю?

Взгляд, которым его удостаивают, достаточно красноречив. Лучше убраться подобру-поздорову.

САША

Детская настольная лампа. На ней сидит игрушечный жучок и жужжит. Надоело! Что он, маленький? И стихотворение тоже надоело. Саша повторяет его уже, наверно, в десятый раз. Занудным голосом тянет:

Засыпай, сомкни ресницы,
Чтоб тебе не снилось горе,
Пограничник на границе
С верным псом стоит в дозоре...

По оконному стеклу ползут капельки дождя. Звякают о карниз. Саша поправляет себя:

...В ночном дозоре...

Верный пес Джульбарс. Индейские лазутчики подползли совсем близко... Через стену комнаты слышится завывание ветра. Голоса. Это телевизор. Там идет фильм. И хотя по вечерам Саше смотреть не разрешается, он сплетал из обрывков летающих фраз удивительные истории.

Вот он в сотый раз становится Человеком, проходящим сквозь стены. Человеком-Невидимкой. Или всеми покинутым шерифом из «Равноденствия» — недавно прочитанной книжки про ковбоев. Покинутым даже женщиной, которую он любил и которая во время прогулки напихала ему за шиворот листьев. «Стишок я уже знаю», — решил он. Не снимая пальца с курка, прикрываясь подушкой, хладнокровно, поодиночке перестрелял всех, кто явился с намерением убить его.

Бум!
Трах!

Раненный из засады в плечо, перевернулся на бок и сказал растерявшейся Шалковой:

— Пустяки! Я затяну повязку зубами. Если бы ты тогда не разревелась, я бы не получил замечания.

Перед смертью успел вспомнить: под кирпичом возле гаража припрятаны капсули. В жестяной коробочке. Если дождь не перестанет — крышка, подмокнут. Утром надо достать их оттуда. Как бы не забыть!

И еще набрать чернил в ручку.

Куча дел.

Саша погасил свет. Жучок продолжал тихонько жужжать. Чтобы он угомонился, надо попасть точно в самую середину кнопки выключателя.

На рождение попрошу настоящую лампу. Взрослую.

Во тьме порозовел потолок. С улицы донесся крик. В соседней комнате открыли окно. Потом кто-то пробежал к двери. По стеклу ползли дождевые капли. С воем промчалась пожарная машина.

Дождь стал оранжевым.

Саша вскочил с постели.

Прошел по опустевшей квартире.

Вдалеке, над холмом, небо лизали языки пламени.

В углу комнаты светился экран телевизора: ветер гнул на нем деревья, по кладбищу, среди крестов пробирался мальчик в старомодной курточке, какие носили в прошлом веке. Что-то, прежде казавшееся деревом, вдруг ожило и протянуло к нему руку.

Саша почувствовал ее на своем горле.

И быстро закрыл глаза.

МЫШЬ

Утром он сказал:

— У меня болит горло.

Чтобы не ходить в школу. Воротничок давил, словно чьи-то пальцы. Они постепенно сжимались и не отпускали.

— Знаешь, что ночью был пожар?

— Где?

— Сгорел сарай на горке. Возле поселка.

Залпом выпил две чашки чаю с лимоном, даже не почувствовав, что глотает. Мать измерила ему температуру.

— Ничего у тебя нет.

Ясное дело — очередная проверка портфеля. В передней. Механически, начиная с записи носит в школу иголки. Вспомнил про капсули. Покажи, что в карманах. Стихотворение выучил?

— Да, мама.

Двор был пуст. На кирпичи под водостоком хлестал дождь. Еще можно вернуться, отвалить кирпич и взять металлическую коробку. Саша представил себе, как под крышку просачивается влага, капсули отсыревают, вот они уже плавают в воде... Он хотел было повернуть назад, но не повернул, пошел дальше. Осенью в половине восьмого еще почти темно. Окна молочного магазина освещены. Наверняка встречу Сомбра и Слипеша!

Нужно поговорить с ними! Просто дозарезу! Ведь это был тот самый сарай, где они вчера курили. Затягивались по очереди и передавали окурки по кругу.

Но ведь мы погасили!

Он обошел большую лужу и, сделав крюк, вернулся к проезду между домами. Решил дожидаться здесь. И вдруг налетел на мальчишек из своего класса. Приятно, все болтали про это:

— Говорят, загорелся деготь!

Заметили Сашу.

— Идешь поглядеть?

— Туда? — равнодушно постукал портфелем по урне. — Чего я там не видал? — Но все же поплелся за ними к кособогу посмотреть на пепелище. Еще вчера тут был сарай со строительным материалом, а теперь в небо торчали лишь бетонные столбы. Крыша обвалилась, трава вокруг почернела, как уголь. Вот колес от колес пожарных машин. В грязи валяются обгорелые лопаты. Большое железное сито покособилось. По тропинке от коллективного садового участка, расположенного под холмом, навстречу Саше поднимались две женщины с продуктовыми сумками. Одна вела за руку малыша.

Он услышал:

— Наверно, мальчишки!

— Они вчера там играли.

На всякий случай Саша сошел с дороги: а вдруг узнают! «Но это же не мы сделали! — повторял он, как стихи. — Это же не мы!»

Внизу, прямо под ним, показалась школа. Современное здание в форме куба. Длинные окна физкультурного зала сияют светом. Сашу точно кто спутал веревками. Он шел какой-то сверхъестественно приличный, не хватало только заложить руки за спину. Устоял против тысячи соблазнов. Равнодушно миновал великолепную кучу глины, точно созданную, чтобы взобраться на нее и скатиться вниз. Прошел мимо валяющихся на земле обрезков согнутых труб из какого-то пластического материала. До того здорово поддать такую ногой! Или сражаться ими! Около школьного стадиона Йокл и Экснер склонились над чем-то лежащим на портфеле.

Что-то маленькое, серое.
Ребята заметили его.
— Подь сюда!

— Еще шевелится!
— Мышь!
Он устоял и перед мышью.

„И“ и „Е“

На восьми ступеньках, ведущих в раздевалку, мгновенное превращение — во что-то маленькое, серое. Вместе с пальто Саша снял с себя Сашу и повесил на крючок.

Теперь он Александр ел саламандр в споршенках с фиолетовой надписью на подкладке: Александр Тихий, 3«б». Саша терпеть не мог этих «саламандр», но все-таки сказал:

— Сегодня не дерусь.

Потому что увидел Соммра. Протиснулся за ним по лестнице между девчачьими бантиками. Школа была построена совсем недавно, но уже пахла школой, будто век здесь стояла. Никто ее сюда не приглашал. Явилась сама — незваная. Вместе с поселком. Выросла неожиданно-негаданно на месте великолепнейших тайников и площадок для игр и стала пожирать юных бизонов и алисок из страны чудес. Соммр делал вид, что не замечает Сашу. Угри на его носу блестели от пота. Выразительный жест — проваливай. Он был старше Саши на четыре года. Седьмой «а». Проштал сквозь зубы:

— К Слипейшу приходили из милиции.

— Когда?

— Не все ли равно. Учти: тебя там не было. Вчера. Никого не было. Ничего не говорить.

— Знаю.

— И не путайся под ногами!

Саша остался один. Звонок. Небо за окном словно из серой жести. В коридоре висят учебные картины «Гуситское оружие» и «Эволюция человека». Классы кочуют из кабинета в кабинет. Их школа была ШКОЛОЙ БУДУЩЕГО. Для телевизионных передач. Вот кабинет АРИФМЕТИКА В ИГРАХ с магнитной доской, к которой сами собой прилеплялись металлические автомобильчики и яблочки.

8 + 5 =

Куда ни глянь — всюду рычажки и лампочки. Кабинет чешского языка скорее напоминает лабораторию, чем класс. На прозрачную панель учительница спроецировала текст:

Т...перь наш народ не зна...т бедств...й, кот...ры... т...рпел прежд... Мы больш... не работ...м на панском пол...
Проставить вместо точек «И» и «Е».

Т...бя там не было. Н...чего н... говорить.

На Сашиной парте замигала лампочка.

— Тихий.

Прошла минута, пока он понял, что его вызывают. Он встал, пошел было отвечать, потом вернулся за дневником, перерыл весь портфель, успел испугаться,

что забыл дневник, но в конце концов тот нашелся. В арифметике. Саша облегченно вздохнул. Никогда он не знал точно, что творится у него в портфеле, и поэтому сразу приготовился к худшему.

— Что с тобой?

— Ничего.

Он подошел к пульту с рычажками «И» и «Е». Начал проставлять вместо точек буквы. Рычажки лязгали. Саша повторял про себя: те-перь, зна-ет...

— Вот видишь, когда ты захочешь...
Он изумленно уставился на учительницу. Рядом с пятачком она поставила в его дневнике печать с изображением трудолюбивой пчелы.

Секунду он был счастлив.
Пока не захрипел репродуктор: ЭКСТРЕННОЕ СОБЩЕНИЕ, ученика Александра Тихого, 3«б» СРОЧНО...

ЗАКОН

— Знаешь их?
В кабинете директора стояли Соммер, Слипейш и еще Вольгемут. Саша отрицательно покачал головой (ничего не говорить!), но заметил, что Слипейш потихоньку кивнул — говори, мол, «да», — неожиданно закончил

Сашу глаза. — В сарае вы курили. Потом Слипейш поджег древесную шерсть.¹

— Да, но мы ее сразу погасили.

— Как?

— Мы на нее... — Саша споткнулся, подыскивая подходящее слово, — мы ее покропили...

— Все?

— По очереди.

— Не помнишь, который был час?

— Около шести.

— Потом пошли домой?

— Да.

— А Слипейш остался в сарае?

— Нет. Никого там не осталось.

— Не врешь?

Под оберточной бумагой на столе лежали какие-то вещи, но с места, где стоял Саша, их было не разглядеть. Милиционер вытащил оттуда ржавую консервную банку. Из налипшей на нее глины змейками свисали корешки трав. Перевернул банку — постучал по дну. На стол выпал листок бумаги с подписями.

— Узнаешь?

— Узнаю.

Это была их Кровавая Клятва:

«Все за одного. Один за всех. Мститель. Быстрая нога. Бизон».

— Бизон — это ты?

— Нет.

— Ясно, ты. А еще тебя звали Малёк. Они над тобой потешались. Ведь ты был им нужен только для одного: доставать сигареты.

— Неправда.

— Что ж... Пусть будет по-твоему...

Милиционер сунул Кровавую Клятву назад, в банку. Вернул ее на место, к Вещественным Доказательствам. Снова что-то поискал. Оберточная бумага

шелестела, как будто под ней бежал живой кролик.

— Так кто же остался в сарае? Вольгемут или Соммер?

— Никого не оставалось.

— Что ж... Пусть будет по-твоему...

Саше показалось, будто милиционеру ОЧЕНЬ не нравится, что в сарае никого не оставалось. Он даже перестал шелестеть бумагой. Потом снова что-то вытащил из-под нее. Развернул. Это была грязная обгорев-

¹ Специальный упаковочный материал из древесины.

утвердительным кивком. Милиционер, тот, что был потолще, сразу это заметил:

— Смотри на меня. Сколько у вас было сигарет?

— Во...

Но вовремя успел заметить на руке Слипейша два загнутых внутрь пальца.

— ...три.

— Не сговариваться!

— Мы не сговариваемся.

Второго, длинного милиционера все это уже перестало интересовать. Он обратился к толстому.

— Эти трое мне больше не нужны. Пока что.

Подождал, когда мальчики покинут кабинет.

— Как вы попали в сарай?

— Там доска отставала.

— Громче. — Теперь длинный милиционер остался с Сашей один на один. Он что-то записал, поднял на

лая тряпка, похожая на оторванный рукав рубахи. В черную и желтую клеточку.

— Что это? Вспомни. Кто из мальчиков был вчера в такой рубашке?

— Никто.

— Почему ты так уверен?

— У нас спортивные майки с короткими рукавами. У всех одинаковые.

— Какие?

— Полосатые.

— И вчера вы тоже были в майках?

— Да.

— Все?

Саша задумался, наконец ответил совершенно искренне:

— Да, все.

Человек в милицейской форме разочарованно заворачивал в бумагу обгоревший рукав. Вид у него был строгий.

— Пока можешь идти. Но смотри, если ты соврал...

ФОНАРИКИ

Разговоры. Куда ни пойдешь — разговоры... Повариха в школьной столовой, накладывая в его тарелку кнедлики¹, с любопытством спросила:

— Ты что натворил-то?

— Ничего.

Она не поверила:

— Не скажи... По носу видать, что натворил.

Саша взял тарелку и поскорее отошел к столу. В столовой было уже почти пусто. Нянечка, вытиравшая столы, сказала поварихе:

— Ох, уж эти сорванцы! Бить их надо, вот что! Саша ел без аппетита, не замечая вкуса пищи. Рассеянно выуживал разварившееся мясо. Томатная подливка остыла. Он сдвинул ее на край тарелки. Да, все-таки влип, хотя ведь, и правда, они ничего не сделали.

Смотри, если соврал...

Он снова вспомнил про сигареты. Восемь штук «Глобуса», четыре мы тогда выкурили. Да еще этот рукав от рубашки! Четыре сигареты оставались в пачке. Если у Сомбра в шесть никого не оказалось дома, он мог вернуться в сарай! Или Вольгемута не было спичек. Спички были только у меня. Дома наверняка уже все известно. Прожженная майка в корзине... Хотя он и засунул ее как можно глубже.

— Зато у меня пятерка по чешскому. С пчелой, — утешал он себя.

Его все время преследовал слабый запах паленого. Только сейчас он понял, что это от пригоревшей подливы. Есть больше не хотелось. Поташнивало. Где-то хлопнула дверь. Саша вздрогнул: не за ним ли опять?

Но в столовую просунулись косички и бантики... Девчонки вытаращились на него, чуть ли не пальцами показывали.

— Это он...

Йокл, сидевший напротив, доел и отправился мыть тарелку. Проходя мимо Саши, с важным видом заметил:

— Слипейша как пить дать исключат из школы!

— Ну и что?

Саша пошел за Йоклом. Половину кнедличков оставил на тарелке. В пионерской комнате стол для пинг-понга был занят. Двое мальчишек из шестого класса, примостившись прямо на полу, рисовали огромный плакат «Да здравствует Октябрьская революция!» Саша уселся рядом с Йоклом и стал доклеивать вчерашний фонарик. Шепотом сказал соседу:

— Почему его вдруг должны исключить? Раз мы ничего не сделали.

— Врешь!

Ну и дурак этот Йокл. Мышиный король. Девчонки начали проверять фонарики, зажигая свечи одну от другой. Саша перебрался от Йокла к девчонкам и тоже зажег свечу. А Йоклу сказал:

— Не лезь ко мне, от тебя мышами несет!

И расхохотался. Ему показалось, что его фонарик с нарисованной цветными карандашами ракетой лучше всех. Разноцветные грани горели как звезды.

— Зажигать будете на улице! — раздраженно закричала пионервожатая, подошла к ним и задула Сашин фонарик. А девчачьи не задула. — Опять хочешь что-нибудь подпалить?

ПОБЕГ

Темнело. Фонарики рассыпались во все стороны, точно светлячки. Моросил мелкий дождь. Саша держал ладонь над своим фонариком — чтобы не погас. По расхлябанным дорогам поселка грохотали последние грузовики со щбенкой. Саша сошел на обочину, чтобы его не обрызгали.

И вдруг остановился как вкопанный.

Перед их домом стояла синяя машина с белой полосой.

Милиция.

Портфель сразу потяжелел. В нерешительности Саша перешел на другую сторону улицы. На углу, возле магазина самообслуживания, стояла очередь за апельсинами. Перед волейбольной площадкой два старичка орудовали домкратами возле автомашины ПС-70. Под приподнятую ось они подкладывали кирпичи.

Саша прошел мимо.

На него никто не обратил внимания.

Все так же были видны улица и дом, и перед домом

автомобиль с белой полосой — но отсюда, сверху, все это казалось игрушечным. А Саша все шел и шел. Перебрался через груды кружал¹, спрятал там свой фонарик, но потом все-таки раздумал, потому что на откосе показалась девчонка из их класса с овчаркой. Собака, совсем еще щенок, подбежала к Саше и стала его обнюхивать. Потом лизнула прямо в нос.

— Вот свинтус! Не лезь куда не просят!

Он швырнул в собаку камнем. А Шалковой сказал:

— И ты тоже!

Она обиделась. Крикнула ему вдогонку:

— Все равно тебе достанется!

Впоследствии выяснилось, что Шалкова и была последней, кто видел Сашу в тот вечер. Сперва он сбегал вниз по уступам еще недостроенного стадиона, затем стал наискось подниматься вверх, по-прежнему не выпуская из рук портфеля.

¹ Кружало — приспособление из досок для кладки каменных сводов.

¹ Национальное чешское блюдо.

МЫШЕЛОВКА

Собственно, он шел не вперед, а какими-то странными кругами: сначала внизу была железная дорога, по ней маневрировали освещенные локомотивы, он слышал даже шипенье выпускаемого пара, и вот уже снова город, вспыхивающие один за другим пунктиры уличных ламп и прямоугольники окон. Спуститься в этот чудовищно большой незнакомый вечерний город Саша боялся: город сразу поглотит его. Вон здание, где сжигают всякие отбросы — его трубы озаряют багровыми отсветами тьму, полную звуков и шорохов. Моросило. Склон был скользкий и мокрый. Часы у железнодорожного полотна похожи на луну. Саша остановился. Достал из портфеля картонные часики и поставил стрелки как на светящемся циферблате. В портфеле обнаружил завернутый в бумагу завтрак. Отломил полбутерброда, шел и жевал хлеб с колбасой, и под гудки локомотивов ему стало как-то грустно и хорошо. Все равно умру. Не вернусь никогда. В девять запирают подъезд. Остался час. Они бы обрадовались, если б я вернулся... У меня пятерка по чешскому. И потом: это же не мы сделали!

Дождь припустил сильнее. И за шиворотом, и в ботинках вода — несколько раз Саша оступался в лужи. Дорога петляла по холму. Миновал пять развилки. Однажды он где-то здесь ошибся, и пришлось возвращаться назад. В темноте все выглядело совсем не так, как днем. Наконец Саша наткнулся на проволочную сетку — забор садового участка. Облегченно вздохнул, пошел вдоль ограды, отсчитывая столбики.

Один.

Два.

Восемь.

Он знает тут каждый камешек. Через заросли кустарника пробрался точно к тому месту, где в заборе была замаскированная лазейка. Согнулся и пролез в нее, держа перед собой портфель. Проволочный край, освободившись, хлестнул по лицу. Саша потер ушибленное место мокрыми пальцами.

Вокруг спал игрушечный, карликовый городок с домиками-беседками. До некоторых крыш Саша мог свободно достать рукой. Тысяча маленьких садиков. И везде цветущие хризантемы. Стволы деревьев белые, словно забитованные. На заборе дедушкиного садика

поблескивали стеклянные шары. Саша просунул руку между рейками, отыскал крючок и отпер калитку. Потом тихо прикрыл ее за собой и очутился на крошечном дворике. Он знал, что ключ от домика под одним из цветочных горшков возле циновки: достаточно было приподнять три горшка — и вот он ключ. Вдруг Саша испугался. Сквозь шум дождя донесся звук мотора.

Это была машина. Невероятно, но она приближалась по дорожке от главных ворот, хотя проезд тут запрещен.

Саша нащупал ручку двери. Отпер. Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Над головой мелькнул луч. Застыл в ветвях и побежал дальше, обшаривая темноту. Машина приближалась. Синий милицейский фургон с белой полосой. Саша всем телом прижался к двери. С облегчением почувствовал: подается.

Из домика пахло теплым запахом прелых листьев и земли. Он замер в крошечной тьме, все еще держась за ручку двери и боясь шевельнуться. Знал, сто-рожка полна вещей, — но не мог разглядеть их. Квадратный стол, плетеные стулья, лейки и разный садовый инвентарь. Выкинутая из городской квартиры кушетка. Кресло-качалка с дырой в соломенном сиденье.

Предметы постепенно выступали из тьмы. В деревянную стену стучали тысячи маленьких молоточков, а может быть, это просто шел дождь да шуршали шины по щебню дороги. Казалось, будто к домику подползает какое-то огромное животное. Луч установленного на машине прожектора проникал через дыры под крышей. На какую-то долю секунды один за другим осветил углы. Стену напротив. И вдруг Саше показалось, что к ней, точно на скульптурном барельефе, прилеплено белое, как мел, лицо. Оно висело, словно гипсовая маска.

Саша вскрикнул.

И снова тьма.

На короткий миг вспомнились вчерашние деревья, гнущиеся под ветром, кладбищенские кресты, трясина, и вдруг что-то, прежде казавшееся деревом, ожило и протянуло руку... Саша почувствовал ее на своем горле.

РУКА

Пальцы.

Запах пота.

Пальцы ползут все выше, закрывают ему рот, он не может крикнуть. И снова сторожка, дедушкин домик, кто-то держит его и говорит: «Не дури. И не вздумай орать!» В голосе почти просительные нотки. Саша хотел было укунуть державшую его руку, но она отдернулась. На ней что-то белело — бинт или тряпка. Снаружи доносилось урчание мотора. Через щель было видно, как машина разворачивается. С минуту казалось, будто она едет прямо на них.

— Если ты привел их по моему следу — в лепешку превращу, — шептал тот, во тьме, и дрожал всем телом.

— Н...нет, — запинаясь, едва слышно ответил Саша. Машина набрала скорость. Она удалялась.

Мальчик понял: остаться тут один на один с этим — для него еще хуже... Рука по-прежнему держала его. Он сказал Руке:

— Наверно, искали меня...

Саша и правда так думал, но он ошибался. В этот момент искали не его. А если кто его и искал, то уж

вовсе не милиционеры и не на машине. Но Руке Сашино предположение явно понравилось, потому что она его отпустила.

— Честное слово...

Тот, во тьме, облегченно присвистнул и рассмеялся.

— Что ты натворил?

— Ничего.

— Стали бы за тобой охотиться!

— Я был не один.

— Ну и?..

— Говорят, что мы подожгли сарай.

— Вчера?

— Мы там курили.

Тот, во тьме, снова тихонько присвистнул. А потом вдруг заговорил строгим тоном взрослого:

— Хорошенькое дело. Так ты влип по уши. Сколько тебе?

— Скоро десять.

— В будущую осень, годков через восемь, так, что ли?

Он чиркнул спичкой. Держа ее в ладони, нагнулся

за ключами, которые Саша уронил на пол. Куртка на нем распахнулась. Под ней ничего не было. Ни рубашки, ни майки.

— Что ты на меня уставился?

— Я?

Саша вспомнил директорский кабинет. Обгоревший рукав на столе. «Узнаешь?» Сдавленным голосом сказал:

— Я бы замерз... без рубашки.

— А может, мне так нравится... — ответил тот. Но все же затыкнул молнию. — Теперь такая мода...

Он звякнул ключами перед Сашиним носом.

— Это ваши? От дома?

— Нет.

— Где же ты их взял?

— Под цветочным горшком. Они всегда там лежат.

Почти допрос.

— Откуда ты знаешь?

— Я хожу сюда играть. У меня тут игрушки. В сундуке.

— Какие?

— Подъемный кран из конструктора. Две машины. — Саша старался, чтобы тот, во тьме, поверил ему. — Еще маленькие грабли. И лопатка.

Тот молчал.

Наверно, уже все здесь осмотрел.

Еще до его прихода.

Саша сказал:

— Дедушка иногда и ночью сюда наведывается.

— Брежешь.

— Не...

Сразу захотелось, чтобы это было правдой. Чтобы кто-нибудь пришел. Чтобы вернулись милиционеры. Теперь, когда он знал, кто поджег сарай. Хотя это и не совсем точно... Но кому взбредет ходить осенью в одной куртке, без рубашки? Если бы, конечно, у него была рубашка...

Прийти бы и сказать:

— Слипайш вовсе не виноват!

Тот, во тьме, рассмеялся.

— Чего тебе бояться, а тебя не выдам. Я только спрятался тут от дождя.

И приоткрыл дверь.

Выглянул наружу.

— Держи. — Выбрался во дворик и бросил Саше ключи. Они упали на порог. Мальчик нагнулся. Слышно было, как тот, во тьме, отворяет калитку, потом шаги по песку...

— Пойдите! — крикнул Саша, но голос изменил ему. Не понимая, что и как делает, он сунул ключ в замок,

запер дверь, снова положил связку под горшок! Промыгнул через калитку.

— Я должен вам что-то сказать!.. — снова крикнул он. Шаги удалялись. Что делать? Он и сам не знал. Знал только, что нельзя позволить тому, во тьме, уйти.

Он побегал по тропинке.

Петлял между деревьями, а в душе — и страх, и восторг от мысли, как он скажет ребятам, что вот сам все сообразил и сделал.

НОЖ

И вдруг упал во тьму. Что-то тяжелое навалилось на него и прижало вниз. Боль в коленках. Полный рот земли. Выплюнув ее, Саша попробовал освободиться:

— Пустите...

И неожиданно совсем по-детски:

— Я скажу про вас... Теперь буду весь грязный.

— Думаешь, беда какая!

Тяжесть передвинулась: тот, во тьме, уселся на него. Очень четко и больно под телом ощущались края портфеля. Где-то за забором, раскачиваясь на ветру, поскрипывала уличная лампа. На миг Саша разглядел лицо сидящего на нем. Это был перепуганный паренек, с волосами, начесанными на лоб. На вид ему было лет семнадцать. А то и меньше.

— Думаешь, на дурака напал?

— Не... — поспешил уверить его Саша.

Он уже чуточку успокоился. Потому что над ним была не Рука из тьмы, которая могла принадлежать кому угодно, а паренек в куртке:

— Чтобы ты растрепал по всем углам?..

— Не...

— Со своим паршивым сараем ты бы все растрепал.

Как мой братан...

Повязка у него была вся в грязи.

Он что-то пробормотал себе под нос.

Саша сказал:

— Я не такой.

— Не ори.

Парень в куртке снова прижал Сашу к земле. С тропинки слышались шаги и голоса.

— Кто это?

Саша попытался отгадать по голосу:

— Сторож.

— А с ним кто?

Во тьме мигал фонарик. Он приближался к калитке. Двигался вдоль забора с блестящими стеклянными шарами. Сторож сказал:

— Нет тут никого.

Но человек, который шел рядом с ним, настаивал:

— Давайте все-таки заглянем. С утра не приходил домой. Никогда еще этого не случалось.

Скрипнула калитка. Первый голос сказал:

— Я же говорил — заперто. Наверняка уже дома.

Паренек в куртке больше ни о чем не спрашивал. Все было и так ясно.

— Знаю я этих папаш, — прошептал он и выразительно щелкнул складным ножом. Он держал его перед самым лицом мальчика, чтобы тому не пришлось в голову крикнуть.

Саша шмыгнул носом. На глаза неожиданно навернулись слезы. Голоса удалялись. Наконец, парень всадил нож в землю. Стал оправдываться:

— Ну, пошутил... Ты что, шуток не понимаешь?

Он пополз вперед.

Понюхал свою руку.

И стал яростно обтирать ее о траву. Потом сказал:

— К чертям собачьим, везде эти кошки.

Нашел в заборе дыру.

— Полежай вперед. — Взглянул на Сашу. — И не думай, что сможешь теперь удрать. Чтобы потом притащить за мной кого-нибудь...

ОТКОС

Они скользили по откосу. Во тьме спотыкались о корни. Трава была мокрая.

Большой все вытирал руку.

— Как-то я попал в это дело локтем, — так от меня целую неделю разило. — Он сказал это, чтобы рассмешить малыша. Потом добавил: — Между прочим, он у тебя молодчина.

— Кто молодчина?

— Папаша твой. Что пошел тебя искать.

Саша удивился. А как же могло быть иначе! И, готовый снова расплакаться, вытер рукавом нос.

— Скажись-ка, а то вымажешься еще больше, — сказал Большой и, послонив носовой платок, начал было стирать с его щек грязные полосы. Но тут нужна была по меньшей мере ванна горячей воды.

— Ты всегда так ревешь? — спросил он, пройдя метров пять. И оглянулся на мальчонку. Саша завертел головой, шмыгнул носом и сказал:

— Я забыл там портфель.

Пришлось возвращаться.

Большой на всякий случай сопровождал мальчика.

Портфель, действительно, лежал там.

В траве.

Старший взял его.

— Ого, да тут целый центнер знаний! — Прикинул портфель на вес и стал им размахивать. — А ну-ка, реши: на крыше сидит десять воробьев. Если мы застрелим одного — сколько их там останется?

— Нисколько, — ответил Саша не раздумывая. — Это у нас и в книге для чтения и в арифметике есть. Я вам сейчас найду.

Он взял портфель, стал в нем рыться.

Тем временем подошли к фонарю. Саша раскрыл книжку.

— Жуть, а не задачки!

— Ладно, сейчас не до них, — ответил парень в куртке. Его заинтересовало совсем другое. Пакетик из промасленной бумаги. Не спрашивая разрешения, он вынул его и развернул. Остаток бутерброда с колбасой.

— Низко кланяюсь твоей мамаше...

Точно неделю голодал! При виде того, как он жует, Саша тоже захотел есть. Поднося ко рту последний кусок, парень вспомнил про мальчугана.

— Хочешь?

Он разломил остаток хлеба надвое и половину отдал Саше.

— Спасибо, — сказал тот по привычке, хотя это был его собственный хлеб.

Большой старательно разжевал последний кусок. Потом вытер рот.

— Теперь бы я накурился до слез.

Саша был в нерешительности.

Он шел шагах в двух вслед за парнем.

— Внизу есть автомат.

— Где?

— У телефонной будки. Только на кроны.

Большой подумал. Вытащил из кармана горсть мелочи. Штук пять крон. Остальное — двадцатипяти и десятигеллеровые монеты. Посмотрел вниз, куда показывал Саша. Потом недоверчиво протянул:

— Там вроде бы киоск.

— Автомат тоже. И телефонная будка. Их в прошлом году поставили... Вон у той стены...

Продолжение следует

МОЯ СТОРОНА

Алексей Смольников

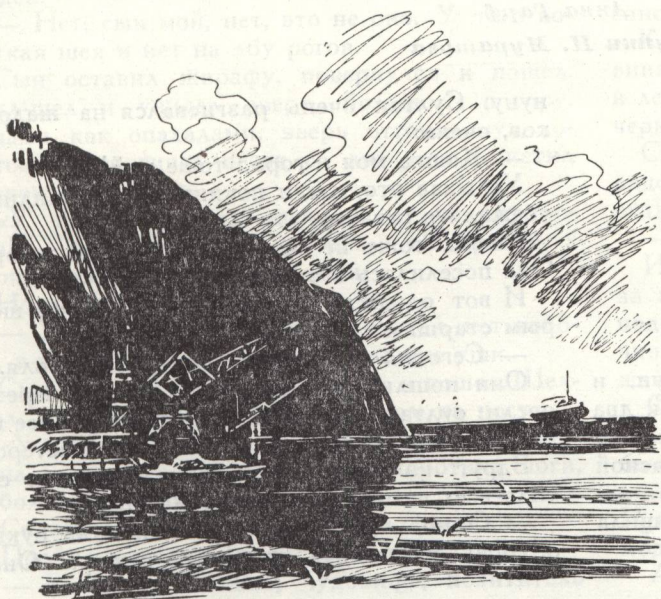

Рисунок В. Звонцова

Кто такой я? Где взял я начало?
Как сказать, где моя сторона?
Нахожу я Россию сначала —
Всем известна такая страна!
А потом, не искать чтобы долго
На бескрайних просторах страны,
Говорю я: вот, видите, — Волга,
Всюду песни про Волгу слышны.
А вот здесь, пробираясь упрямо,
К ней спешит от Урала, быстра,
Синеглазая песнь моя — Кама,
Будто меньшая Волги сестра.

А теперь остается лишь город
Указать на ее берегу,
Да подробности те, без которых,
Как и вы, я найтись не смогу...
Это только так кажется: вроде,
Вот, мол, я. Вот живу имярек.
А без речки своей, а без родины
Кто он, мыслящий сей человек?
Где он мечется, в дали какие
Завели его тропы, маня?...
Потому начинаю с России.
А уж в ней-то отыщут меня!

РИСУЮ ЗИМУ

Леонид Агеев

Рисунок Р. Попова

Сперва на снег бумаги
стрелой легла лыжня,
потом — кусты в овраге
и три могучих пня:
в мохнатых белых шапках
и каждый — с бородой...
Потом — сосульки в лапах
у елки,

высотой
от снега и до самых
ползущих тучно туч.
Потом возник упрямый,
прошивший тучу луч.
Последних пара линий —
пейзаж готов вполне.
Явиться на картине
настало время мне.
И я на лыжах смело
взметаю вихрем снег.
И все повеселело —
явился человек!

СУЛТАН МЕДЖИНУН И ЕГО КОШКА

(По мотивам сказок суахили)

Анна Гарф

Рисунки Н. Муратова

Жил-был султан, звали его Меджинун, и было у него семеро сыновей: двое юношей, два подростка, два отрока и седьмой — малыш. Мать носила его за спиной в куске красной ткани. И жили они все в радости, не зная печали, пока любимая кошка султана не утащила козленка.

нуну. Султан очень разгневался на жалобщиков, очень:

— Кошка моя и город тоже мой!

Услыхав это, люди покинули свои жилища и убежали в саванну.

Кошка тоже не пожелала остаться в городе. Она поселилась в зарослях.

И вот однажды султан сказал своим шестерым старшим сыновьям:

— Сегодня мы пойдем осматривать поля.

Они пошли друг за другом тропой через заросли: султан впереди, за ним шагали двое юношей, два подростка, два отрока, все шестеро.

Вдруг из зарослей выскочила кошка, схватила всех шестерых и потащила к себе.

— О-о-о, — застонал султан, подняв руки, — о, горе! Эта кошка не делает выбора. Она не

— В этом нет беды, — сказал султан, — кошка моя и козленок мой.

На другой день кошка увела теленка.

— Здесь нет убытка, кошка моя и теленок мой.

Тут кошка уволокла корову, осла, лошадь, верблюда и, наконец, схватила пастушонка.

— Кошка моя и пастух тоже мой, — молвил султан.

А кошке уже наскучило беречь зерно от мышей. Вышла она из султанского амбара, умылась, нацепила украшенья, опоясалась и отправилась в город Мназимодья.

Вошла в городские ворота и улеглась посреди дороги. Утром она хватала тех, кто шел в сандалиях, а вечером того, кто ходил босиком.

Доложили о таком разбое султану Меджи-

говорит себе: «Вот дети султана, и я не трону их». Она хватает всех без различия...

Возвратился султан Меджинун в свою хижину и заплакал:

— Кто, кто убьет чудовище, укравшее моих детей?

И тут младший сын, малыш, которого мать носила за спиной, завернутым в кусок красной ткани, вдруг ответил:

— Я, я убью чудовище, похитителя людей!

Мать испугалась, очень испугалась:

— Сын мой, не ходи воевать с чудовищем. Ты еще мал, ты его никогда не видел.

— Нет, я пойду.

Спрыгнул на землю, взял отцовское копье и пошел. Шел-шел, пришел в саванну и увидел жирафу. Она ела листья с вершины большого

дерева. Потом прислушалась и побежала. Сын султана догнал жирафу, связал, поднял на плечо и понес.

Пройдя половину пути, он запел:

— Мать, я победил чудовище, похитителя людей.

— Нет, сын мой, нет, это не оно. У того короткая шея и нет на лбу рогов.

Сын оставил жирафу, повернулся и пошел. Шел-шел и увидел зверя, большого, с горю. Ушами, как опахалами, зверь отгонял мух, хоботом он втягивал песок со дна реки и чистил песком свою спину.

«У него короткая шея и нет на лбу рогов!» — подумал сын султана. Подкрался к слону, связал и потащил домой.

Но мать сказала:

— У чудовища, похитителя людей, нет хобота, у него короткие ноги и небольшие уши.

Сын оставил слона, повернулся и пошел. Шел-шел, а навстречу ему зверь с рогом на носу.

«У него нет хобота, — обрадовался сын султана, — у него короткая шея, короткие ноги, небольшие уши и нет на лбу рогов».

Связал он носорога и потащил домой.

Пройдя половину пути, он запел:

— Вот оно, вот оно, чудовище, похититель людей!

Шел он, шел и пришел к дереву с круглыми листьями. На ветке спал зверь, какого он еще никогда не видал: короткие лапы, короткая шея, небольшие уши, маленький нос, круглая голова и пушистый хвост.

— Эй, кошка! — крикнул сын султана, — проснись! Я хочу с тобой драться.

Кошка проснулась, потянулась, прыгнула вниз и началось великое сражение. Они бились в лесу и в саванне, боролись светлым днем и черной ночью, дрались при солнце и в дождь.

Сын султана победил. Засмеялся он громко от радости, снял с кошки ее нарядный пояс и сказал:

— Люди, возвращайтесь в свои жилища!

И они пошли: впереди младший сын султана, за ним пастушонок, потом двое юношей, два подростка, два отрока, а дальше шагали мужчины с копьями в руках и женщины с поклажей на голове и бежали дети.

Они шли и пели:

— Защитил бы султан козленка, не тронула бы кошка теленка, не схватила бы пастушонка, не стала бы чудовищем, похитителем людей. И никогда не покинули бы мы город Мнази-модья.

А кошка шла позади всех и плакала:

— Люди, отдайте мне мой нарядный пояс...

— Сын мой, у чудовища нет рога на носу. У него маленький нос, круглая голова и пушистый хвост.

И еще мать сказала:

— Дитя, лицо твое стало серым, тело присохло к костям. Ты догнал жирафу, победил слона, одолел носорога. Разве ты не успокоился?

— Нет! Я в гневе.

— Нужно сварить кашу, чтобы ты мог поесть. Ты насытишься, и гнев твой остынет.

— Нет, я пойду. Так велит мне мое сердце.

Услыхал это султан Меджинун. Он сказал:

— Кошка моя и пояс тоже мой.

С тех пор кошки и не носят пояса, не хватают людей, коров, верблюдов и лошадей. Охраняют теперь кошки хлеб наш от мышей.

Вот и все. Была сказка и нет ее. Ну, я здорово умею приврать. Эта ложь на счастье и тому, кто слушал, и тому, кто говорил. А за это пусть завтра, как проснусь, увижу возле своего ложа кучу серебра или хотя бы горькую тыкву.

К. Валеров

Рисунки В. Травина

Красив лес поутру. Заинде-
велье ветви оголенных деревь-
ев отливают на рассветном мо-
розце синевой, кажутся стек-
лянными.

«Дзинь!»

Звон вылетает из-под самых
ног. «Дзинь-дзинь, — поют
под нашими сапожищами за-
стывшие лужицы. — Дзинь!»

— Смотрите, смотрите! —
внезапно кричит Санька Сима-
ков.

Он нагибается и откалывает
большой кусок льда.

Чудо! В серебристый лед
впечатались прошлогодние
осенние листья—красные, жел-
тые... Санька поднимает на-
ходку высоко над головой, и
льдистые листья искрятся на
солнце.

— Лесной клад! — восторга-
ется Санька. — Эх, жаль, со-
хранить нельзя!

Мы идем дальше, вдоль си-
ней-синей и неподвижной Луги.

— Это лед от натуги поси-
нел, — поясняет мой провод-
ник. — Вода его уже снизу под-
пирает. Через день-другой про-
рвет. Это уж точно. И тогда
такой треск по реке пойдет,
любо-дорого!

Санька ускоряет шаги. Дву-
стволка за его спиной покачи-
вается на широком ремне.
Санька оборачивается и гово-
рит на ходу:

— Это мне батька купил.
Видит, что в лесу пропадаю,
вот и подарил ружье. А охот-
ник я никудышный. Взял меня
раз дядя Коля Краснов. За-
ночевали в шалаше. А утром...
Сон аль нет! В первый раз
тетеревов увидел...

Санька жмурится от солнца
и начинает рассказывать мне
про тетеревов:

— Точно петухи расхажи-
вают по поляне. А поют так:
«Чу-у-ф!» На нас внимания ни-
какого. Подходи и хватай.
Представляет! А дядя Коля
вскидывает ружье. Я даже гла-
за закрыл. «Чу-у-ф!» Не вы-
держал я, бросился на дядю
Колю. И вовремя. Он как раз
курок нажимал. Вот и полу-
чился выстрел в сторону. Уж
честил он меня потом. На чем
свет стоит. До сих пор про-
стить не может.

Санька смотрит мне прямо
в глаза, лица поддержки:

— Ну, скажите, разве мож-
но стрелять в живое? Просто
не понимаю. Тут прибегают ко
мне летом соседки: «Сань, у
тебя ружье есть, подстрели яс-
треба, а? Всех кур перетаскал,
мерзавец». А зачем убивать?
Верно?

Я с сомнением качаю голо-
ву:

— Ястреба, видимо, можно.
Даже нужно. Все-таки хищник.

— О, нет, — не соглашается
Санька, — зачем? Разве друго-
го нет выхода? Подстерег я
этого ястреба. У него гнездо
на известковой горе было. Тут,
недалеко. Голыми руками взял.
Ох, и разукрасил же он меня!
Принес домой. «Убей, — гово-
рят, — нашел с кем связывать-
ся». А я его приручил. Все
лето по двору ястреб разгу-
ливал. Сначала на веревочке,
а потом я одного отпускал. До
осени никуда не улетал. И
представьте себе — ни одной
курицы не тронул. А вы гово-
рите — хищник! Не-ет! — за-
думчиво говорит Санька, —
убивать это не по мне.

— А ружье тебе зачем?

— Зачем? Да так, для со-
лидности! Буду из ружья во-
рон пугать, чтобы гнезд не ра-
зоряли... Ну, и по консервным
банкам целиться можно.

«Тук-тук-тук!» — отстукива-
ет морзянку дятел. Мы запро-
кидываем головы, отыскивая
лесного телеграфиста. Мощные
мачтовые сосны устремились
к небу. Шумят сосны, покачи-
ваясь на ветру, и такие они
высокие, что кажется, облака
задевают.

— Эй, — зовет меня Сань-
ка, — полюбуйтесь-ка!

Он вынимает из дупла уве-
систую шишку, поясняет:

— Дятел оставил. Скоро вернется.

Так в разговорах незаметно доходим до знаменитой поляны, о которой Санька еще вчера мне все уши прожужжал:

— Хотите — верьте, хотите — нет, но к одиннадцати часам туда птицы со всего леса слетятся.

Признаться, я тогда усомнился. А теперь убедился сам. Галки, дятлы, скворцы, соро-

ки, вороны... Все деревья облепили. А новые стаи все летят и летят. Торопятся, спешат, словно боятся опоздать. Но что так расшумелись птицы, о чем спорят, чего не поделили?

Санька достает из-под елки ржавую консервную банку, ставит на пенек, отсчитывает шаги.

«Тра-ах!» — грянул выстрел.

«Дзинь!» — слетела банка с пенька.

Что тут было! Как всколыхнулись птицы, как засудачили в тревоге:

— Пи-пи-пи-пи-и!

— Чи-ик! Чи-ик!

— Карррр!

— Ого-го! — сливается слесным гомоном зычный Санькин голос.

Он победоносно потрясает простреленной банкой:

— Ха, в самую середку угодил!

И пошло, и пошло: «Трах-дзинь, трах-дзинь!» — пока вконец банку не продырявил.

— Все, хватит с нее! — и банка летит в овраг.

Я гляжу вниз. Ба, да здесь целые залежи дырявых банок!

— Моя работа, — похвастался Санька, — все до одной прострелил.

— Когда ж ты успел столько?

— А чё не успеть-то? С утра до вечера в лесу.

— Как? — опешил я. — А школа?

— А зачем мне она? — с некоторым вызовом глянул Санька. — Мне и здесь хорошо.

Я удивленно смотрю на мальчишку. Уж не пошутил ли?

— Не верите? — сказал Санька. — Спросите у ребят. Я даже за две четверти не аттестован.

В тот же день я встретился с его одноклассниками. И не потому, что Саньке не поверил. Другое волновало меня. Случай-то из ряда вон выходящий. Ну, допустим, взбрела в голову мальчишке нелепая мысль оставить школу, сбежать от уроков в лес темный. Но в таком случае на Санькином пути должен решительно

встать его отряд, не позволить ему неучем расти.

И вот я беседую с ребятами.

— Да он же лесная душа! — сострил кто-то под дружный смех.

— Это точно! — подхватили вокруг. — Слыхали? Санька в лесники собрался!

— А как, по-вашему: неужественный человек может быть лесником?

— Де нет, вроде бы, — замялись ребята. — Конечно же, нет. Только упрямый он...

Упрямство? А вдруг под упрямством что-то другое скрывается, чего не сумел разглядеть в Саньке отряд? Даже к его увлечению лесом и то здесь отнеслись с явным пренебрежением. А зря. Ведь если бы к Санькиной доброте душевной прибавить еще и знания, из него бы мог получиться настоящий хозяин леса, истинный друг природы.

Мне все-таки удалось вызвать его на откровенный разговор.

— Только вы, пожалуйста, не подумайте, что учеба мне трудно дается, — попытался заверить Санька. — Если захочу, ей-ей, на одни четверки и пятерки заниматься могу. Просто дурака я тогда свалял. Ведь с чего все началось? У нас

контрольная, а я не подготовился. Ну, и вместо школы мотанул в лес. Вечером встречаю учительницу: «Ты почему, Симаков, в школе не был?» — «Болею», — говорю. Глянула она на меня этак подозрительно: «Не забудь справку принести». Ах так, думаю, ну ладно. И опять на пару дней вместо школы — в лес. На четвертый день, как ни в чем не бывало, являюсь в класс. Меня — к директору. «Где справка?» — спрашивает Леонид Иванович. Молчу. «Чтобы завтра с отцом в школу пришел». А у моего бачки, знаете, нрав крутой. Уж если выпьет лишнего, пощады не жди. Перепугался я, не стал ничего дома говорить, а наутро снова в лес. Только шила в мешке не утаишь. Что дома было! Словом, привели меня родители в школу под конвоем. Ну, естественно, двоек поднахватал изрядно, от класса-то здорово успел отстать. Сижу на уроках, глазами моргаю, ничего не понимаю, что говорят. Махнул рукой и снова — в лес...

...Я уезжал из Кингисеппа с тревожным чувством. Хватит ли у Саньки силы воли догнать класс? Поможет ли ему в этом отряд? Или так и затеряется в лесу мальчишка?

ОТ РЕДАКЦИИ:

Когда верстался этот номер журнала, наш корреспондент снова побывал в Кингисеппе. Но встретиться с Александром Симаковым не удалось: на сей раз Саня был далеко от дома. Его направили учиться в Раекскую школу-интернат, что в Калининской области. Почему? На этот вопрос ответила инспектор детской комнаты милиции Л. И. Зайцева:

— Симаков бросил школу и фактически остался без присмотра, — пояснила нам Любовь Ивановна. — Отец его пьет, воспитанием сына не занимается. А класс, в котором Саня учился, безустанно отнесся к судьбе своего товарища... Более того... Вот, посмотрите...

Инспектор детской комнаты вынула из конверта письмо. Вот небольшие выдержки из него:

«Здравствуйте, Любовь Ивановна! Пишет вам Симаков А. Я живу хорошо, четверть окончил с одной тройкой. Писал в школу письма, но ответа не получил. Мне стало обидно, хотя во многом виноват я сам, когда пропускал школу. Но все равно, почему меня забыли? Как же так?..»

Как же так? Неужели равнодушные — норма жизни пионерского отряда?

Пусть те, кого взволновала судьба Сани Симакова, напишут ребятам, с которыми он учился. Адрес такой: Ленинградская область, г. Кингисепп. Школа № 1, 6«б» класс. Председателю отряда Свете Ефремовой.

Вы, наверное, помните третью страницу обложки восьмого номера «Костра» 1967 года. Там была фотография планетохода на поверхности Марса. Планетоход остановился на берегу реки среди скал. Земляне, успевшие подружиться с марсианами, защищаются от напавшего на них огромного паука.

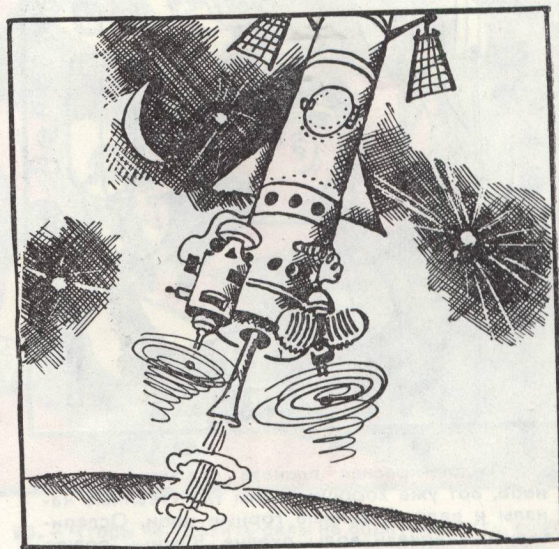
Это была очень интересная экспедиция. Не успевало кончиться одно приключение, как космонавты попадали в другое. Шутка сказать, в экспедиции принимало участие более ста человек! К сожалению, только четыре участника благополучно вернулись на Землю. Их имена названы в двенадцатом номере «Костра» за 1967 год.

Остальные потерпели катастрофу и затерялись в необъятных просторах Большого Космоса. Вот как это произошло.

1. До отлета с Земли оставались считанные минуты. Командир корабля, геолог и штурман полулежали в амортизационных креслах и смотрели на стрелку секундомера.

— Пора! — сказал командир и взялся за ручку пускового устройства.

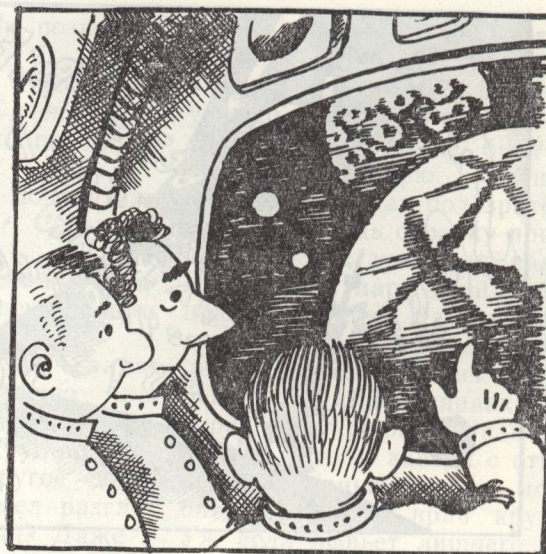
2. Моторы ракетоплана взрели. Огромное серебристое тело вздрогнуло и медленно отделилось от Земли.

3. Через несколько минут ракетоплан вышел в безвоздушное пространство и наступило состояние невесомости.

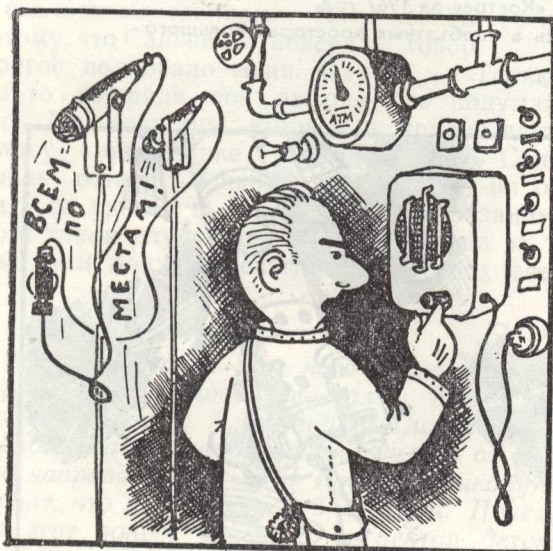
Командир отстегнул ремни, оторвался от кресла и поплыл по кабине.

— Надо откорректировать траекторию полета! — крикнул он штурману, но слова из-за невесомости разлетелись в разные стороны, и штурман ничего не понял.

4. Тогда командир сам начал расчеты. Вскоре был совершен сложный маневр коррекции. Корабль лег на заданный курс. Космонавты приступили к наблюдениям.

По пути на Луну решено было совершить посадку на Марсе. Еще раз слегка изменили курс.

5. Тускло-красная планета увеличивалась в небе. Вот уже хорошо видны таинственные каналы и величественные горные цепи. Ослепительно сверкали воды океана. Южный полюс тонул во мгле.

Командир посмотрел на манометр. До поверхности планеты оставалось еще около тысячи километров.

— Все по местам! — скомандовал он. — Приготовиться к посадке!

Микрофоны разнесли по кораблю его громкий голос.

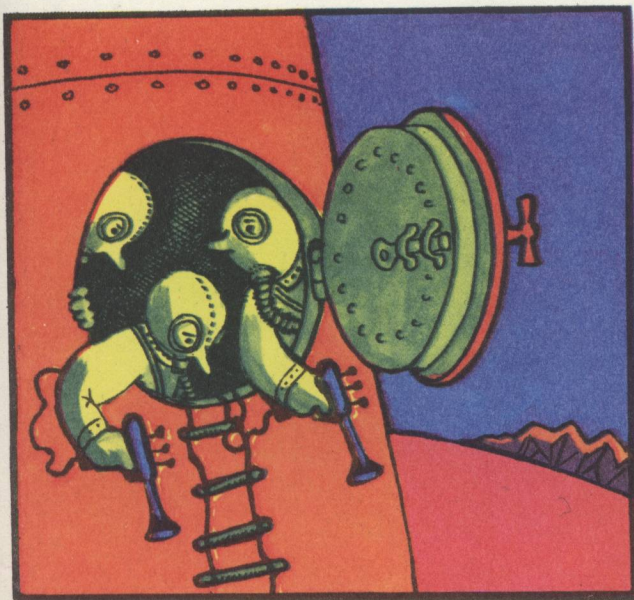
6. Космонавты пристегнулись к креслам.

Ракетоплан вошел в тропосферу, потом в стратосферу и, наконец, коснулся поверхности планеты. Тормозные двигатели затихли. Наступила напряженная тишина.

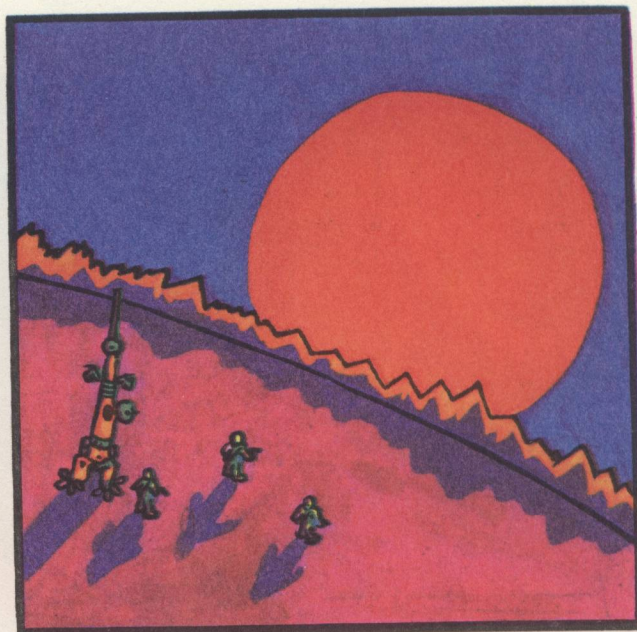
— Прибыли! — сказал командир и улыбнулся. Геолог взял пробу воздуха.

— Кислорода в четыре раза меньше, чем на Земле. Пятнадцать процентов азота. Двадцать два — аргона.

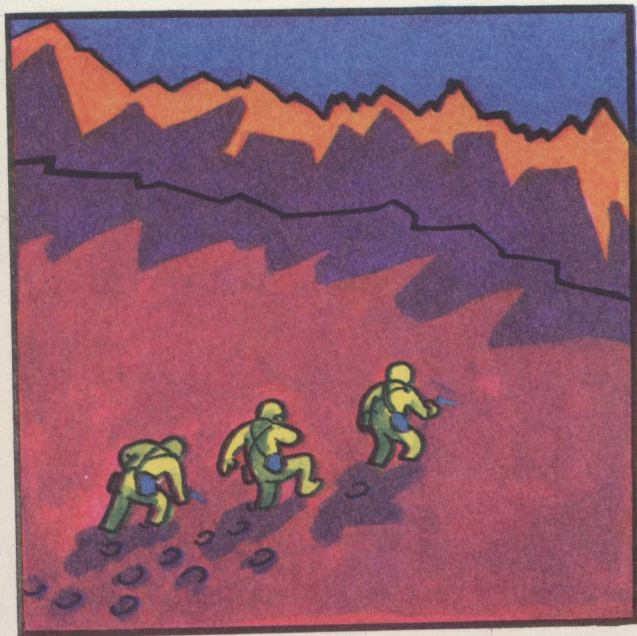
— Отлично! — сказал командир. — Пойдем на разведку.

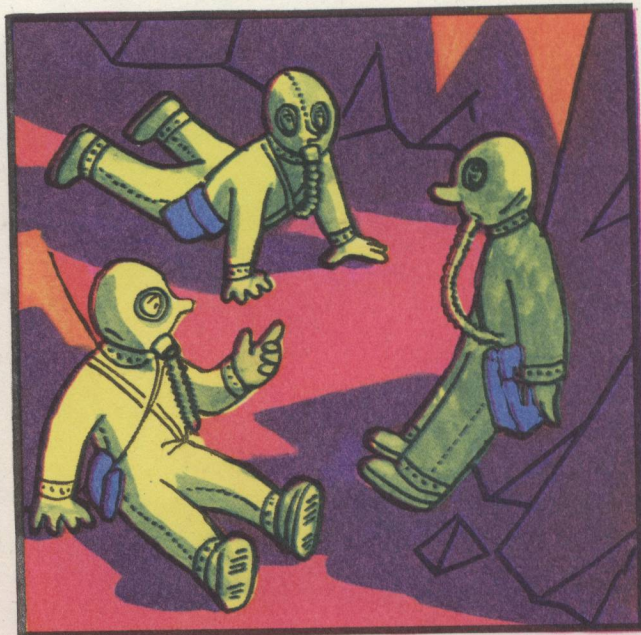
7. Космонавты надели противогазы, открыли люк и вышли из ракеты. У каждого в руках был генератор электронов в виде пистолета. Над марсианскими скалами поднимался огромный красный диск Солнца. Воздух был неподвижен. Безмолвная пустыня ползучего пурпурного песка расстилась вокруг. Командир указал стволом генератора на далекие скалы.

8. Пойдем туда. Может быть, там есть жизнь. На всякий случай включили усилительный звуколокатор, который мог предупредить людей об опасности, и двинулись к далекому горизонту.

9. Идти было трудно, потому что сила притяжения на Марсе в два раза больше, чем на Земле. Ноги вязли в мелком песке. Несколько раз останавливались, чтобы отдохнуть. К полудню подошли к розовым скалам. Солнце пекло невыносимо. Космонавты выбились из сил.

10. — Чтобы не тратить силы на обратный путь, вызовем из ракеты планетоход. Он у нас телеуправляемый, полностью автоматизированный, может двигаться без участия человека, — сказал командир. — А пока займемся исследованиями.

С этого момента никаких известий от космонавтов на Землю больше не поступало.

Что произошло на Марсе?

Неизвестно.

Может быть, вы, ребята, догадаетесь и поможете космонавтам?

Дело в том, что рассказ, который вы только что прочитали, составлен из ошибок, которые допустили авторы фантастических рассказов, присланных на конкурс. Ошибок, по крайней мере, четырнадцать.

Если вы их найдете — экспедиция будет спасена.

Итак — за дело!

Ждем ваших писем.

На конвертах пишите: SOS!

Рисунки Б. Стародубцева

ИНСТРУМЕНТ ИНСТРУМЕНТОВ

Корреспондент «Костра» Нина Семашкова беседует об устройстве органа с инженером-механиком Василием Григорьевичем Козловым. Разговор происходит в здании Московской государственной филармонии.

Лифт за несколько секунд переместил нас на третий этаж. Петляем в лабиринте узких лестниц. Вдруг откуда-то донеслось гудение.

— Это орган?!

— Да. Нам сюда.

Василий Григорьевич открывает дверь, и из-за нее водопадом хлынули звуки, но... далеко не музыкальные.

Небольшая комната с высоким потолком. Большую часть ее занимает громоздкий деревянный ящик, от которого отходит толстая деревянная труба. У стены рычит мотор.

— Какое же отношение к органу имеет этот ящик, похожий на старый бабушкин сундук, и этот мотор, от которого хочется зажать уши?

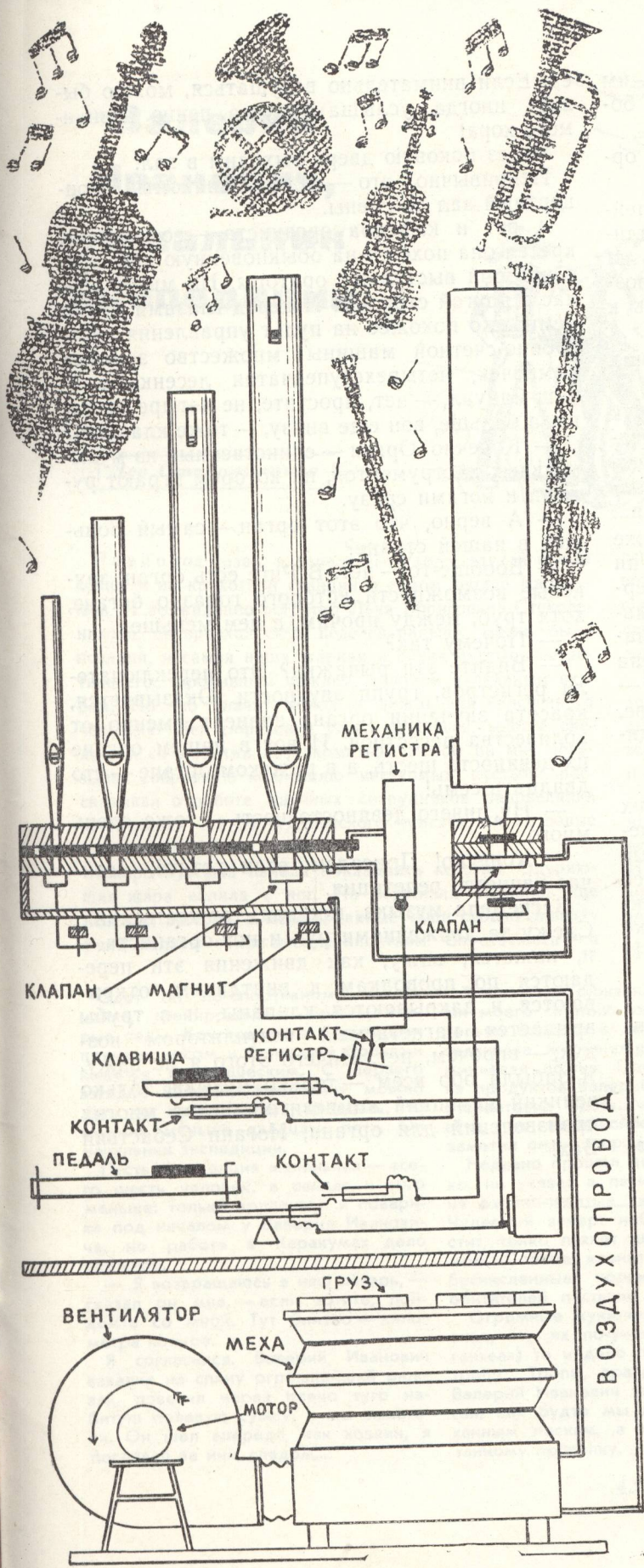
— Самое прямое отношение.

Поднята крышка ящика, — там, оказывается, вентилятор. Вот что шумит! Даже странно подумать, что этот шум где-то превратится в музыкальные звуки! Слушатели в зале, наверно, не подозревают, что есть эта комната, они и не думают о ней — как не думали много лет назад о качальщиках-меходуях. Двое или четверо прислужников, изнывая от тяж-

Пока не были придуманы граммофон и пластинки, любителям музыки ничего другого не оставалось, как играть собственными руками, а для этого держать дома какой-нибудь инструмент — арфу, лютню, а то и орган, небольшой, комнатный, как на рисунке слева. Этих нарядных девушек, собравшихся в воскресный день попеть и поиграть, написал фламандец Ян ван Эйк. Он жил в пятнадцатом столетии.

По соседству, на среднем рисунке, который исполнила для «Костра» художник К. Савкевич, изображен многотрубный, многорегистровый великан с громоподобным голосом.

А кто разберется в схеме, напечатанной на этой странице, тот сумеет вместе с нами проникнуть в электрически-акустически-аэродинамическое нутро современного органа.

кой работы, накачивали мехами воздух, — им нельзя было зевать, иначе прервалось бы богослужение!

— А каким был самый-самый первый орган?

— Предками его были многоголосые флейты — тростниковые трубочки различной длины, похожие на пастушьи свирели. Играть на всех трубочках сразу нельзя, — в легких воздухе не хватает. Вот и стали приделывать к флейтам меха, вроде тех, что у гармошки.

— Говорят, в создании органа принимал участие сам Архимед?

— Да, именно он предложил приладить к мехам многоголосой флейты водяной двигатель. А механик Ктезибий, его соотечественник, усовершенствовал этот механизм. Звучали органы и у древних египтян, и у римлян...

Разговаривая, мы незаметно оказались уже совсем в другом помещении. Здесь, куда ни взглянешь, были трубы. Трубы, трубы, наверху, внизу, справа, слева, — семь тысяч восемьсот труб, деревянных и металлических, у нашего органа! В концертном зале расположена их совсем небольшая часть, — остальные — здесь, в невидимом зрителю трубном царстве.

— Трубы устанозлены на винтладах, видите?

— Простите, что такое винтлады?

— А это подставки, полые внутри, — в них поступает от вентилятора воздух, под давлением, — вообще винтлады как бы кладовые воздуха. Нажмет органист клавишу, а от нее идет к винтладе электрический провод. Электромагнит сработает, откроется в подставке клапан, и порция воздуха идет в трубу. И труба начинает звучать.

— Как флейта?

— Одна — как флейта, другая — как скрипка, третья — как виолончели, гобой, контрабасы...

— Целый симфонический оркестр!

— Даже больше, чем оркестр. Есть трубы, которые имитируют звуки человеческого голо-

са. Если внимательно вслушаться, можно бывает иногда услышать будто пение невидимого хора!

Через боковую дверь выходим в зал.

Непривычно это — видеть знакомый концертный зал со сцены.

А вот и кафедра органиста, — со стороны кресел она похожа на обыкновенную кафедру, с которой выступают ораторы. Но мы-то сейчас с другой стороны! И перед глазами что-то немножко похожее на пульт управления электронно-счетной машины: множество зеленых лампочек, четырехступенчатая лесенка клавиш-мануал, — нет, простите, не четыре ступени, а больше, вон еще внизу, — тоже клавиши?

— Конечно. Орган — единственный из музыкальных инструментов, на котором играют руками и ногами сразу.

— А верно, что этот орган — самый большой в нашей стране?

— Вообще-то — нет. В Риге есть орган, звуковые возможности которого гораздо богаче, хотя труб, между прочим, в нем меньше.

— Почему так?

— Видите эти рычажки? Это переключатели регистров, групп звучности. Оказывается, красота звучания органа зависит именно от количества регистров. И вот в нашем органе их девяносто шесть, а в рижском органе — сто двадцать семь!

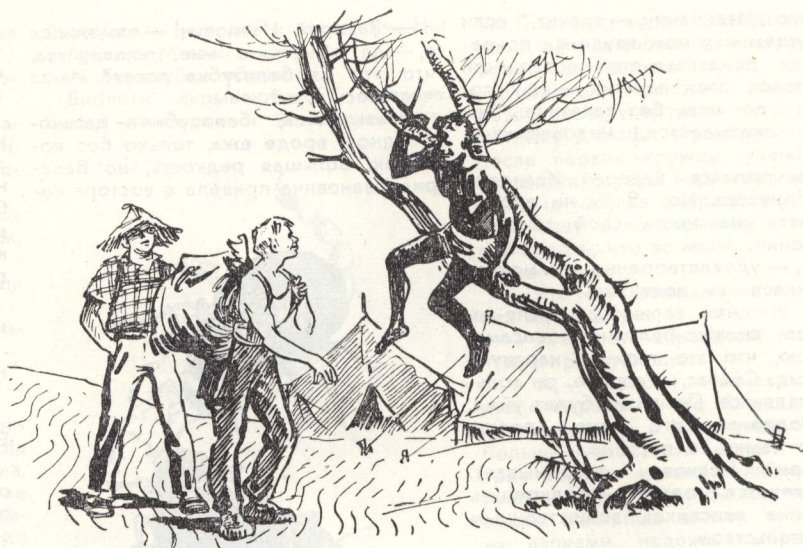
— Ну, ничего, девяносто шесть — тоже очень много.

— Конечно! Присядем, если хотите, — сейчас начнется репетиция.

Загремела музыка, мощная, торжественная. Слежу за движениями рук и ног органиста — и, кажется, вижу, как движения эти передаются по проводкам к винтладам, открываются и закрываются клапаны, и в трубы врывается нагнетаемый вентилятором воздух, — впрочем, нет. Ничего этого я не вижу. Я забыла обо всем, — только музыка, только великий немецкий композитор, автор многих произведений для органа, Иоганн Себастьян Бах!

Валерий Иванович, начальник экспедиции

Лев Стекольников

Ровно год назад, в апреле 67-го года, глухой ночью сошел я на крохотной станции в самом сердце Каракумов. И неожиданно встретил Льва Борисовича Стекольников: он приехал сюда неделей раньше. Весна была поздняя, и самая наша жаркая и сухая пустыня встретила его... проливным дождем, холодом и ледяным ветром. Но что значат холод и дождь для увлеченного человека! Лев Борисович успел обжиться, многое сделать и со многими познакомиться. Утром он мне показывал собранную коллекцию насекомых пустыни, рассказывал о работе научных сотрудников заповедника и, разливая чай из туркменского кумгана, читал новые свои стихи.

Скоро пустыня начала показывать коготки. Одурающая жара валила с ног. На вершинах барханов еще освежал ветерок, а межбарханские чаши словно доверху были налиты обжигающим кипятком. Спускаешься — и

Одет он по-спортивно: белая майка, тренировочные брюки, старые кеды. Круглое лицо с коротким прямым носом и белесыми бровями кажется мальчишеским. С первого взгляда Валерию Ивановичу можно дать лет восемнадцать, двадцать. Но ему не меньше двадцати пяти. Он начальник экспедиции.

Пусть экспедиция маленькая — всего шесть человек, а сейчас и того меньше: только коллектор и повариха под началом у Валерия Ивановича, но работа в Каракумах дело сложное.

— Я возвращаюсь в наш лагерь, — сказал он мне, — если хотите, пойдемте со мной. Тут близко — километра четыре.

Я согласился. Валерий Иванович взвалил на спину огромнейший рюкзак, повесил через плечо туго набитую полевую сумку, и мы зашагали. Он шел впереди, как хозяин, я поспевал за ним следом...

Я тоже нес рюкзак, но против ноши моего спутника он выглядел довольно бледно: в нем жалобно подвизывалась жестяная кружка и алюминиевая ложка. Одеядло и кое-что из продуктов Валерий Иванович мне отсоветовал брать. «У нас все это есть, не беспокойтесь, — небрежно заметил он, — и продуктов хватает...»

Недавно прошел дождь, и мы легко, не увязая в песке, поднимались на охряно-желтые склоны барханов. Чудесный вечер: небо влажно блестит, тонко пахнет цветущим кандымом. Солнце клонится к западу, и бесчисленные норки бесчисленных обитателей пустыни открылись.

Огромные жуки-чернотелки (я уже знал, что их по-ученому зовут «гигантеа») то и дело пересекали нашу тропу... Тропы, правда, не было, но Валерий Иванович так уверенно шагнул, как будто мы шли не по барханам, а по хорошо укатанному проселку.

перехватывает дыхание и обжигает лицо. Лев Борисович по утрам и вечерам уходил в пески, днем знакомился с работой заповедника, а ночью допоздна сидел в саксаульнике у яркой кварцевой лампы, на свет которой летели ночные жуки и бабочки.

Каждый день пополнялись коллекции, каждый день добавлялись записи в записной книжке. И почти каждый день складывались новые стихи. Новая незнакомая земля рождала новые ощущения, новые образы, мысли и ритмы.

Он уехал из Репетека, увозя хорошее настроение и новые замыслы. Уехал с богатыми трофеями: новыми встречами, новыми знакомствами, новыми чувствами. И этот маленький очерк о жизни пустыни — тоже один из его «трофеев». И кто бы мог думать, что он станет последним в его жизни...

Н. Сладков

— Чем только они питаются? — спросил я, удивленный изобилием жуциного народа.

— Всеядны, — услышал я, — трава, трупы насекомых, личинки... О! Валерий Иванович сбрасывает рюкзак, наклоняется и хватает одного из «гигантеа».

— Смотрите! Ест птичий помет!

— Ну и что же?

— Как что? Нигде не написано, что чернотелки едят птичий помет!

Валерий Иванович раскрывает необъятную сумку, достает морилку, сует туда жука. Потом вырывает листок из записной книжки и... аккуратно заворачивает в него птичий помет.

— Это зачем же? — теперь удивляюсь я.

Вместо ответа начальник выводит на пакетике дату и подпись. Это подпись ученого, установившего «факт».

«Значит, — думал я, шагая вслед

Валерию Ивановичу, — значит, если в будущем научном труде он приведет как доказательство всеядности чернотелок этот пакетик, — ему поверят. А вот если без пакетика... Зоологи, оказывается, недоверчивый народ!»

Идем полчаса. Валерий Иванович заметно устал. Но, как я ни прошу, не дает мне нести свой тяжелый мешок.

— А, — удовлетворенно замечает он, — «каспика» появились.

Жук средней величины, темно-серый со снежно-белыми полосами. Я узнаю, что это типично каракумский вид. Сейчас, в апреле, он только появляется. Потом их будет уйма.

— Подарите его мне, — прошу я, — на память о пустыне.

Валерий Иванович раздумывает. Ему хочется одного — подкрепить появление «каспика» вещественным доказательством.

— Берите, — все-таки великодушное говорит он, — я, может, сегодня другого найду.

В неширокой долине, окруженной крутыми барханами, раскинут лагерь биологов. Три большие новые уже порядком выцветшие палатки. Возле них огромный сундук. Он служит, как я потом узнал, обеденным столом. Чуть в стороне — кострище и запас дров: сучья саксаула. Вокруг лагера — могучие деревья. На одном сидит голый коричневый человек. Увидев нас, он прыгивает и орет:

— Белозубка попалась!

— Белозубка! — подхватывает еще громче Валерий Иванович.

Рюкзак падает на песок, а сам он опрометью бросается к загончику, сооруженному из листов жести. Посреди загончика чернеет дыра — вход в нору. Валерий Иванович падает на живот и светит в нору фонариком.

— Вот она! Белозубка! — он замирает в восторге.

Про меня он забыл. Пришлось самому представиться.

— Шура, — протягивает мне руку коричневый человек, настоящий папуас.

— Вы из Ленинграда! — Шура переспрашивает меня с любопытством. — У меня к вам есть вопросы. Надо же! Не успел прийти и уже — вопросы.

Валерий Иванович помешал ему.

— Где Маша?

— Смотрит ловушки.

— Бери карандаш, блокнот. Записывай мои наблюдения.

С этими словами он взял банку. В банке шуршала какая-то живность: жуки, гусеницы, личинки.

— Начинаю кормить белозубку: торжественно объявляет Валерий Иванович.

Шура раскрывает блокнот и достает черный карандаш.

— Валерий Иванович! — взмолился я, — да объясните мне, пожалуйста, что это за белозубка такая? Из-за чего весь шум?

Оказывается, белозубка — насекомоядное, вроде ежа, только без колючек. Большая редкость, но Валерия Ивановича привела в восторг са-

Все это Валерий Иванович поведал мне коротко, не отрывая глаз от норы и не меняя своей позы, лежа на животе.

— Да скоро ли ты? — раздраженно прокричал он Шуру. — Пора, пора! Пиши: 12 апреля. 18 часов 15 минут 30 секунд... написал? Начинаю: белозубка теревит майского жука... ест!.. съела! Время 16 минут 45 секунд. Даю гусеницу. Записал, даю гусеницу?

— Записал, — Шура тоже растянулся на песке. — Ест?

— Нет еще. Охорашивается... понял, охорашивается?

— Записал.

— Время: 17 минут 30 секунд. Ест! Съела. Записал?..

Валерий Иванович диктовал, забыв обо всех и всем. А я сидел над серым пеплом потухшего костра и чувствовал невыносимый голод. Как-никак: я не ел часов восемь... «А как же Валерий Иванович?» Он устал больше и проголодался, наверно, больше моего. Или он, в противоположность белозубке, совсем не ест?» — неожиданно подумал я.

Из загончика по-прежнему доносились:

— Время!.. Записал? Ест личинку. Съела! Дремлет?.. Нет! Даю еще жука!..

— Здравствуйте! А я Маша буду!

Из-за саксаула вышла высокая широкоплечая девушка.

Маша — я сам догадался — работала поварихой. Она захлопотала было вокруг кострища, но строгий голос Валерия Ивановича позвал ее продолжать за него и Шуру наблюдение за белозубкой. Сам он наконец разделся, умылся, сразу посвежел и, я сказал бы, помолодел, если бы он и так не выглядел очень молодо.

Запылал костер, и Шура сел перебирать гречневую крупу.

— Отбиваете хлеб у поварихи? — пошутил я.

И тут узнал, что Шура варит кашу лучше любой поварихи, но и повариха учится наблюдать за животными и записывать наблюдения, как полагается штатному коллектору.

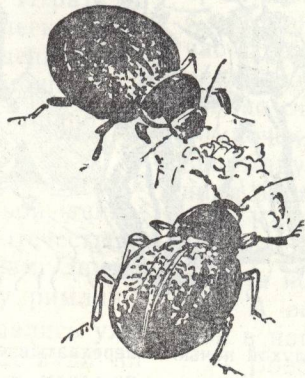
— Кашу он варит прекрасно. Сам оцениваете, — ворчал Валерий Иванович, — а записывать и наблюдать, добросовестно наблюдать, еще не умеет...

Давно стемнело, а Маша все следила за белозубкой, посвечивая фонариком. Поужинав, Валерий Иванович сменил ее, и Шура наконец смог задать мне свои вопросы...

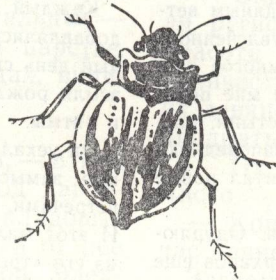
Я огорчил Шуру:

— Давать за Стругацки интервью никак не могу.

К ночи меня отвели в свободную палатку, дали спальный мешок. Лежа, я все еще слышал, как Валерий Иванович держит ночную вахту: все

Чернотелки

«Каспика»

Белозубка

ма возможность пронаблюдать и проверить довольно странные утверждения зоологов. Считается, что этот зверек обладает мощным пищеварением, говоря проще, таким аппетитом, что должен питаться непрерывно: и днем и ночью. Белозубка — вечно бодрствующее существо. Так ли это? Ведь зимой белозубка впадает в спячку. Значит, «вечность» еще надо доказать.

спали, а он продолжал в загончике непрерывно кормить белозубку.

Последнее, что я слышал, его возглас:

— Какая сила пищеварения!.. Значит, фактов набралось достаточно. В пять утра Валерий Иванович разбудил меня:

— Вы хотели осматривать ловушки? Вставайте. Позавтракать успеем, когда вернемся.

Папуас Шура спал в гамаке. Маша громко зевала в загончике.

— Что с белозубкой? — поинтересовался я не только из приличия.

— Уснула.

— Значит... — начал было я.

— Ничего еще не значит, — преврал меня Валерий Иванович. — Ела до трех часов утра. Потом уснула. Но ведь в естественных условиях ее никто так не кормит. Она должна сама раздобыть себе пищу, значит, ей и вправду некогда спать: ищи, лови, ешь, опять ищи, лови, ешь. Маша караулит ее пробуждение.

Валерий Иванович вел меня к ловушкам, а я шагал за ним, дрожа от холода. Я не выспался, хотя спал часов пять. А каково Валерию Ивановичу. До чего он бодро шагает!

Пересекая долину, тянутся ровики, выкопанные биологами. Стенки, как в загончике, выложены листьями жести, а на дне, через каждые двадцать — тридцать метров вкопаны жестяные банки. Все живое, бродящее по пустыне днем или ночью, сваливается в ровики, а потом в жестяные стаканы, ловушки. Рано утром и поздно вечером их осматривают и в дневнике фиксируют находку.

Валерий Иванович раскрывает толстую тетрадь, достает пинцет с длинной ручкой и заглядывает в ловушку номер один. Подняв черные жала, по дну бегали маленькие зеленые скорпионы и сидела, растопылив ноги, черная жужелица. Пока Валерий Иванович записывает и выпускает на свободу пленников (да-да, и скорпионов выпускает: «чтобы не нарушилось естественное количество животных в изучаемом районе!»), я нетерпеливо иду вдоль ровика к ловушке номер два. Там небольшая мохнатая фаланга, ящерица, огромная чернотелка. В ловушке номер три — уйма сереньких жучков-долгоносиков.

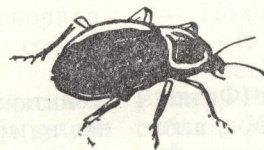
Время идет, солнце быстро поднимается, а Валерий Иванович, как дошел до ловушки с жучками-долгоносиками, так и ни с места. Всех надо определить, всех записать по-научному, сосчитать...

Два часа обходили мы ловушки.

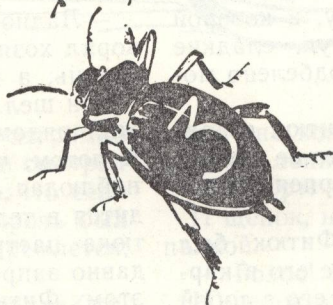
Вернулся я усталый и голодный. Нас встретила Маша:

— Белозубка убежала!..

Биологи скрываются в палатке. Склад приборов и коллекций — не-

Скорпион и жужелица

Блапсы

что вроде штаба экспедиции. Я сажусь на кошку под полотнищем-парусом и дремлю, прислушиваясь к сердитому голосу Валерия Ивановича.

Проходит минут пятнадцать, и все трое направляются к костру. Маша зовет меня завтракать.

У Валерия Ивановича лицо сосредоточенное, у Шуры — чуть сконфуженное, у Маши — расстроенное. Но после первой кружки крепкого чая все опять веселы и разговорчивы.

Я пил чай, ел вчерашнюю гречневую кашу с консервами, и все мне слышалось, что за моей спиной скребутся мыши.

— Что вы оглядываетесь? — спросил меня Шура.

— А кто это скребется? Мыши?

Все прислушались.

— А, — Валерий Иванович улыбнулся первым, — это блапсы. Самые крупные жуки в Каракумах. Гораздо больше «гигантеа». Биологи поймали трех блапсов и поместили их в круглый загончик. Блапсы стали бегать вдоль жестяных стенок и царапать их лапками, надеясь выбраться на свободу.

— Какие тупые эти блапсы! — сказал Валерий Иванович. — Двое суток бегают вдоль заборчика и не могут догадаться, как выбраться. Устрой неглубокий подкоп — и на свободе. Белозубка «догадалась», — по лицу Валерия Ивановича прошла тень, — ничего, ничего, она еще попадетсЯ.

— К слову, — продолжал он, — если захотите поймать блапса, помните — они умеют стрелять ядовитой жидкостью. Берегите глаза!

Валерий Иванович рассказал, что однажды у него была на руке открытая ранка. В нее попала жидкость, выброшенная блапсом. Появились все признаки отравления: тошнота, головная боль, опухоль...

Долго я смотрел на блапсов. У каждого жука на выпуклой матово-черной спине четко выведен масляной краской номер.

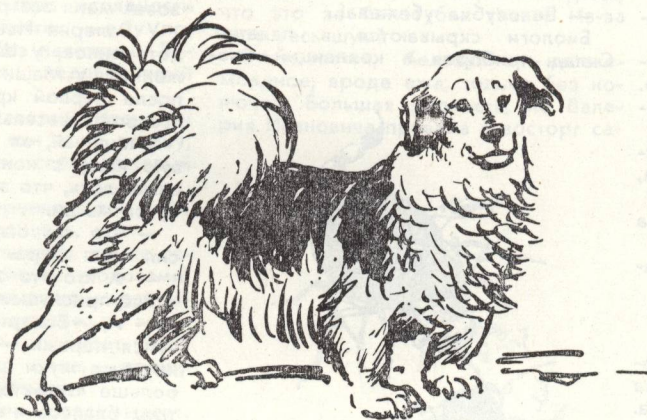
— Так легче за ними следить, — пояснил Валерий Иванович, — самый деятельный — номер два. Номер три болеет, вялый.

Блапсы бегали, как заведенные, царапая передними лапками жестяной заборчик. За номером первым, номер второй, за вторым, отставая, хромал третий.

Да, блапсы не хотели делать подкопа. Они и на свободе не роют себе норок, а живут в чужих, готовых — в норах песчанок. Оба квартиранта, видимо, получают выгоды от такого сожительства. Какие? Этого биологи пока не могут объяснить.

Чуть спала дневная жара — я собрался «домой», в контору песчаного заповедника: Валерий Иванович вызвал меня проводить. Километра полтора шагали мы уже не друг за другом, а бок о бок.

Каракумы, апрель, 1967 г.

ФИТЮК

Сергей Ворониц

Рисунки Е. Захарова

У моего соседа был пес, по кличке Фитюк. Ноги у него короткие, туловище длинное, а голова маленькая. За длинное туловище на коротких ножках ребятишки прозвали его «цистерной». Они тыкали на него пальцем и смеялись, глядя, как он, положив хвост кренделем на спину, семенил на своих коротышках. Но Фитюк не обращал на них внимания, — он был немолод, к тому же очень серьезен. А серьезен оттого, что был всегда занят. Ночью, когда все спали, он охранял дом. Чуть свет ему уже надо было провожать хозяйку в хлев. Пока она доила и молоко тоненько стучало о подойник, Фитюк сидел у порога и строго глядел на корову, чтобы та была послушна и не мешала хозяйке делать свое дело. Проводив хозяйку домой, Фитюк растягивался на крыльце, зная, что теперь ему вынесут еду. И хозяйка выносила большую миску, в которой были куски хлеба, вчерашний суп, сладкие мозговые кости, и все это было подбелено молоком.

Съев все, что было в миске, Фитюк старательно вылизывал посудину, так что ее и мыть было не надо, и теперь уже с нетерпением дожидался хозяина.

Когда-то давно-давно, когда Фитюк был еще глупым щенком, хозяин принес его в кармане. Первое время он даже клал его с собой спать, потому что Фитюк жалобно скулил, и ласково гладил большой нежной рукой. Поэтому никого дороже, чем хозяин, для Фитюка не было.

— Ну что, Фитюк? — говорил хозяин, выходя на крыльцо.

Фитюк вскакивал и начинал вертеть из стороны в сторону своим кренделем.

— Совсем уж ты постарел, по ночам не лаешь, будто тебя и нет, — говорил хозяин.

Фитюк вставал на задние лапы, клал передние на грудь хозяину и преданно глядел в глаза. Ему казалось, что хозяин говорит хорошие слова, а не упрекает его. Если бы он понимал человеческий язык, то мог бы ответить: «А зачем попусту лаять? Это когда я был молодой, то на всех лаюл, даже на ворон, и мешал вам спать. А теперь я лаю только когда кто-нибудь лезет во двор. Но во двор никто не лезет, и я молчу». Вот так бы он мог ответить хозяину, но он, как уже было сказано, не понимал человеческой речи.

— Да-да, совсем ты стал старый. Придется другую собаку заводить, а то от тебя, я вижу, проку мало.

Фитюк, от радости, что хозяин беседует с ним, начинал скакать, норовя лизнуть хозяина в лицо.

— Ладно, ладно, вижу, любишь меня, — говорил хозяин. — Только уж больно ты старый. Спишь, а надо караулить!

Он шел в конюшню. И, конечно, Фитюк бежал рядом и весело поглядывал на хозяина. А потом, чтобы не мешать, сидел в стороне, наблюдая, как хозяин запрягает лошадь, садится в телегу и едет к воротам. Тут для Фитюка наступал самый горький час — хозяин давно запретил ему выбегать за ворота, и поэтому Фитюк мог провожать его только взглядом. И Фитюк долго глядел вслед уменьшающейся телеге и спине хозяина, глядел до тех пор, пока они не скрывались из виду. Глядел и жалобно поскуливал.

Но особенно долго скучать не приходилось — звали дела. И Фитюк возвращался во двор, ложился в тень и начинал сторожить клуху с цыплятами. Дело в том, что к ним повадился толстомордый соседский кот. Он крался по кустам, припадал к траве, вмиг выскакивал и...

Но тут-то как раз и подспевал Фитюк. Он молча набрасывался на кота. Кот испуганно фыркал и, задрав хвост, несся в кусты, на забор, через забор, на поляну, по поляне и еле переводил дух на своем огороде. Клуха в это время всполошенно кудахтали и, конечно, на ее крик выбегала хозяйка.

— Что такое? Что такое? — встревоженно спрашивала хозяйка, обращаясь к Фитюку. — Наверно, кот был? Что же ты не сторожишь цыплят? Совсем старый стал! Никуда не годишься! — Она говорила сердито, и хотя никакой вины за собой Фитюк не знал, все же виновато шевелил кренделем. Он никогда не спорил с хозяйкой.

Приходила почтальонша. Фитюк ее знал и не лаял.

— Какая у вас умная собака, — говорила почтальонша хозяйке, — я так боюсь собак, а вашу совсем не боюсь.

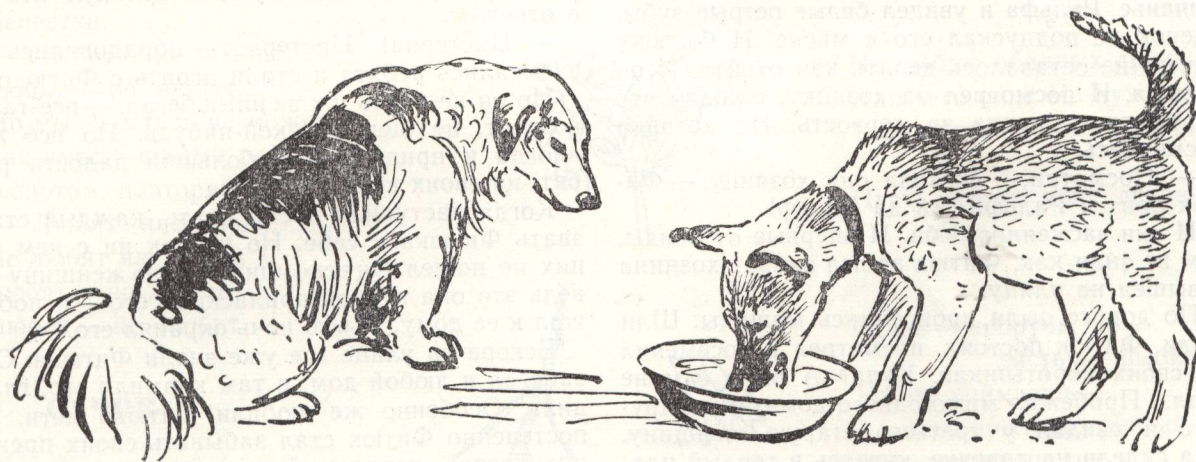
— Старая, потому и не боитесь. Сейчас кот приходил за цыплятами, так он хоть бы ухом повел. Вот скоро заведем овчарку.

А Фитюк и верно дремал. Он ведь не спал всю ночь, и как же ему не поспать, если теперь во дворе сама хозяйка. И дремал до тех пор, пока не приезжал хозяин. Он встречал его, радостно мотал кренделем и с этого часа уже охранял дом.

Так и шла у него жизнь. Шла до тех пор, пока в доме не появился щенок. Толстолапый, крупноголовый, пушистый. Хозяева брали его на руки, мыли в тазу, гладили, играли. Сначала Фитюк не обращал на это большого внимания. Он даже как будто бы и понимал: ну что же, щенок маленький, надо за ним ухаживать. И, как всегда, весело по утрам встречал хозяйку, но она будто его и не видела. Он мчался навстречу хозяину, но хозяин отводил его рукой.

— Подожди, Фитюк, — говорил он, — не мешай. — И опускал щенка на землю. И тут голос у него становился мягким и ласковым. — Ральф, Ральф, — говорил он. — Хорошая моя собака. Умница, умница...

Фитюк пытался хотя бы понюхать этого «ум-

Фитюку нравилось, когда люди негромко говорили друг с другом. Он садился и смотрел то на одного человека, то на другого. Но если уж очень долго говорили, то он не прочь был и вздремнуть. Ведь так хорошо дремлет, когда люди долго говорят.

— Видите, какой старый? — говорила хозяйка, — уже спит. Вон по нему муха ползет, а он и не чувствует.

Но Фитюк, словно желая доказать, что он вовсе не такой уж старый и все чувствует, лягнул зубами и съел муху.

— Вот так старый, — засмеялась почтальонша.

— Старый, старый, — сказала хозяйка. — Вон опять спит!

ницу», но хозяин отгонял его. И Фитюк отходил, не понимая, почему его гонят.

— Апорт! — кричал хозяин и бросал палку.

И щенок, неуклюже переваливаясь, несся за палкой.

— Голос! Голос! — кричал хозяин.

И щенок, срывающимся голосом, лаял, хотя вокруг никого не было, и получал только за то, что зря потявкал, кусок сахара.

Однажды и Фитюк подал голос, но хозяин тут же закричал на него, чтобы он не мешал. И Фитюк, обиженный, забрался в будку. Он не вылезал из нее целый день, все ждал, — может, хозяин позовет, но хозяин даже не вспомнил о нем. Хозяйка вынесла еду, но не позвала Фитюка. И Фитюк загрузил. Его хвост

уже не лежал на спине веселым кренделем, а опустился к земле. И голова у Фитюка была низко опущена.

— Да, совсем, совсем уже старый стал Фитюк, — говорил хозяин, — вовремя мы Ральфа завели.

Фитюк, слыша голос хозяина, преданно глядел ему в глаза, готовый в любую минуту сделать все, что пожелает хозяин, но хозяин и не глядел на него. Он был занят только щенком. А щенок рос, и скоро стал выше Фитюка.

— Придется Ральфа поместить в будку Фитюка, — как-то сказал хозяин и поместил щенка в будку, а Фитюку бросил клоч сена возле крыльца.

И тут Фитюк понял, что хозяева совсем разлюбили его. Всю ночь он тоскливо скулил, уткнув нос в передние лапы, ждал, может, хозяин выйдет, приласкает его. Но хозяин спал и ничего не слышал.

Утром хозяйка, как всегда, вынесла корм, но на этот раз корм был в одной большой миске. Она поставила миску у будки. Фитюк приблизился к ней, но тут же услышал злое рычанье Ральфа и увидел белые острые зубы. Щенок не подпускал его к миске. И Фитюку ничего не оставалось делать как отойти. И он отошел. И посмотрел на хозяйку, ожидая, что та накажет щенка за дерзость. Но хозяйка засмеялась.

— Посмотри, — сказала она хозяину, — Фитюк боится Ральфа. Ай да Ральф!

И они засмеялись оба. И впервые от обиды, сам не зная как, Фитюк забыл запрет хозяина и вышел на улицу.

По дороге, пыля, проносились машины. Шли люди. Фитюк постоял, посмотрел и посеменил на своих коротышках. Куда? А он и сам не знал... Пробежал мимо одного дома, мимо другого и увидел у третьего старую женщину. Она сидела на лавочке, кутаясь в теплый пла-ток.

Фитюк остановился.

— Ну, что? — ласково сказала женщина.

Фитюк слабо шевельнул своим кренделем, — он так давно уже не слышал приветливого голоса.

— Ну, подожди немного, — сказала женщина и, тяжело передвигая ноги, прошла в дом. Вернулась оттуда с куском булки. — На! — сказала она и отдала Фитюку булку.

Фитюк не привык есть из чужих рук, но уж очень добрый был голос у женщины, да к тому же и есть хотелось, и он съел булку. И в знак благодарности весело покрутил кренделем.

После этого он побежал дальше.

— Мама, смотри какая собачка! — донесся до него чей-то звонкий голос.

Фитюк остановился и увидел мальчика.

— Собачка, собачка, иди сюда! — стал звать мальчик.

Фитюк вильнул хвостом и подошел. Таких маленьких людей он еще не видал.

— Мама, мама, дай мне скорее кости! — в восторге от того, что Фитюк слушается его, закричал мальчик.

И через минуту Фитюк уже грыз большую сочную кость. А потом откуда-то прибежали ребята, и все стали кормить Фитюка кто хлебом, кто мясом, а нашлись и такие, что и конфет не пожалели, и Фитюк уже не успевал от благодарности махать своим кренделем.

— А как мы будем его звать? — спросил маленький мальчик.

— Да это же Цистерна! — крикнул кто-то в ответ.

— Цистерна! Цистерна! — обрадовались и засмеялись ребята и стали играть с Фитюком.

Но он не очень уж за ними бегал, — все-таки возраст, не щенок какой-нибудь. Но все же иногда и припускал, к большой радости ребят, на своих коротышках.

Когда наступило время спать, каждый стал звать Фитюка к себе. Но Фитюк ни с кем из них не пошел. Он вспомнил старую женщину — ведь это она первой приласкала его — и побежал к ее дому. И всю ночь охранял его.

Вскоре на улице все уже знали Фитюка. Он забегал в любой дом, и там кормили его, гладили. Особенно же любили Фитюка дети. И постепенно Фитюк стал забывать своих прежних хозяев, довольный тем, что на улице нашлось много новых, которые не обижали его. И только одно ему было непонятно, почему его звали Цистерной, когда настоящее его имя Фитюк? Но на эту мелочь он не обращал внимания.

— Цистерна! Цистерна! — несло по всей улице, и Фитюк не успевал от радости махать своим кренделем и не знал, в какую сторону направить бег своих коротышек. Он всех любил, и все любили его.

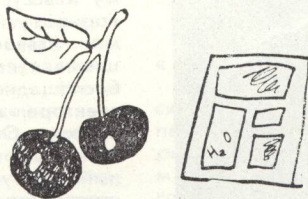
Стихи Саши Шамарина

Саша Шамарин — старый приятель «Костра». Несколько лет назад мы получали от него ответы на «Стол загадок», потом вдруг получили составленный самим Сашей загадочный выпуск — помните? — «Разговор в террариуме». Выпуск был удачный, и мы напечатали его.

А теперь печатаем Сашины стихи. Они нам тоже очень нравятся.

ВИШНЯ

Она очень громко кричала:
— Меня вишневей нет!
А ведь была малиноюю.

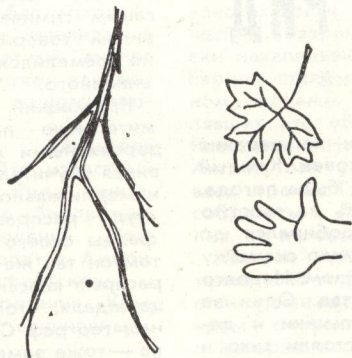
РОМАШКИ

Мы у ромашек обрываем
лепестки.
— Любит — не любит,
любит — не любит...
Но мы заметить не можем,
как вместе с нами ромашки
шепотом повторяют:
— Любят нас люди,
не любят нас люди,
любят — не любят,
любит — не любит.

СУЧОК

Сухой, корявый,
он
отжил свой век.
И вдруг открыли,
что сучок похож на человечка,
вот руки, нос и голова.
Сухой сучок снова начал жить.

ОКНА

Я знаю, здесь живет студент,
Хотя его никогда не видел.
Просто свет горит почти
всю ночь,
А на разрисованном морозом
окне
Формулы, формулы, формулы...

* * *

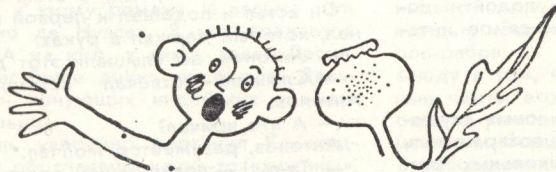
Не люблю обидных дразнилок.
Для чего они? Не нужны они.
Только пусть меня дразнит
Эхо.
Пусть всегда меня дразнит
Эхо.

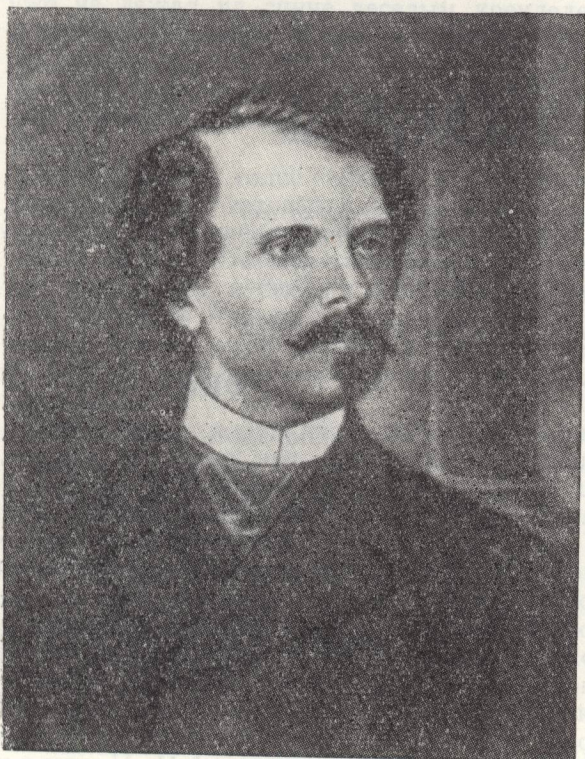
* * *

Осень — прорубь,
листья — рыбки.
Их не поймашь —
они прыткие, ловкие,
Золотистый листик
кувыркнулся с ветки
И уткнулся мне в ладонь
мордочкой пушистой.

МАК

Когда в нем зерен тысячи,
звонит он еле слышно,
когда их только несколько,
гудит, как барабан.
Ведь верно, что бренчит сильней
пустая голова.

Capt Mayne Reid

КАПИТАН МАЙН РИД

Всеволод Рождественский

В конце прошлого столетия в Англии на окраине Лондона доживал свои дни странный человек. Каждый день в определенный час дня, какая б ни была погода, выходил он на прогулку, тяжело опираясь на толстую трость. Слегка задыхаясь от одышки, добирался до ближайшего сквера и усаживался на любимую скамейку под широко раскинувшим ветви старым вязом. Немного приходилось ему оставаться в одиночестве. Один за другим собирались вокруг скамейки мальчики и девочки, возвращавшиеся из школы. Они стояли тихо и почтительно смотрели на седоволосого джентльмена. В глазах его вспыхивал насмешливо-лукавый огонек. Широким жестом приглашал он ребят подойти поближе. И все знали, что сейчас начнется самое интересное: «капитан» начнет рассказывать.

Как понятно мне это жадное внимание юных слушателей к рассказам старого «капитана»! Я возвращаюсь памятью к давним временам своих школьных лет. Яркий апрельский день. Солнце заливает просторный класс моей старой гимназии, ослепительно отражаясь от отполированных до блеска парт, от стекол входной двери. Из коридора доносится глухой шум большой

перемены, а мы с соседом по парте ничего не замечаем вокруг. Перед нами лежит уже порядком потрепанная книжка с удивительными картинками: там экваториальные леса и травянистые пампасы Южной Америки, и во весь опор летящее стадо мустангов, которых преследуют индейцы на низкорослых, но быстрых лошадях, размахивая над головой свернутым в петлю лассо. Мы так увлечены, что даже не замечаем разко дребезжащего звонка, возвестившего конец перемены. Класс вновь наполняется шумной ученической толпой.

И тут мой товарищ Сережа, еще не пришедший в себя для будничного классного дела, вскакивает вдруг на скамейку и во весь голос испускает переливчатый индейский боевой клич: «эй-я-я-о-хой!» Он гулко раскатывается по уже притихшему коридору. И минуту спустя мы слышим приближающиеся к нашей двери шаги беспощадно строгого инспектора, математика Крыжицкого. Он уже на пороге, затаенный в тугой форменный сюртук с блестящими пуговицами. Острым напряженным взглядом сквозь двойные очки обшаривает он притаившихся за партами учеников. Класс замер. И тогда раздался скрипучий, словно каркающий голос, отчеканивающий каждый слог:

— Безобразия! Кто осмел нарушить тишину во время занятий? Я вас спрашиваю — кто?

Класс молчал. По неписаным гимназическим правилам товарищества никто не осмелился бы назвать виновного.

Крыжицкий, выждав томительную паузу, сухими деревянными шагами направился к учительскому столу и медлительно опустился на стул, расправив длинные фалды своего сюртука. Затем он так же неторопливо раскрыл классный журнал. Все мы с замиранием сердца ждали, что будет дальше. Вошедший в это время наш географ Семен Васильевич — это был час его урока — тоже замер у самых дверей.

— Ну-с... — наконец нарушил молчание инспектор, — разберемся по порядку в этом печальном инциденте...

Он встал и подошел к первой парте, заглянув в журнал, который держал в руках.

— Антонов, вы слышали этот дикий крик и свист?

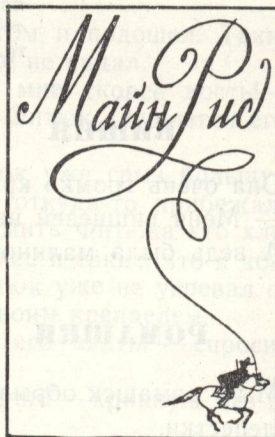
— Слышал! — отвечал вставший и вытянувшийся Антонов.

— А кто кричал?

Антонов, разумеется, молчал.

— Та-а-к! — совершенно спокойно протянул инспектор и перешел к следующей парте: — Барановский, вы слышали крик?

Спрошенный отвечал слово в слово, как и его предшественник. Мы чувствовали себя довольно неуютно.

Инспекторское шествие, сопровождаемое столь же монотонным вопросом, уже добралось до середины классных парт. Несколько растерявшийся и недоумевающий географ шел следом за Крыжицким.

События приближались к нам неумолимо. Сережа беспокойно ерзал на парте. Я понимал его состояние. Чем мог он ответить выручавшему его классу? Только одним. Он это и сделал.

Сережа поднялся, не дожидаясь, когда дойдет до него очередь, и сказал громко, чтобы слышали все: «Это сделал я!» Вслед за ним поднялся и я, не желая отставать от товарища.

Инспектор удивленно поднял брови.

— Вот как! — протянул он. — Один из первых учеников, если не ошибаюсь. Да и вы тоже! (кивок в мою сторону). — Нет, я этого не ожидал. Никак не ожидал. Дисциплина во вверенном мне учебном заведении... учебном заведении Министерства просвещения...

Но совершенно неожиданно, на полуслове его речь оборвалась. Крыжицкий заметил уголок развернутой книги, торопливо сунутой нами под крышку парты.

— А это что такое? — почти взревел он. — Постороннее чтение! Во время уроков! Что это такое, я вас спрашиваю?

— Это... Это Майн Рид, — смущенно пролепетал Сережа. — «Всадник без головы».

— Всадник? Какой всадник? Почему без головы?.. И тут так же неожиданно в этот неприятный диалог вмешался слегка заикающийся голос нашего географа:

— Простите, Владислав Николаевич! Это известный роман Майн Рида, книга, допущенная в библиотеки учебных заведений. Действие происходит в Америке,

в Техасе. Содержание вполне географическое...

— Географическое?.. — недоверчиво протянул Крыжицкий. — Не знаю, не знаком-с с этим сочинением... Но, если вы говорите...

— К тому же, — уже более уверенно продолжал географ, — вот, извольте видеть, эти молодые люди даже нарисовали свою карту к этому роману. И весьма толково. Вот это река Рио де Нузес. В нее впадает с северо-запада Аламо. А на юге, я вижу, течет Леона. Тут вот раскинулось пастбище диких мустангов. Дальше обозначены прерии кочующих индейских племен. Все совершенно правильно...

— Так-так, — не очень уверенно протянул Крыжицкий. — А почему здесь обозначены какие-то «хижины», какой-то «загадочный лес», какое-то «место встречи?»

И потом — почему этот пунктир, да еще через всю карту. Что это за «пунктир»?

— А это, — ответил уже осмелевший Сережа, — это маршрут нашего собственного путешествия. Через леса и прерии...

— Какого это «путешествия», я вас спрашиваю?

И опять вмешался в разговор географ:

— Ну, разумеется, воображаемого, Владислав Николаевич. У мальчиков богатая фантазия.

— Фантазия? В учебные часы? — в голосе инспектора опять появилось раздражение. — Вот что! За неуместный крик оба останутся на два часа после класса. Книжку и карту не отбираю на этот раз. Но пунктир на карте стереть! Никаких пунктиров!

И он величественно направился к выходу. Географ проводил его до двери. А когда закрылась дверь за Крыжицким, он обернулся к классу и сказал, как нам показалось, даже с некоторой торжественностью:

— А пунктир оставьте. Оставьте непременно!

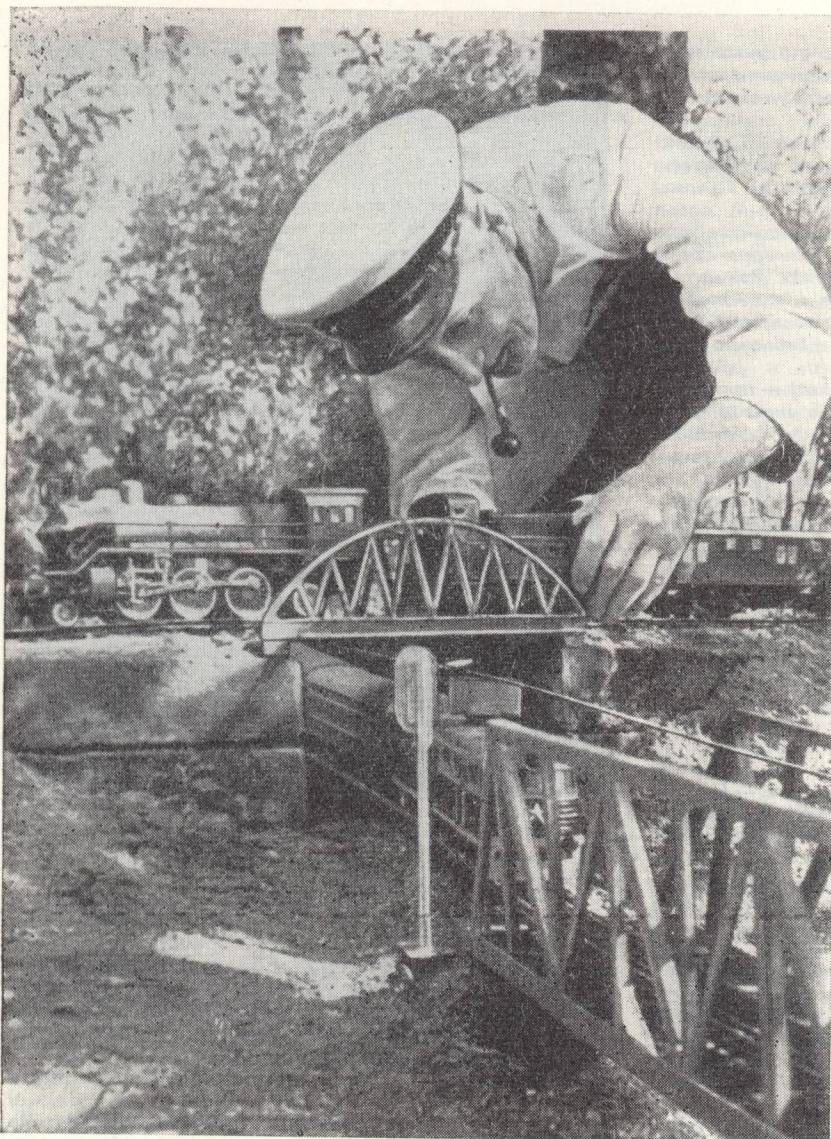
Так кем же был он в жизни, этот пленявший нас в школьные годы капитан Майн Рид?

Родился Майн Рид в Ирландии в 1818 году в семье скромного сельского пастора. Отец прочил ему обеспеченную духовную карьеру, но двадцатилетний юноша решил самостоятельно пробивать дорогу в жизни. С немалыми трудами добрался он до одного из портовых городов и сел на парусный корабль, направлявшийся к берегам Америки. Но Новый Свет встретил его неласково. Чем только не пришлось заниматься Майн Риду, чтобы добыть кусок хлеба! Он пытался торговать вразнос, работал поденщиком на плантациях, был актером бродячей труппы, потом учителем и после всех своих скитаний поселился наконец в Новом Орлеане, где занялся журналистской работой в местных газетных листах.

Вскоре ему пришлось принять участие в войне с Мексикой (1846—48 гг.). Он проявил себя храбрым солдатом, был произведен в чин капитана, но вынес из этой поры своей жизни самые тяжелые впечатления: симпатии Майн Рида были не на стороне победивших американских войск. Все больше расходился его демократический воззрения с тем, что наблюдал он в хищнически накапливающей богатства Америке. К тому же из Европы стали долетать вести о всеобщем революционном подъеме. Майн Рид с группой товарищей, разделявших его убеждения, решил поспешить на помощь Революции. Но друзья свободы опоздали. Высадясь в Англии, они узнали о том, что реакция победила во всех странах. Главари и участники революционного дела собрались в Лондоне, тяжело переживая дни поражения, но не оставляя надежды на будущее.

Капитан Майн Рид нашел много друзей среди деятелей 1848 года. Особенно сблизился он с вождем восстания венгерского народа Лайошем Кошутом. В это же время он усиленно работает и над своими романами, в которых вспоминает годы, проведенные в Америке, мексиканскую войну, грабительский захват Америкой Техаса («Всадник без головы»), варварское порабощение индейских племен («Оцеола, вождь семинолов», «Белый вождь», «Золотой браслет»), горестное положение негров-рабов на южных плантациях («Квартеронка»), — и всюду в том, что он пишет, ярко выступают благородные черты его характера — свободолюбие, заступничество за угнетенных. Майн Рид не был прямым революционным борцом, но его симпатии к делу народного освобождения несомненны. Им он остался верен всю свою жизнь.

В САДУ ДЯДИ АНДРЕЯ

В детстве паровоз казался Андрюше живым. Паровоз останавливался, пыхтел, прятался в клубах пара.

У Андрюши были знакомые машинисты. Ему даже снилось по ночам, что он сам водит паровоз и становится таким же чумазым, как дядя Вася Семенов, машинист маневровой «Овечки».

Подросток Андрюша, исполнилось ему двенадцать, и в то время, когда товарищи читали

Конан-Дойля, выпросил у отца «руководство паровозного машиниста». Читал его, как увлекательное приключение.

1922 год. Гражданская война. Со станции Любань, знакомой с детства, уходят на фронт эшелоны с красногвардейцами, трепещут на ветру красные полотноща: «Все на разгром Юденича!» На Мурманской дороге не хватает рабочих-паровозников. Каким-то чудом это стало известно Андрею Пояркову,

преподавателю в Любани. Раздумывать не раздумывал. Комиссия была снисходительна, разрешила работать помощником машиниста, хотя специальной подготовки не было.

Отечественная война застала Пояркова в Любани. Более пятидесяти человек обучил он нелегкому ремеслу машиниста...

После войны маломощную «Овечку» сменили двухтысячесильные локомотивы «Л», потом тепловозы. Первые тепловозы на Кировской дороге обкатывал Андрей Поярков...

Тысячи километров железных дорог опоясывают нашу необъятную Родину. И только пять тысяч сантиметров — сад Андрея Трифоновича. Как Гулливер среди лилипутов, бродит железнодорожный машинист Поярков по собственному саду. Он на пенсии, на заслуженном отдыхе, но думаете — у него есть время отдыхать?

Над путями висят провода, бегут по рельсам вагоны. Платформа «Веселая», будка стрелочника, переходные мосты. Много сил и умения положил Андрей Трифонович, чтобы на его железной дороге было все как полагается.

Сберечь вагончики, оба паровоза и электровоз в целости и сохранности не просто. Они ведь из картона и жести. Ни морозов, ни мокрого снега не вынесут...

Зато весной, чуть только застучат по жестяным рельсам колеса составов, бегут к дому дяди Андрея ребяташки. Коли, Толи, Володи и Оли бегут от дома Вороновых, Смирновых, Жигулевых, Котовых. Они знают, что ждет их здесь то, чего пока нигде нет. Идут по своим путям составы, мелькают стрелки, ждут поезда на разъездах. Ребята мечтают о железной дороге. И, может быть, так же упрямо, как когда-то Андрюша.

С. Юхнов

Уголёк № 4

АПРЕЛЬ

На голубой тетрадке
Неба
Пилот старательно
Выводит
Буквы,

А мы стоим,
Разинув
Рты,
И смотрим,
От удивления
Затаив
Дыхание.

*И. Холин
Рисунок А. Кора*

ПОЙМАЛИ!

Судаки в судке судачили:
— Рыбаки нас одурачили!

*Сергей Скаченков
Рисунок Н. Муратова*

8

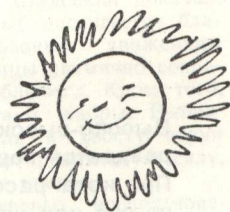
КАК Я СТРЕЛЯЛ ИЗ ЛУКА

Все утро солнце не могло
К нам из-за туч
Прорваться —
Воротца в тучах
Как назло
Ленились открываться,
И я схватил
Свой новый лук

И острую стрелу,
И тетиву я натянул,
И в тучу серую
Стрельнул,
И стало весело вокруг,
И выплыл солнца круг.
Светило осветило луг
И мне сказало:
— Здравствуй, друг!

*Елена Аксельрод
Рисунки А. Януса*

5

ДВОЙКА

Один октябренок получил двойку.

Сначала он думал, что это ерунда. Он решил стереть двойку. Взял резинку и стер.

А потом он увидел, что пример тоже очень некрасивый — весь в красных чернилах, которыми учительница исправила его ошибки. Тогда он взял и стер пример.

Но тетрадь ему опять не понравилась: чего-то в ней не хватает. Он открыл задачник и решил другой пример. А потом показал его учительнице.

2

7

КОТ

Высоко-высоко над домами
раздается ворчанье кота.

Про кота рассказал бы я маме,
но она как назло занята.

Через небо протянуты лапы
и лохматая туча хвоста.

Про кота я спросил бы у папы —
только он не увидит кота.

В небесах лиловатые вспышки —
у кота заблестели глаза!

Показал бы я это братишке, —
испугается, скажет: „Гроза“.

Мне расскажут про молнию с громом
и покажут на громоотвод...

...Это кот разыгрался над домом!
Он в живом моем небе живет!

*Н. Слепакова
Рисунок Н. Муратова*

Учительница пример проверила, поставила
ему четыре с минусом и сказала:

— Больше ничего не стирай. Даже минус.

*М. Разумовская
Рисунки К. Савкевич*

6

3

БИОНИКА И Спорт

Совсем недавно возникла бionика — наука, перекинувшая мост между техникой и биологией, изучающая секреты устройства живых приборов и механизмов, чтобы использовать их в практической жизни человека.

Чем больше мы будем удивляться необычности окружающего нас мира и размышлять, тем вероятнее появление новых удивительных открытий, подтверждающих пока еще несколько преувеличенное мнение о человеке как о царе природы.

Люди научились быстро и неутомимо бегать. Мы восхищаемся скоростью Роберта Хейеса, повторившего мировой рекорд в беге на 100 метров. Эту дистанцию он пробежал за 10 секунд. 36 километров в час! Но олень бежит со скоростью 48 километров, страус эму — 50, а чемпион животного мира гепард — 112 километров в час!

Когда спортсмен берет высоту, хотя бы ненамного превышающую его собственный рост, мы говорим: «Отличный прыжок!» А вот обыкновенная, на вид такая неуклюжая лягушка «берет» высоту, в 11 раз превышающую ее собственный рост, а блоха прыгает в 60 раз выше самой себя.

В чем здесь секрет?

К сожалению, мы пока еще не можем ответить на этот вопрос.

Ученые, работающие в области спорта, уже давно присматриваются к чемпионам животного мира. Их интересует буквально все: как сокращаются мышцы у бегущего гепарда, как работают сердце и легкие неутомимой лани, какие движения хвостом продельвает резвящийся в море дельфин.

Задолго до того, как мир услышал слово «бионика», нашлись люди, обратившиеся за ответом на вопросы, волновавшие их, к живой природе. Их любознательность была вознаграждена. Вот один из таких примеров.

Вам, вероятно, не раз приходилось видеть соревнования по легкой атлетике, любоваться стремительным бегом спринтеров. Вот они выходят на старт. По команде стартера бегуны опускаются на одно колено, опираясь пальцами о землю. Это низкий старт. А как он появился?

Спортсмены придумали его не сами. Они его скопировали у... кенгуру. Они обратили внимание на то, как прыгает кенгуру. Перед прыжком животное пригибается к земле. Затем, словно развернувшаяся пружина, подбрасывает свое тело вперед. Прыжок получается длинным, стремительным. Мелькнула догадка: а что если и нам начинать бег, низко пригнувшись к земле? Это позволило выиграть несколько мгновений.

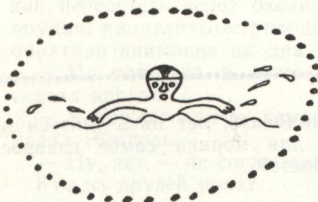
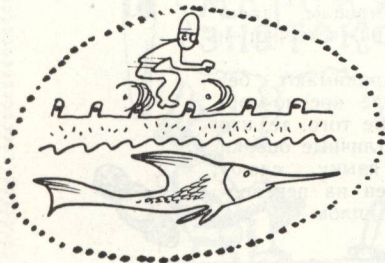
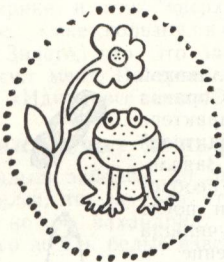
А теперь обратимся к другой области. Чемпион мира и Европы француз Готтваллес проплыл 100 метров за 52,9 секунды. Семь километров в час. Это ненамного быстрее пешехода. А по сравнению с обитателями морских глубин, чемпион кажется совсем тихиходом. Дельфин развивает скорость до 70, а тунец — до 90 километров в час. В одном из музеев Англии хранится кусок дубового корабельного шпангоута, обитого медью. Он насквозь пробит кинжалом меч-рыбы. Какая же скорость нужна для такого удара? Академик А. Н. Крылов подсчитал — не менее 100 километров в час. Семь километров и сто! Почему такая разница?

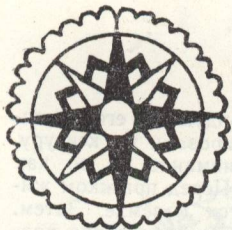
Сначала думали, что главное преимущество рыбы перед пловцом заключается в мощном хвосте и плавниках. Однако, исследования показали, что эти органы не так уж сильны. Известный исследователь физики моря В. В. Шулейкин доказал, что скорость у рыб достигается благодаря волнообразным движениям тела, когда мышцы ритмично сокращаются и расслабляются. Кроме того, движению помогают жабры. Выбрасывая вдоль тела к хвосту струи воды, они создают реактивную силу, толкающую рыбу вперед.

Открытиями ученых воспользовались спортсмены. Некоторые из них и сами на время превращались в ученых, вели исследовательскую работу и своими открытиями обогатили спорт, расширили границы физических возможностей человека. Это помогло им, между прочим, создать замечательный способ плавания — «дельфин».

Вместо того чтобы разводить ноги в коленях, как делали все спортсмены, плавающие баттерфляем, пловец держит их сомкнутыми, сильно ударяя сверху вниз. Волнообразные движения пловца напоминают удар кнута. Со стороны кажется, что по дорожке бассейна скользит большая сильная рыба или, резвясь, плывет дельфин. Этот необычный способ плавания с тех пор так и назвали — «дельфин». Все лучшие пловцы мира теперь применяют в плавании баттерфляем его разновидность — дельфин.

А. Светов

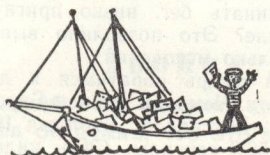

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Год издания двенадцатый

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

— Напечатайте правила приема в Нахимовское училище! — пишут нам ребята из поселка Сухой Лог. Такие же письма прислали школьники города Марганец Днепропетровской области, Сольвычегодска, Одессы, Новосибирска. Целый баркас писем.

На вопросы нашего корреспондента отвечает преподаватель Нахимовского училища капитан второго ранга В. И. Туркин.

ВОПРОС: Кого принимают в Нахимовское училище?

ОТВЕТ: В училище принимаются 15—16-летние юноши, закончившие 8 классов на хорошо и отлично, изучающие в школе английский язык и годные по состоянию здоровья для службы в Военно-Морском Флоте.

ВОПРОС: Какие документы нужны для поступления в училище?

ОТВЕТ: Личное заявление юноши о желании учиться в Нахимовском училище и быть офицером ВМФ. Подлинное свидетельство о рождении. Табель успеваемости за первое полугодие (свидетельство об окончании восьмого класса высылается отдельно, к 25 июня). Характеристика за подписью директора школы. Комсомольская характеристика Комитета комсомола школы (для комсомольцев). Медицинское заключение о состоянии здоровья и пригодности юноши для службы на кораблях ВМФ по приказу Министра Обороны СССР № 83 от 1963 года, выданное гарнизонной военно-врачебной комиссией

при военкомате или поликлиникой по месту жительства. Справка о месте работы или характере трудовой деятельности родителей или лиц, их заменяющих. Заявления родителей, в котором необходимо указать, что их сын после окончания Нахимовского училища будет продолжать обучение в Высшем военно-морском учебном заведении с целью приобретения профессии офицера ВМФ. Об этом должно быть написано и в заявлении поступающего.

ВОПРОС: Срок подачи документов?

ОТВЕТ: 15 мая.

ВОПРОС: По какому адресу высылать документы?

ОТВЕТ: Ленинград, П-46, Петроградская набережная, 2/4.

ВОПРОС: Сколько лет учатся нахимовцы?

ОТВЕТ: Три года — 9, 10, 11 классы.

ВОПРОС: Какие льготы предоставляются нахимовцам, закончившим училище на четверки и пятёрки?

ОТВЕТ: Их принимают без экзаменов в Высшие военно-морские училища. Кроме того, те, кто имеет хорошие и отличные оценки по английскому языку, сдают специальный экзамен на переводчика и получают диплом.

— Что у моряка самое главное? Лихость... Справа мель, слева ветер жмет, впереди причал. Прикинул морским глазом, все оценил, рр-раз! — и пришвартовался!

— Вот-вот, а чтобы так оценить да пра-

вильно скомандовать, лет пять учиться надо. Выходит, для моряка самое главное...

— Усидчивость?

— Она.

ДЕЛЬФИНИЙ ОСТРОВ

Окончание

Самки были в другом конце вольера. Услыхав призыв, они бросились к вожжаку. Они подплывали одна за другой и, колеблясь ни секунды, проскакивали в дыру. Наконец, Копченый остался один. Он лениво шевельнул хвостом и, не обращая внимания на крики и стук сверху на помосте, тоже скользнул в отверстие.

— Знаете, что это за писк? — спросил меня Валерий. — Это значит: «Идите все сюда!»

Как лечат дельфинов

Малыш заболел. То ли он простудился, то ли съел что-то плохое, но он захандрил. По коже у него пошли белые язвенные пятна.

И тогда я увидел, как лечат дельфинов.

— Помогите, — сказал мне Валерий, — одного матроса нет, нас трое, а нужен четвертый.

Мы принесли сеть и опустили ее в вольер. Валерий с одним матросом начали медленно вести сеть по вольеру, загоня дельфинов в угол. Они вели ее, как рыбаки ведут невод. Наконец все звери сгрудились у стенки. Валерий, в маске и в ластах, полез в воду. Он долго крутился на одном месте, выбирая удобный момент. Наконец Русалка с Малышом проплыли совсем рядом. Валерий бросился вперед и ухватил Малыша за плавник. Двое матросов встали на колени и приняли у него Малыша из рук. Мы положили Малыша на носилки и вчетвером потащили дельфиненка в домик на берегу. Там была дельфинья больница. Здесь Малыша уложили на стол, покрытый поролоновым матрасом, и пристегнули ремнями. Он лежал, печально кося глазами по сторонам.

Валерий взял шприц, проткнул иглой резиновую пробку пузырька, набрал лекарства и сделал Малышу укол. Я стоял в это время у его головы. Моя рука лежала у самой пасти. Если бы Малыш захотел, он мог бы укусить

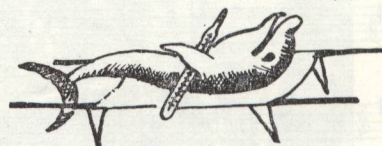
меня. Всякий другой зверь на его месте поступил бы так.

Если бы меня какие-нибудь морские существа затащили под воду, привязали к столу и начали колотить, честное слово, я бы не выдержал, я бы стал кусаться и колотить ногами по матрасу.

А Малыш лежал спокойно. Ему сделали два укола, измерили пульс и температуру. Конечно, ему было больно и нехорошо, и он, конечно, не знал, что это все делается для его же пользы. Но он лежал спокойно, и только когда делали второй укол — около хвоста — дернулся, и в пустой гулкой комнате раздалось комариное: пии-ии!

Мы отнесли его обратно и осторожно пустили в воду. Он кинулся к Русалке и, пристроившись около ее плавника, начал бесконечный тревожный бег.

С. Сахарнов

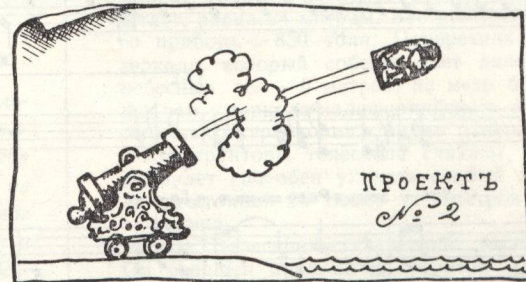
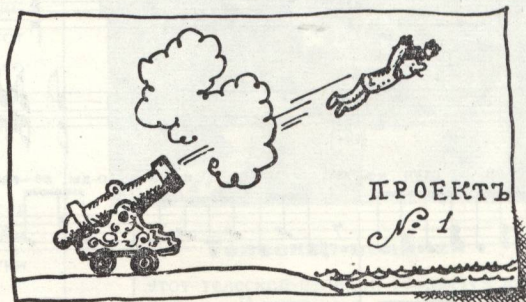

Рассматривая старые фантастические проекты, как перелететь через океан с помощью морского орудия, капитан Быстроходов и боцман Румпель обратили внимание на два рисунка.

— Не завидую я этим путешественникам! — сказал капитан.

— У нижнего полет немного безопаснее! — возразил Румпель.

— Ну, нет, — не согласился с ним Быстроходов. Кто из друзей прав?

ПЕСНЯ О ЛЕНИНСКОМ ПАРОВОЗЕ

Музыка В. Запольского

Слова В. Шумилина

1. И о - пять на Фин-ляндский вок-зал я и - ду, где спе - шат э - лект-рич - ки, тру -

- бя на хо-ду. Лишь о - дин па-ро-воз, он сто - ит в сто-ро-не, всё как дру - гу он сно - ва по - ве - дает мне. Э - то

он, это он го - ро - пил - ся в пу-ти, чтоб воз - дя в бо-е-вой Пет - ро - град при - вести. И по -

- чу-дит-ся стук ко - лес, и сквозь го-ды, ле - ген - дой о - ве-ян-ный, ты о - пять ме-ня па - ро -

- воз уве - зешь в Рево-лю-цию, к Ле-ни-ну.

2. Я стою, к Ле - ни-ну.

гав.

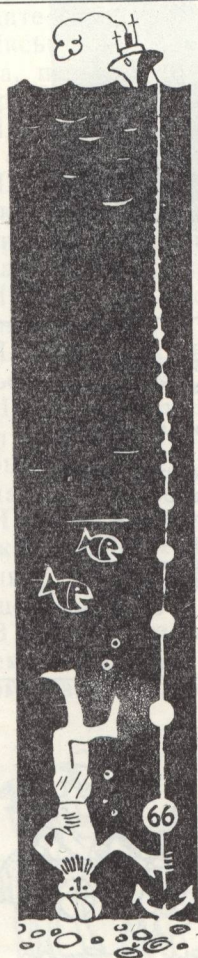
The musical score is written in G major and 4/4 time. It features a vocal line and a piano accompaniment. The piano part includes dynamic markings such as *mf*, *f*, *p*, and *rit.* The score is divided into two systems, with the second system starting with a repeat sign and first/second endings. The lyrics are in Russian and describe the Lenin steam locomotive and its role in the revolution.

Звук-рыболов

Конечно, звук не ловит рыбу сам! Но вот обойтись без него при рыбной ловле подчас невозможно. Правда, надо сделать оговорку: речь идет о ловле рыбы огромными сетями, которые буксируются сейнерами.

Косяки рыб очень часто идут на большой глубине, иногда над самым морским дном. Попробуй разгляди. Вот тут-то и помогают эхолоты. Эхо — звук, отраженный от скоплений рыбы, — возвращается назад. На бумажной отметке эхолота появляется отметка: есть рыба!

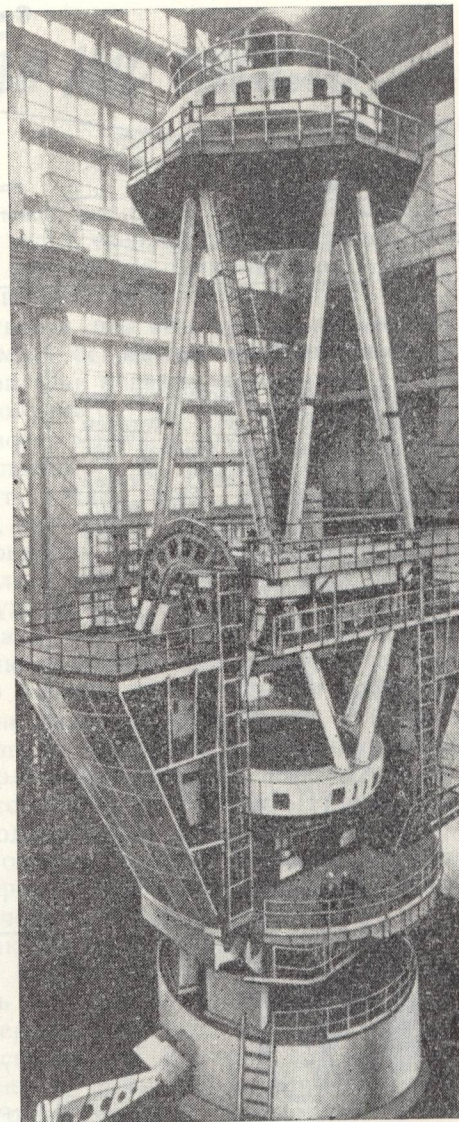
С первым апреля

Учебный год в Японии начинается первого апреля. В этот день первый раз берут сумки все шестилетние мальчики и девочки и вместе со старшими школьниками отправляются в школу.

В японской школе учиться нелегко. Еще в начальных классах дети должны выучить почти 1000 иероглифов и две азбуки по 70 букв.

Йоги в морских глубинах

Жак Мейел, француз по национальности, который живет в Японии, научился у индийских йогов долгое время находиться под водой не дыша. Совсем недавно Мейел смог опуститься на глубину 66 метров и пробыл под водой 4 минуты и 2 секунды.

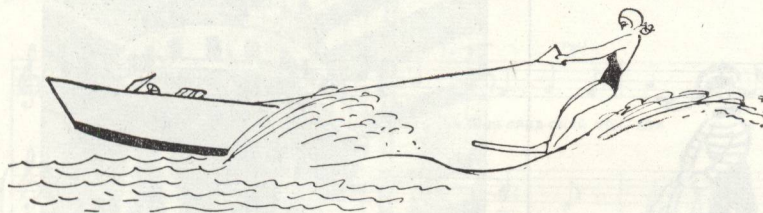
Телескоп-великан

Этот телескоп-великан создается в Ленинграде. Его полная длина 42 метра, длина трубы, смонтированной из 16 штанг, равна 24 метрам. Вес исполинского прибора — 850 тонн. Поперечник его зеркала, который соберет свет далеких небесных тел — 6 метров, на метр больше, чем у зеркала калифорнийского телескопа в обсерватории Маунт Паломар.

Конструкторы телескопа считают, что он будет способен уловить слабый свет на расстоянии 25 тысяч километров от телескопа.

Этот телескоп — гигантский агрегат. Он оснащен многими приборами, которые способны фотографировать, вести спектрографические наблюдения.

Сам себя буксирует

Для развития воднолыжного спорта необходимо было сконструировать судно без экипажа, чтобы лыжники могли обходиться без команды. Для самобуксировки воднолыжников теперь выпускают суда с мотором, который автоматически выключается, если лыжник потерял управление и упал.

Фторопласт — уникальный материал

Представьте себе пластмассу, сохраняющую свойства под действием серной, азотной и даже соляной кислот. И щелочи, от которых обычная пластмасса расплывается, как тесто, не действуют. Изделия из такой пластмассы — фторопласта — выдерживают температуру от минус 196° до плюс 170°. Кроме того, фторо-

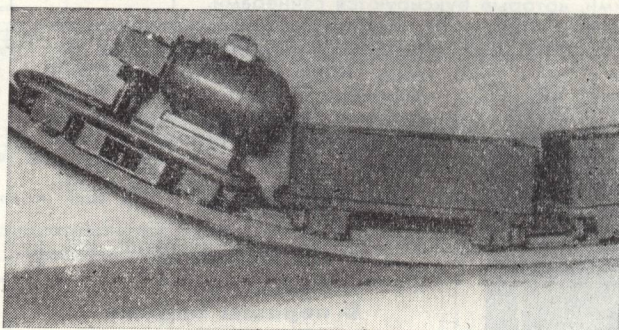

пласт — чуть ли не самое скользкое вещество на свете. Ни один природный материал не обладает сочетанием столь полезных для техники свойств.

Поезд идет по стене

При строительстве арочной плотины в Саянском ущелье скоро можно будет увидеть поезда, груженные углем, рудой, строительными материалами, которые то поднимаются в гору, то спускаются по отвесной скале. Локомотив, тянущий маленькие вагончики, ходит по рельсам, укрепленным на эстакаде. Эстакада проложена и в глубокой шахте, и в стене.

Автор опытной установки ленинградский инженер В. С. Берсенева.

Десять названий рыбы

Адриатическое море богато рыбой. Местные жители, по традиции, дают рыбам всевозможные имена, учитывая повадки, размеры, форму, цвет. Есть «бабуся», «голубка», «зано-за», «свинка», «князь», «монах», «щепка», «ворона», «кузнец», «волк»...

Машина „читает“ адреса

В Англии приступили к испытанию машины, которая должна разбирать письма по адресам. Конструкторы старались добиться, чтобы машина быстро и точно «читала» адреса, написанные не только на машинке, но и от руки.

Велосипед-„тридцатиножка“

На одной из дорог Швейцарии можно видеть необычный велосипед, длиннее которого, пожалуй, нет в мире. Этот велосипед сконструировали 28 молодых учителей, и все 28 на нем ездят. У «тридцатиножки» 30 колес, 15 осей и два руля. Он делает 35 километров в час.

ШКОЛА

спринт

Во что бы то ни стало

Недавно ехал я в редакцию «Костра», ошибся и сошел на одну автобусную остановку раньше. А у нас в Ленинграде как раз в этом месте находится огромный Таврический сад. Дай, думаю, сделаю я пробежку по саду. И побежал. Бегу. Приятно, даже весело как-то. И не мальчик уже, не школьник, люди на меня смотрят и даже пальцем показывают, а я все равно бежал и наслаждался, потому что очень уж приятно бегать.

— Э! — сказали мне в редакции. — Да ты, оказывается, бегун. Мы из окна видели. Ну-ка, разберись в письмах от наших корреспондентов заочной школы «Спринт».

Прочел я с десятков писем и расстроился. Судите сами.

Письмо из Азербайджана: «Занимаюсь я одна, потому что никто не хочет заниматься спортом».

Письмо из Хабаровска: «Они (ребята) просто отмахивались от меня и не слушали».

Из Архангельской области: «Ты написала в школу «Спринт», сама и тренируйся!», — сказали мне ребята, и я тогда пожалела, что написала вам».

Из Якутска: «Когда над тобой смеются, это очень обидно».

Из Свердловской области: «Что ты выделяешься, как будто лучше всех бегаешь?»

Из Ставропольского края: «Если бы у меня был товарищ по спорту, мы бы вместе бегали и были бы хорошие результаты, но ведь я-то одна».

И в каждом письме прямо или скрыто выражен вопрос: «Стоит ли тренироваться в одиночку? Не бросить ли занятия спринтом вообще?»

В этом и есть, на мой взгляд, главная проблема. Сравните мою пробежку по Таврическому саду и ваши тренировки. В них действи-

тельно мало похожего, но одно общее, и очень притом существенное, есть — любовь к бегу. Ну-ка, попробуйте бросить свои тренировки, и если вы действительно любите бег, то сразу почувствуете, что вам чего-то не хватает.

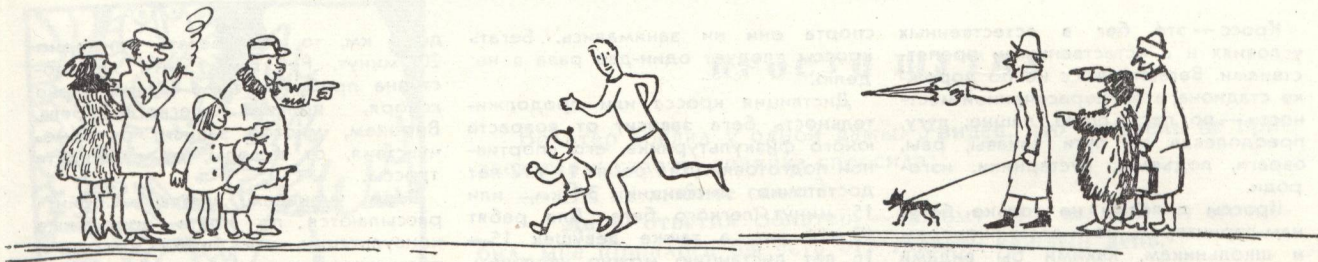
Возьмите бегунов на длинные дистанции — стайеров. Они нередко занимаются в одиночку, лишь получив от тренера план. Иногда же тренировки проходят по переписке, как в школе «Спринт». Мало того, некоторые известные бегуны, как братья Знаменские или Владимир Куц, поначалу вообще не имели тренера и тренировались просто так, для себя, потому что очень уж любили бег.

Когда я был на слете школы «Спринт» в «Орленке», я поразился, что ребята, приехавшие из разных концов страны и раньше никогда не видевшие друг друга, действительно чувствовали себя членами единого спортивного коллектива. Так что не так уж вы одиноки, товарищи «одиночки!» И еще: советую вам, «одиночкам», переписываться между собой. Получить письмо от далекого товарища по спорту с сообщениями, как идут дела — тоже очень приятно и важно.

А как же быть с теми, кто не хочет заниматься вместе в вами? Не бросайте их, старайтесь их увлечь, не забывайте, что, став спринтером-заочником, вы стали пропагандистами спорта. Ну, а с теми, кто ко всему прочему еще и дразнит вас или старается обидеть — действительно трудно. У них, я вижу, нет ни чувства стыда, ни уважения к товарищам и, что особенно обидно, любви к спорту. Если уж вам не удалось их переубедить, старайтесь тогда, чтобы они не мешали тому полезному делу, которым вы занимаетесь.

Главное — бегайте во что бы то ни стало!

С. Вольф

ШКОЛА спринт

СНОВА — В „ОРЛЕНКЕ“

**20000 ПРЕТЕНДЕНТОВ
ПО ЛЕСАМ, ПО ПОЛЯМ
СОВЕТЫ ВРАЧА**

На свой третий Всесоюзный слет соберутся в августе ученики школы «Спринт». Как и прежде, сбор делегатов — на берегу Черного моря, в пионерском лагере «Орленок».

Попасть на встречу спринтеров в олимпийском году особенно почетно. И трудно! 20 000 ребят борются за это право. 500 лучших получают путевки. Кто они? Организаторы пионерских спортивных коллективов. Победители «Эстафеты быстроногих». Наши активные корреспонденты, бегуны, вошедшие в сборную команду «Олимпийская надежда».

А тем, кто не попадет на слет нынешним летом, советуем не вешать носа. Всесоюзные встречи юных бегунов проводятся ежегодно. Берите прицел на будущее лето!

Даем справку

НАСЛЕДНИКИ ГЕРОЕВ

Почему бегунов называют легкоатлетами?

Аля Малахова, с. Никольское Воронежской области

Слово «атлетика» греческого происхождения. Так в Древней Элладе называлось искусство развивать силу и ловкость с помощью физических упражнений. Во времена Гомера «атлет» означало «герой», позднее — «борец, участник олимпиады». В России слово «атлетика» появилось в начале XIX века как обозначение любых упражнений для гармонического развития тела. Вскоре «тяжелой» атлетикой стали называть бокс, борьбу, гиревой спорт, а легкой атлетикой — бег, прыжки, метания.

В наше время тяжелоатлетами называют только штангистов. К легкоатлетам же принято относить бегунов (спринтеров, средневикиков, стайеров, марафонцев), прыгунов, метателей, многоборцев и скороходов.

Ф. Шалгин, кандидат филологических наук

„МЕРТВАЯ ТОЧКА“

Я хочу бегать не только на короткие, но и на длинные дистанции. Расскажите, пожалуйста, что такое «мертвая точка».

Рамиз Гизатуллин, г. Уфа

Во время кроссовой пробежки или соревнований на средние и длинные дистанции бегун иногда внезапно чувствует сильное утомление. Скорость бега заметно снижается, движения становятся вялыми, беспорядочными, нарушается правильное дыхание, усиливается сердцебиение. Такое состояние организма получило название «мертвой точки».

В большинстве случаев эти неприятные ощущения быстро проходят. Наступает облегчение, или, как говорят спортсмены, «второе дыхание». Но для этого надо волевым усилием заставить себя дышать глубже.

Как бороться с «мертвой точкой»? Лучшее средство — хорошая разнообразная, но не утомительная разминка перед бегом. У тренированного легкоатлета после правильной разминки «мертвая точка» чаще всего не возникает.

*Р. Гуральник,
физикультурный врач*

ВЕСНА — ПОРА КРОССОВ

Кросс — это бег в естественных условиях и с естественными препятствиями. Бегают кросс не по дорожке стадиона, а по пересеченной местности — по лесу, полю, пашне, лугу, преодолевая по пути канавы, рвы, овраги, подъемы, кустарники, изгороди.

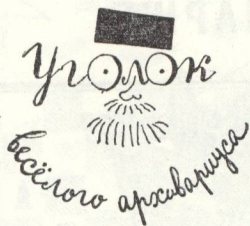
Кроссы полезны не только бегунам-спринтерам, но и всем пионерам и школьникам, какими бы видами

спорта они ни занимались. Бегать кроссы следует один-два раза в неделю.

Дистанция кросса или продолжительность бега зависит от возраста юного физкультурника, его спортивной подготовки. Для ребят 11—12 лет достаточно дистанции 3 км, или 15 минут легкого бега. Для ребят 13—14 лет, а также девушек 15—16 лет дистанцию можно увеличить

до 4 км, то есть бегать примерно 20 минут. Ребятам 15—16 лет доступна пробежка на 6—7 км, иначе говоря, полчаса легкого бега. Впрочем, многое зависит от самочувствия, от погоды, от сложности трассы.

Всем ученикам школы «Спринт» рассылаются по почте подробные консультации, как бегать кроссы и тренироваться весной.

ИМПЕРАТОР ИЗВОЛИЛ ЗАМЕТИТЬ

Николай I, прозванный за свою жестокость «Палкиным», терпеть не мог пестроты и разнообразия, в любой мелочи ему чудился ненавистный «вольный дух». Ему хотелось буквально постричь всех под одну гребенку, о чем свидетельствует ниже-следующий нелепый, но подлинный документ.

«Государь император изволил заметить, что некоторые из господ военнотружущих дозволяют себе иметь на голове весьма длинные волосы и причесывают их или даже завивают, подражая всем прихотям новых, странных обычаев, нередко из-за границы к нам достигающих.

Его императорское величество, находя неприличным допустить это в войсках, соизволил вменить в неприменную обязанность всем господам военным начальникам наблюдать: дабы ни у кого из подчиненных их не было никакой прихотливости в прическе волос, чтобы вообще волосы были острижены единообразно, и непременно так, чтобы спереди на лбу и на висках были не длиннее вершка, а округ ушей и на затылке гладко выстрижены, не закрывая ни ушей, ни воротника, и приглажены справа налево.

Вместе с тем, его величество изволил повелеть не допускать никаких странностей и в усах и в бакенбардах, наблюдая, чтобы первые были не ниже рта, а последние, ежели сведены с усами, то также не ниже рта, выбривая их на щеках против оногo».

ГЕНЕРАЛ И СИГАРЫ

Во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов при штабе знаменитого генерала Скобелева постоянно находились журналисты и художник Вережагин. Во время одного важного сражения вся эта компания столпилась на холме поодаль от генерала. Неискушенные в военных делах люди не могли сами разобраться, как идут дела, а спросить, зная крутой нрав Скобелева, не решались. Выручил всех Вережагин. Он подошел к генералу с открытым портсигаром и предложил ему закурить. Затем вернулся к журналистам и сказал: «Мы побеждаем!»

— Однако как же вы узнали?

— Очень просто. Я посмотрел, как Скобелев взял у меня сигару. Если бы дела шли плохо или положение было неясным, генерал взял бы сигару не глядя. А раз он спокойно, не горюясь, выбрал самую лучшую, значит, дела идут хорошо.

ПРОСТО ШУТКА

Вольтер обедал у одной дамы. Увидев, что писатель не прикасается к салату, хозяйка спросила:

— Вы не любите салат?

— Да, — ответил Вольтер, — потому что, если бы я его любил, мне пришлось бы есть эту гадость каждый день.

ПИРАТЫ!

Мы уже трое суток в море и на всех парах идем намеченным курсом. А сегодня утром наше судно чуть не столкнулось с пиратским кораблем.

— Ага! Попались! — завопили пираты. — Сдавайтесь!

— Сами сдавайтесь! — дружно ответили арчебековцы.

Пираты забежали по палубе и подняли страшный галдеж.

— А кто вы такие, чтобы вам сдаваться? — выкрикнул кто-то из них.

— Мы рыцари непобедимого шахмат-адмирала Ферзьбери!

На пиратском корабле снова загалдели, затем вышел атаман:

— Ладно! Ни вы нам, ни мы вам! А ваш Ферзьбери пусть зайвится сюда. Клянусь дьяволом — не тронем! Дельце есть!

АРЧЕБЕК НА МАРШЕ

Ферзьбери, разумеется, не побоялся, но прихватил десяток рыцарей.

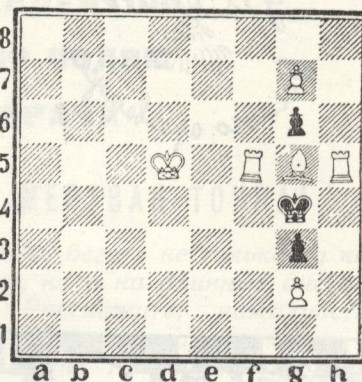
— Смотрите! — атаман ткнул пистолетом в беднягу, привязанного к мачте. — Это знаменитый профессор! Но по нем скучают акулы, и разрази меня гром, если им придется долго ждать! А того — на корме — видите? Вздернем! Уже петлю готовят. Обоих толстопузых скинем на плот, та пара в бочке — отличная мишень для пуль из моего крупнокалиберного, а шенка-мальчишку вытряхнем на необитаемый остров! Ну, как задумано? Ха-ха! Скучно не будет? Башкой надо работать!

— Но что плохого сделали вам эти люди?!

— Ровно ничего! Однако какие мы будем, к дьяволу, пираты, если станем отпускать всех так, за здорово живешь?

— На что вы намекаете, атаман? Хотите выкуп?

— Во-во! Тут-то и кроется дельце! В общем, мы здесь кое-что разнохали... Насчет одного сокровища... Не спрашивай — где, адмирал, все равно не скажу! И такая вышла штука — чтобы по карте во всем разобраться, требуются решения кое-каких задачек... Ну, а мои парни по этой части не очень-то... Дал я по задачке каждому пленному, но тоже, видно, впустию. Так вот, адмирал, решишь эту задачку на мат в 2 хода, — атаман показал диаграмму, — профессора отпущу. Да и других — хоть всех забирай! Если только задачи тебе по зубам, адмирал.

Главнокомандующий тут же вернулся на «АРЧЕБЕКОВЕЦ» и отдал

ПРИКАЗ № 4

§ 1. Шахматным рыцарям — спасти профессора и обоих толстяков!

§ 2. Шашечным рыцарям — избавить пленников от виселицы и от пули!

§ 3. Рыцарят — выволить из беды мальчишку!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Так ли вы решили испытательное задание? («Костер» № 12)

Мат в 2 хода. 1. Лh6! и при любом ответе белые дают мат.

Шашечная комбинация. 1. f4—g5!, 2. g1:e7, 3. a3—b4X. Для краткости обязательные ходы черных (взятие) в решении не пишутся.

На обложке гравюра Илл. Некрасова «Космос»
На второй странице обложки фото Р. Мазелева и А. Ритова
На третьей странице обложки рисунок Ю. Лобачева

Главный редактор В. В. Торпопыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Барина, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погodin, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Тереминская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. А. Маевская

Рукописи не возвращаются

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76

М-14651
Тираж 330 000 экз.

Подписано к печати 11/III 1968 г.

Формат 84×108¹/₁₆.
Заказ № 1090

Печ. л. 8+1.

6,36 усл., 8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

БЕЛЫЕ ВЫИГРЫВАЮТ (КОМБИНАЦИЯ)
БЕЛЫЕ: с3, d2, e1, e3, f2, g1, h4

ЧЕРНЫЕ: с5, с7, d6, e5, e7, f8, h6

а3, b2, с1
с3, d2, e1
а5, с5, d4
е5, g5, h7

БЕЛЫЕ ВЫИГРЫВАЮТ (КОМБИНАЦИЯ)

АРЧЕБЕКОВЕЦ

БЕЛЫЕ: Кр f7, Фг1, Сб n6
БЕЛЫЕ ЗАЮТ МАТ В 2 ХОДА!

ЧЕРНЫЕ: Краб, Фg1, Сь8, nn. а6, b7, h2
НЕСУЩИЙ СМЕРТЬ

Кр h8 Краб n. с6
n. h5
БЕЛЫЕ СПАСАЮТСЯ НА НИЧЬЮ.

БЕЛЫЕ ВЫИГРЫВАЮТ

МАТ В 2 ХОДА

